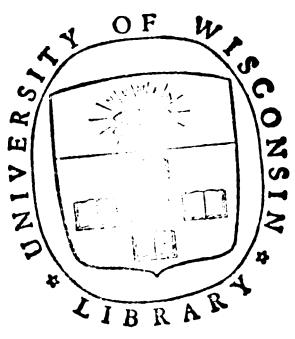

CT
1218
M26
P6

Mikhail Aleksandrovich Maksimovich

— — —

STEPAN IVANOVICH PONOMAREV

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МАКСИМОВИЧЪ.

(Біографический и историко-литературный очеркъ).

СОСТАВИЛЪ

С. ПОНОМАРЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, у Владімірской церкви, домъ № 15.

1872.

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

МАКСИМОВИЧЪ.

(Біографический и историко-литературный очеркъ).

СОСТАВИЛЪ

С. Пономаревъ.
Ponomarev

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, у Владимирской церкви, домъ № 15.

1872.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

СТ

1218

М 26

Рб

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ МАКСИМОВИЧЪ.

(Биографический и историко-литературный очеркъ).

«Да будетъ воздано каждому по заслугамъ.
«Признательность разнородныхъ труженикъ,
«въ поть лица работавшихъ на чловѣчество,
«удовлетворившихъ какому-нибудь изъ его тре-
«бованій... Въ возможности такого суда есть
«нѣчто глубоко-утѣшительное для человѣка.
«Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыхъ си-
«лы для спора съ жизнью».

Грановскій (1849 г.).

6-го сентября нынѣшняго года былъ отпразднованъ въ Киевѣ лите-
ратурный юбилей одного изъ почтеннѣйшихъ и старѣйшихъ рус-
скихъ ученыхъ и литераторовъ — Михаила Александровича Макси-
мовича.

Историко-филологическому факультету университета св. Владимира
принадлежитъ честь первого слова объ устройствѣ этого праздника.
По его представлению, совѣтъ университета, считающій Максимовича
своимъ почетнымъ членомъ, съ живымъ сочувствиемъ сообщилъ дѣлу
далнѣйшій ходъ ¹⁾). Считаемъ поэтому своеевременнымъ представить
очеркъ его жизни и учено-литературной дѣятельности. Поговоримъ
о немъ съ любовию, какъ ни скромно его имя: онъ питалъ въ душѣ
своей призваніе, онъ не зарылъ въ землю своего таланта; дѣятельность
его разнородна, и плоды ея зрѣлы.

Въ 1821 году, въ журналѣ Московскаго профессора Дvigubskаго
Новый Magazinъ естественной истории, физики, химіи и сельскій
экономическихъ ²⁾, явился первый трудъ Максимовича, еще студента;

¹⁾ *Кievлянинъ*, 1881 г., № 64, июня 1; *Унив. Извѣстія*, 1871 г., № 8.

²⁾ Журналъ издавался съ 1820 по 1830 годъ включительно, всего вышло
132 книги; назывался *Новый Magazinъ* потому, что прежде былъ *Magazinъ*

это былъ переводъ изъ Мирбеля: „Къ чему служать листья на растеніяхъ“; въ 1871 г., Максимовичъ, уже 67-лѣтній дѣятель, издалъ свои „Письма о Киевѣ“ и напечаталъ нѣсколько историко-литературныхъ статей въ *Киевскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостяхъ*; послѣдняя его книга, заключающая въ себѣ много интереснѣйшихъ воспоминаній, и *непрекращаемая дѣятельность литературная* усиливаютъ поводъ, по которому предлагается вниманію читателя настоящій очеркъ литературного поприща Максимовича. Ходъ его ученой и литературной дѣятельности во многомъ уясняется обстоятельствами его жизни. Поэтому является необходимымъ—представить главнѣйшія черты изъ нея, на основаніи печатной его біографіи¹⁾, а также его послѣдней книги, разныхъ нашихъ періодическихъ изданій и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Мы распространимся, можетъ-быть, слишкомъ много для скромности живущаго многоуважаемаго дѣятеля; но жизнь его за многіе годы такъ тѣсно переплетена съ жизнью нашихъ славныхъ писателей, и самъ онъ, какъ одинъ изъ немногихъ оставшихся дѣятелей Пушкинского періода, является уже на столько историческимъ лицомъ, что, надѣемся, ни онъ, ни читатели не постынутъ на насъ за избытокъ радушнаго слова.

Михаилъ Александровичъ Максимовичъ родился въ 1804 году, 3-го сентября, въ хуторѣ Тимковщинѣ, близъ г. Золотоноши, Полтавской губерніи, въ домѣ бабки своей Анны Савичны Тимковской. Фамилія Максимовичей, даже на югѣ Россіи, очень многочисленна. Родонаучальникомъ фамиліи нашего писателя является въ XVII вѣкѣ Максимъ Васильковскій, называвшійся такъ по мѣсту родины своей, а въ послѣдствіи получившій прозваніе Печерскій, по мѣсту жительства въ Кіевѣ. Это былъ мирный, трудящійся гражданинъ, обновивший, между прочимъ, Лаврскую трапезную церковь въ 1694 году. Гетманъ Мазепа універсаломъ своимъ принялъ его подъ свою гетманскую оборону, въ награду его полезныхъ для войска трудовъ. Семь

натуральной исторіи, физики и химіи, издававшійся А. А. Прокоповичемъ-Антоніскимъ, съ 1788 по 1792 годъ.

¹⁾ Біограф. Словарь професс. Моск. унів., т. 2. Ее обыкновенно считаютъ *автобіографіей*, но строго говоря, она не можетъ быть такъ названа. Максимовичъ послалъ, по требованію С. П. Шевырева, только сборникъ свѣдѣній о своей служебной и литературной дѣятельности, для словаря профессоровъ Московскихъ, къ стolѣтнему юбилею университета. Материалы эти подверглись немалымъ передѣлкамъ Шевырева, такъ что статья въ Словарѣ скорѣе можетъ быть названа его сочиненіемъ, нежели *автобіографіей* Максимовича.

сыновей Максима становятся извѣстными уже подъ фамиліей Максимовичевъ, по малороссійскому обычаю, какъ дѣти Максима; такъ называются они и въ универсалахъ гетманскихъ. Старшій изъ семи былъ потомъ извѣстный митрополитъ Тобольскій и плодовитый писатель, Іоаннъ Максимовичъ. Второй Василій былъ компанейскій полковникъ, убитый Татарами, на р. Кодымѣ, въ 1698 году. Отъ него, въ нисходящемъ порядкѣ, развилось слѣдующее потомство: сынъ Леонтій, войсковой товарищъ; сынъ Леонтія Иванъ, сотникъ Бубновскій, въ послѣдствіи предводитель Золотоношского дворянства; въ 1784 году онъ внесенъ въ 6-ую часть родословной дворянской книги Кіевскаго намѣстничества; въ апрѣль 1788 года, вмѣстѣ съ другими предводителями, онъ провожалъ императрицу Екатерину, Днѣпромъ изъ Кіева до Кременчуга; умеръ въ 1801 г., въ чинѣ бунчукового товарища. Меньшой его сынъ Иванъ, слыпшій и въ народѣ подъ именемъ „стараго майора“, дѣдъ нашего писателя, отличался любовію къ суровой старосвѣтской простотѣ жизни. Его старшій сынъ Александръ, ученикъ Иринея Фальковскаго, недолго былъ въ службѣ; онъ по волѣ отца, а потомъ, по собственной охотѣ, лѣтъ двадцать занимался механикой и архитектурой при Шостенскомъ пороховомъ заводѣ; умеръ, въ чинѣ 9-го класса, въ 1850 г. Онъ -то и былъ отцомъ нашего писателя ¹⁾. По матери своей, М. А. Максимовичъ — родной племянникъ извѣстныхъ въ ученомъ и литературномъ мірѣ Тимковскихъ: изъ пяти дядей его двое были профессорами и всѣ были писателями. Первые годы дѣтства прошли то у бабушки А. С. Тимковской, то у дѣда „стараго майора“. Шестилѣтнимъ мальчикомъ привезенъ былъ Максимовичъ въ Золотоношу, въ Благовѣщенскій женскій монастырь, на ученіе книжное, и въ тотъ же день черница Варсонофія (сестра генерала Голенка) посадила его съ указкою за грамотку. Обычный курсъ первоначального ученія той поры — грамотка, часословецъ и псалтири, — курсъ, установленный еще св. Кирилломъ, первоучителемъ славянскимъ, весь былъ пройденъ въ монастырѣ у той же черницы. Потомъ первыя свѣдѣнія въ наукахъ Максимовичъ пріобрѣлъ отъ старшаго изъ дядей, Ильи Федоровича Тимковскаго (бывшаго профессоромъ въ Харьковскомъ университѣтѣ и жившаго послѣ отставки въ с. Турновкѣ, близъ Глухова), а въ 1812 г. поступилъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію.

¹⁾ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, 1849 г., № 6, «Бубновская сотня», статья М. А. Максимовича.

Уроженецъ украинской степи, прожившій семь лѣтъ отрочества въ живописномъ городкѣ, Максимовичъ рано развилъ въ душѣ своей любовь къ природѣ и поэтическое настроение. Еще въ гимназії, онъ то и дѣло бродилъ по садамъ и лѣсамъ, собирая растенія, и ознакомился отчасти съ ихъ примѣненіемъ въ медицинѣ. Пристрастіе къ ботаникѣ осилило всѣ другія занятія; думая объ университетѣ, юноша мечталъ преимущественно о томъ, чтобы сдѣлаться Московскимъ профессоромъ ботаники. Въ 1819 году, окончивъ курсъ въ гимназії, онъ поѣхалъ въ Москву и около 25-го октября „съ сердечнымъ трепетомъ увидѣлъ Бѣлокаменную“. Къ вечеру того же дня былъ уже въ университетскомъ домѣ, у дяди своего Романа Федоровича Тимковскаго, профессора греческой и римской словесности, который былъ первымъ путеводителемъ его по Кремлю, записалъ его въ студенты словеснаго отдѣленія и помѣстилъ въ одинъ изъ кандидатскихъ нумеровъ, окнами на Никитскую. Объ опредѣленіи своего племянника на казенный счетъ Романъ Федоровичъ не хотѣлъ и слышать. Но Максимовичъ недолго пользовался руководствомъ дяди: Р. Ф. Тимковскій скончался 15-го января 1820 г. Въ томъ же году Максимовичъ увидѣлъ въ Москвѣ и другого своего дядю, Василія Федоровича Тимковскаго, который посовѣтовалъ ему не пускаться въ ремесло уроковъ, чѣмъ юноша и исполнилъ. Максимовичу тогда только-что минуло 15 лѣтъ. Словесникъ однако не покинулъ любимой ботаники, и во все свободное время неутомимо искашивалъ Московскія окрестности, собирая себѣ мѣстную флору. Университетскій курсъ продолжался тогда три года; Максимовичъ уже два года пробылъ въ словесномъ отдѣленіи, увлекающій Мерзляковымъ, и все-таки рѣшился перейдти на физико-математической факультетъ, чтобы свободнѣе и полнѣе заняться любимою съ дѣтства наукой. Дружескія сношенія съ адъюнктомъ ботаники, трудолюбивымъ Гольдбахомъ¹⁾, поѣздка въ знаменитый Горенскій садъ графа А. К. Разумовскаго, знакомство съ директоромъ его, извѣстнымъ ботаникомъ О. Б. Фишеромъ, лекціи славнаго М. Г. Павлова, все это придало новую энергию занятіямъ Максимовича. Сочиненіе за сочиненіемъ представлялъ онъ по любимому естествознанію профессорамъ Фишеру, Гофману, Павлову, Двигубскому, и нѣкоторые труды его были напечатаны тогда же, въ журналѣ Двигубскаго. Пав-

¹⁾) Гольдбахъ владѣлъ замѣчательнымъ даромъ возбуждать въ слушателяхъ своихъ любовь къ ботаникѣ; ему обязаны, между прочимъ, любовью къ наукѣ А. Фишеръ, Шиховскій, Щуровскій, Оверъ и другіе. См. Біог. Слов. проф. Моск. Univ., т. I.

ловъ былъ вполнѣ доволенъ его сочиненіемъ „О системѣ растительнаго царства“, какъ „первымъ плодомъ его ученія о природѣ“; въ статьѣ излагалась собственная теорія ботаники, основанная на сущности каждого растенія ¹⁾). Гофманнъ постоянно оказывалъ особенную благосклонность усердному ученику своему за его дѣльныя занятія. Ректоръ университета Антонскій также отличалъ даровитаго и трудолюбиваго студента. Пламенно любя свою науку, Максимовичъ успѣлъ въ два года окончить курсъ на избранномъ имъ факультетѣ, и въ 1823 году, 19 лѣтъ отъ роду, былъ выпущенъ кандидатомъ. Но этимъ не удовлетворилась жажда молодаго ученаго: находя свѣдѣнія медицинскія необходимыми для полноты естествознанія, пылкій кандидатъ, черезъ мѣсяцъ по окончаніи курса, записался въ медицинское отдѣленіе, и въ то же время, совмѣстно съ Гольдбахомъ, предпринялъ издать естественную исторію для университетскихъ слушателей; на долю Максимовича досталась зоология, и въ маѣ 1824 года онъ уже успѣлъ издать ее, руководствуясь сочиненіями Окена. Это была первая книга Максимовича, доставившая ему вниманіе ученаго круга, дружбу М. Г. Павлова и сближеніе съ литературнымъ міромъ. Въ *Сынъ Отечества* того же года (№ 31) замѣчено, что книга эта „принадлежитъ къ числу рѣдкихъ явленій въ нашей ученой литературѣ“, и при этомъ помѣщены были отзывы о ней, присланный изъ Москвы. Въ отзывѣ между прочимъ сказано: „Система Максимовича есть естественная, то-есть, основанная на сущности каждого животнаго, или иначе, на гармоническомъ соединеніи всѣхъ частей онаго.... Въ маленькой книжкѣ его читатели найдутъ болѣе полезныхъ свѣдѣній, нежели во многихъ многотомныхъ изданіяхъ по сей части“ (стр. 227—230). Отзывъ принадлежалъ князю Вл. О. Одоевскому, уже тогда заявившему разнообразіе своихъ свѣдѣній, издателю *Мнемозины*. Князь скромно скрылъ подъ римскими цифрами начальныя буквы своего имени, но позаботился отыскать самаго Максимовича, нашелъ его въ кандидатскихъ нумерахъ, познакомился съ нимъ и ввелъ его въ кругъ литераторовъ, среди коихъ между прочими были Веневитиновъ и Ив. Кирѣевскій. Скоро послѣ того Кирѣевскій ввелъ Максимовича въ домъ своей матери, А. П. Елагиной, гдѣ собирались тогда Баратынскій, Шевыревъ, Титовъ, Мельгуновъ, Соболевскій, Рожалинъ, а въ послѣдствіи Чадаевъ, Хомяковъ.... Кружекъ Одоевскаго и Елагиной имѣлъ

¹⁾ Статья была замѣчена и въ журналистикѣ: въ *Сынъ Отечества* (№ 31, 1824 г.) было сказано, что она по своему духу видимо отличается отъ другихъ статей, печатаемыхъ въ *Новомъ Магазинѣ*.

чрезвычайно доброе и полезное влияние на Максимовича. Тогда же произошло сближение его съ М. П. Погодинымъ, превратившееся со временемъ въ тѣсную дружбу. Такъ, на первыхъ порахъ по выходѣ изъ университета, Максимовича окружила семья литераторовъ. Немедленно по окончаніи курса, начались и служебныя занятія его при университетѣ, состоявшія въ приведеніи въ порядокъ библіотеки и въ разборкѣ гербаріевъ университетскихъ. Ректоръ Антонскій, про чившій Максимовича въ преемники профессору Гофману, доставилъ ему порученіе отъ университета, лѣтомъ 1824 и 1825 года, объѣхать Московскую губернію, съ цѣлью собрания растеній и минераловъ. Необыкновенно дождливое лѣто 1824 года не только мѣшало ученому путешествію, но и повліяло на здоровье Максимовича, поселивъ въ немъ зародыши убийственного ревматизма. Посѣтивъ на пути ботаника Адамса (въ Можайскомъ уѣздѣ), Максимовичъ послѣдовалъ его совѣту и отложилъ продолженіе своей экскурсіи до слѣдующей весны. Результатомъ поїздки были двѣ значительныя коллекціи, представ ленные университету, и „Путевые записки о Московской губерніи“, напечатанныя въ журналѣ Двигубскаго ¹⁾.

По возвращеніи Максимовича въ Москву, къ концу 1825 года, началась педагогическая дѣятельность его по ботаникѣ и садоводству въ земледѣльческой школѣ, а вслѣдъ затѣмъ въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и въ коммерческой академіи. Въ началѣ 1826 года, онъ былъ назначенъ помощникомъ профессора Гофмана въ наблюденіи за ботаническимъ садомъ, а по смерти Гофмана (въ мартѣ) принялъ въ самостоятельное завѣдываніе садъ и гербаріи университет скіе; въ ботаническомъ саду онъ провелъ все время своей Московской жизни. Въ августѣ 1826 года, ему было поручено преподавать въ университетѣ общій курсъ естественной исторіи и объяснять слушателямъ живыя растенія. Юношеская мечта его исполнялась.

Служебныя занятія не помѣшили Максимовичу принять дѣятельное участіе въ журналѣ Н. А. Полеваго. Еще студентомъ познакомился онъ съ Полевымъ у В. С. Филимонова, друга Тимковскихъ; вскорѣ потомъ онъ сдѣлался близкимъ человѣкомъ въ домѣ Полеваго и долго

¹⁾ О нихъ и чрезъ 10 лѣтъ встрѣчаемъ добрый отзывъ специалиста въ книжѣ: «Сокращенное руководство къ систематическому определенію ископаемыхъ растеній и пр.», соч. Я. Зембницкаго. С.-Пб., 1833, ч. 2. Тамъ, на стр. 164, сказано о «Путевыхъ запискахъ» Максимовича: «Сіи отрывки, написанные первымъ искусстваго литератора, занимательны въ разныхъ отношеніяхъ: минералогическомъ, ботаническомъ, медицинскомъ, статистическомъ и эстетическомъ.»

быть съ нимъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Когда Полевой началъ издавать *Московскій Телеграфъ*, Максимовичъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ его, помѣщая, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, критическія статьи по естествознанію; въ статьяхъ его выражались новыя тогда философскія идеи, а потому онъ были очень полезны читателямъ и журналу. Максимовичъ внимательно слѣдилъ за новостями по части ботаники, земледѣлія, земледѣльческой химіи, физики, медицины и напечаталъ въ *Телеграфѣ* разборы сочиненій и изданій Павлова, Двигубскаго, Шелехова, Щеглова, Мартынова, Іовскаго, Маркуса и другихъ тогдашнихъ корифеевъ естествознанія. Нѣкоторыя рецензіи его были такъ сильны, что заставляли авторовъ, или приготавливать новое изданіе своего труда, или писать цѣлые книги противъ зоркаго рецензента¹⁾). Участіе въ журналѣ сблиило его съ литературнымъ кругомъ, собиравшимся въ редакціи *Телеграфа*, главнымъ одушевителемъ котораго, въ первые два года, былъ князь П. А. Вяземскій, давшій ходъ и извѣстность этому журналу. „Князь писалъ для него много самъ, доставлялъ статьи знакомыхъ ему литераторовъ, оказывалъ издателю искреннюю пріязнь, ободрялъ, поощрялъ его въ труду и былъ лучшимъ совѣтникомъ въ затруднительныхъ случаяхъ“. Такъ отзывается о значеніи дѣятельности кн. Вяземскаго братъ издателя *Телеграфа*, К. Полевой²⁾). Сближеніе съ такимъ человѣкомъ, какъ кн. П. А. Вяземскій, было истинною отрадой и гордостью для многихъ. Кроме того, у Полеваго собирались въ первое время Розбергъ, Лихонинъ, Ушаковъ, Красовскій (В. И.), Рыльевъ, Баратынскій и нѣкоторое время Мицкевичъ. Въ этомъ кружкѣ людей безспорно-даровитыхъ Максимовичъ всегда былъ желаннымъ гостемъ, увлекательнымъ собесѣдникомъ.

Междудѣйствіе занятія въ университете требовали магистерской степени, и Максимовичъ въ январѣ 1827 года сдалъ экзаменъ, а въ юнѣ напечаталъ и защитилъ диссертацию „О системахъ растительного царства“. Многіе Московскіе литераторы и бывшій тогда въ Москвѣ Мицкевичъ собрались на его диспутъ. Строгій систематикъ блистательн-

¹⁾ Напримеръ, Маркусъ и Шелеховъ, изъ коихъ первый благодаря его печатно. Статьи Максимовича въ *Моск. Телеграфѣ*, кроме полного имени, подпisyvаемы были литерами *W. W.* (вверхъ обращенными буквами *M. M.*), *Нель-Голуховскій* и хозз. Первою подписью стали потомъ злоупотреблять журналы, и Максимовичъ нашелся вынужденнымъ объявить, что отныне статьи своимъ авторомъ будетъ подпisyывать полными именами и фамилию.

²⁾ Записки о жизни Н. А. Полеваго, С.-Пб., 1860, стр. 209.

защитилъ свои точные положенія. Система вообще была любимымъ дѣломъ Максимовича, какъ въ журнальныхъ занятіяхъ, такъ и въ ученої дѣятельности по естествовѣдѣнію. Ему словно хотѣлось прежде всего опознаться въ области, въ которой приходилось ему работать, хотѣлось все основательно распределить, чтобы яснѣе видѣть, что нужно дѣлать дальше, за что настоятельнѣе всего нужно приняться. Тотъ же характеръ вноситъ онъ и въ другія свои работы. Онъ собирается на родинѣ немалое количество малороссійскихъ пѣсенъ, и приготовляя ихъ къ изданію въ свѣтѣ, непремѣнно распредѣляетъ ихъ по отдѣламъ, прилагаетъ къ нимъ руководящее предисловіе, словарь и пояснительная примѣчанія, соединяя такимъ образомъ съ системою строгую точность и полноту объясненій. Въ словарѣ показано сходство словъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, чтѣ въ то время было еще новостью и стоило немалаго труда любознательному издателю. Предисловіе излагало взглядъ его на народную поэзію Руси. Въ литературѣ до той поры была только одна попытка въ этомъ родѣ князя Цертелева ¹⁾). Цертелевъ первый обнародовалъ думы или „бульщины“, то-есть, народный эпосъ Украины, историческій и нравоучительный. Максимовичъ познакомилъ впервые съ красотами лирической поэзіи Украинцевъ, о которой до тѣхъ поръ можно было судить лишь по немногимъ пѣснямъ, случайно занесеннымъ въ пѣсеники сѣвернорусскіе. Единодушною благодарностію встрѣтили журналы собраніе Максимовича, признавая трудъ его полезнымъ для поэтовъ, филологовъ и вообще для читателей. Но всего отраднѣе для издателя было то доброе вниманіе, которое оказали его сборнику Пушкинъ, Дельвигъ, а въ послѣдствіи Гнѣдичъ, Гоголь и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ. Въ этомъ изданіи пѣсень Пушкинъ призналъ подарокъ литературѣ, а въ издалъ ихъ — своего собрата по поэзіи, и этотъ отзывъ для Максимовича имѣть тѣмъ болѣе значенія, что онъ познакомился съ Пушкинскимъ только зимою 1826 года. Дружескимъ привѣтомъ встрѣтилъ Максимовича и Дельвигъ, проѣзжая чрезъ Москву въ февралѣ 1828 года. Онъ сдѣлалъ Максимовичу нѣсколько мѣткихъ замѣчаній о значеніи собственно великорусской народной поэзіи, и Максимовичъ вполнѣ призналъ справедливость его взгляда.

Книга Максимовича явилась началомъ его занятій по языку и словесности. Любовь его къ словесности обнаружилась и въ томъ вни-

¹⁾ Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсень. 1819. См. *Изв. II Отд. Имп. Ак. Н.*, т. III, стр. 192.

маний, какое онъ оказывалъ каждому литературному дарованію, какъ бы оно ни было скромно. Въ 1827 году онъ открылъ талантъ Надежды Тепловой, напечаталъ ея стихотворенія въ *Московскомъ Телеграфѣ* и съ той поры сдѣлался покровителемъ ея и сестры ея Серафимы, также писательницы, поддерживалъ ихъ во всѣхъ печальныхъ случайностяхъ ихъ жизни и всячески старался быть имъ полезнымъ¹).

Магистерство Максимовича не скоро однако открыло ему дорогу къ повышенню: вакантную каѳедру ботаники занялъ тогдашній ректоръ Двигубскій, не читая однако лекцій, которыхъ за него читалъ Максимовичъ, продолжая завѣдывать и ботаническимъ садомъ. Правда, профессоръ Г. И. Фишеръ предлагалъ Максимовичу быть его адъютантомъ по зоологии; но посвятивъ себя ботаникѣ, Максимовичъ отклонилъ предложеніе и остался преподавателемъ. Желая дать болѣйший просторъ своимъ ученымъ занятіямъ, Максимовичъ задумалъ важнѣйшія истинныя науки излагать какъ можно проще, живѣе, общедоступнѣе: такъ явился цѣлый рядъ статей, подъ общимъ заглавіемъ: „Размышенія о природѣ“. Начавшись въ 1827 году, онъ тянулись нѣсколько лѣтъ, и отличаясь прекраснымъ изложеніемъ, находили себѣ радушный приемъ во многихъ periodическихъ изданіяхъ²). О. Б. Фишеръ писалъ тогда Максимовичу, что подобныя статьи могутъ пробудить спящую любовь къ ботаникѣ. Собственно ученыя работы егошли своимъ чередомъ: такъ, въ 1828 году, онъ напечаталъ первую часть „Основаній ботаники (органология растеній)“, которая встрѣчена была всеобщимъ одобрениемъ и доставила автору не малую известность³). Профессоръ, докторъ медицины К. В. Лебедевъ, въ своемъ разборѣ этой книги, сказалъ, что изъ всѣхъ доселъ изданныхъ у насъ ботаническихъ книгъ она—лучшая: „Г. Максимовичъ первый, слѣдя знаменитымъ по сей части писателямъ, начерталъ терминологію ботаническую въ истинномъ ея видѣ; его описанія опредѣлительно рисуютъ то, что находится въ самой природѣ. Отъ сего терминологія его имѣетъ большую занимательность. Понятіе о различіи тѣль органическихъ изложено съ такою точностью, съ такою ясностью, что съ пол-

¹) *P. Вѣстн.*, 1861, № 2, Современная Лѣтопись, стр. 917.—918.

²) Въ Моск. Вѣстникѣ, Новомъ Магазинѣ, Съверныхъ Цвѣтахъ, Литературной Газетѣ, Телескопѣ и Библіотекѣ для чтенія.

³) Говоря о разнородныхъ сочиненіяхъ Максимовича, мы ничего не позволяемъ себѣ сказать прямо отъ себя, но вездѣ приводимъ отзывы критиковъ, преимущественно специалистовъ, и притомъ отзывы, современные выходу того или другого сочиненія Максимовича.

нимъ удовольствіемъ радуемся успѣшному предпріятію г. сочинителя, совершенно достигшему своей цѣли... Различіе между свѣдѣніями опытными и знаніями умозрительными и тѣсная, необходимая между ними связь выведены изъ самой сущности предмета... Однѣ сіи понятія даютъ г. Максимовичу полное право на благодарность людей истинно любознательныхъ." Затѣмъ, приведя въ доказательство своихъ сужденій нѣсколько отрывковъ изъ самой книги, профессоръ заключаетъ: „Что касается до нововводныхъ терминовъ и вообще ботаническаго языка, Максимовичъ превзошелъ въ этомъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Въ заключеніе справедливость требуетъ сказать, и скажемъ съ удовольствіемъ, что органологія Максимовича составляетъ эпоху успѣховъ ботаники въ нашемъ отечествѣ" ¹⁾). Кромѣ этого отзыва, и другие специалисты въ Россіи и за границей (Линкъ) отзывались о ботаникѣ Максимовича съ уваженіемъ; профессоръ Чернышевъ и въ послѣдствіи Корнющѣ-Троцкій ²⁾) приняли ее за руководство, а Московское общество испытателей природы избрало автора своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Это было первое общественное признаніе ученыхъ заслугъ Максимовича, заслуженное имъ на шестомъ году самостоятельной дѣятельности ³⁾.

Независимо отъ занятій по естествознанію, Максимовичъ болѣе прежнаго сталъ заниматься словесностію. Ученикъ и пылкій поклонникъ Мерзлякова, онъ, какъ мы уже видѣли, прежде всего началъ собирать и изучать народныя пѣсни. Ограничиваюсь въ этомъ отношеніи только пѣснями Малороссіи, Максимовичъ усердно продолжалъ собирать ихъ, объяснять, подготавливать къ новому изданію. Въ то же время онъ не оставался чуждъ литературнымъ вопросамъ, волновавшимъ тогда общество; такъ, въ 1829 году, когда возникли журнальные толки обѣ историческомъ характерѣ поэмы Пушкина „Полтава“, Максимовичъ напечаталъ въ *Атенеумъ* критическую статью, въ которой доказалъ несомнѣнную историческую вѣрность и народность поэмы. Онъ первый сказалъ, что Пушкинъ въ своемъ твореніи остался строго вѣренъ исторіи, и какъ поэтъ, представляетъ своею поэмою первый образецъ внимательного изученія историческихъ дѣятелей. Статья имѣла тѣмъ болѣе значенія, что она шла наперекоръ тогдашнимъ взглядамъ: Надеждинъ въ *Вѣстнике Европы* и Камашевъ въ *Сынѣ Отечества*.

¹⁾ Моск. *Вѣстн.*, 1829, ч. 6, стр. 108—110, 116—117.

²⁾ Истор. унів. св. Владимира, В. Я. Шульгина, С.-Пб., 1860, стр. 143.

³⁾ Но членомъ-адъюнктомъ общества состоялъ Максимовичъ уже три года, именно съ 26-го октября 1825 года (*Моск. Телегр.*, 1825, № 23, стр. 320—323).

ства отрицали въ поэмѣ вѣрность изображенія Мазепы и нѣкоторыхъ историческихъ подробностей; самъ Мерзляковъ журилъ Максимовича за его статью; тѣмъ не менѣе Максимовичъ, какъ Українецъ, яснѣ и вѣрнѣе другихъ опредѣлилъ характеръ Мазепы, созданный поэтомъ¹⁾). И онъ былъ награжденъ потомъ теплымъ словомъ Пушкина: прочитавъ въ Владивостокѣ статью Максимовича, Пушкинъ былъ очень доволенъ ею, и возвратясь изъ своего закавказскаго странствія въ Москву, дружески благодарилъ Максимовича²⁾). При этомъ свиданіи, Максимовичъ указалъ ему на „Исторію Руссовъ“ (которую неосновательно приписываютъ Конисскому), и узнаявъ, что поэтъ написалъ „Полтаву“, не читавъ „Исторіи Руссовъ“, подарилъ ему, тогда уже рѣдкій, ея списокъ.

Ученые труды и литературные успѣхи Максимовича повліяли на его служебное поприще: къ концу 1829 года онъ былъ утвержденъ въ званіи адъюнкта университета. Дѣятельность его съ этой поры становится еще шире и замѣтнѣе, какъ въ литературѣ, такъ и въ университетѣ. Оканчивалось 75-лѣтіе Московскаго университета, и Максимовичъ, горячо преданный и признательный своей *alma mater*, вызвался быть ораторомъ на торжествѣ 75-лѣтія: 1830 года, 12-го января, въ день основанія университета, Максимовичъ произнесъ рѣчь: „Объ участіи Московскаго университета въ просвѣщеніи Россіи“. Ботаникъ явился историкомъ. Въ сжатомъ очеркѣ онъ представилъ всѣ существенные заслуги старѣшаго русскаго университета; Московскій университетъ, говорилъ онъ, наиболѣе содѣйствовалъ развитію наукъ въ нашемъ отечествѣ; въ немъ впервые услышала Россія на родномъ языкѣ свою почти всѣя науки; многія руководства изданы впервые отъ университета; онъ приготовилъ языкъ русскій и Россію для дальнѣйшаго усовершенствованія и распространенія наукъ, наконецъ, онъ весьма много содѣйствовалъ образованію русской словесности. Исчисливъ его замѣчательныхъ дѣятелей и питомцевъ, ораторъ пожелалъ въ заключеніе, „дабы юношество русское получало во всѣхъ университетахъ воспитаніе русское, безъ котораго просвѣщеніе наше не будетъ имѣть характера самобытности, характера, какимъ бы от-

¹⁾ Почти 30 лѣтъ спустя, въ 1858 году, Максимовичъ имѣлъ случай подтвердить свое мнѣніе, сказавъ, что Пушкинъ, по свойству своего генія, въ своей „Полтавѣ“ былъ покорнѣе исторической дѣйствительности, чѣмъ Гоголь въ своемъ «Тарасѣ Бульбѣ». *Русск. Бесѣда*, 1858, № 1, Критика, стр. 15; ер. *Денъ*, 1861, № 3, стр. 15.

²⁾ *Москвит.*, 1845, №№ 7 и 8, стр. 51.

личалось оно отъ просвѣщенія германскаго, французскаго, англійскаго". Вотъ когда чуть-ли не впервые публично высказана была мысль о необходимости самостоятельнаго просвѣщенія, самобытнаго развитія въ Россіи. Мысль эту развилъ ораторъ съ особеною полнотой въ другомъ словѣ, съ которымъ мы скоро встрѣтимся.

Около этого времени, увлекаясь господствовавшею страстью къ альманахамъ и пользуясь добрыми отношеніями лучшихъ нашихъ писателей, Максимовичъ издалъ на 1830 годъ альманахъ *Денницау*. Пушкинъ (помѣстившій тамъ начало „Бориса Годунова“), Мерзляковъ, Веневитиновъ, князь Вяземскій, Дельвигъ, Хомяковъ, Баратынскій, Языковъ, Погодинъ, И. Кирѣевскій, Сомовъ, Камашевъ, Глинка, княгиня З. Волконская украсили *Денницу* самымъ радушнымъ образомъ¹⁾. Кирѣевскаго Максимовичъ убѣдилъ написать для *Денницы* обозрѣніе русской словесности за 1829 годъ, и такимъ образомъ, одинъ изъ первыхъ призналъ силу дарованія въ этомъ замѣчательномъ мыслителѣ. Это была первая статья, подъ которой Кирѣевскій подписалъ свое имя. Пушкинъ находилъ это „Обозрѣніе“ „краснорѣчивымъ и полнымъ мыслей“²⁾. Но къ потѣхѣ журналистовъ, въ статьѣ Кирѣевскаго нашлась такая фраза: „На классической формѣ своей музы Дельвигъ набросилъ *душеiръйку* новѣйшаго умынія“. Журналисты подхватили это выраженіе на смѣхъ. Такъ какъ при этомъ Кирѣевскій крайне неблагопріятно отзывался о тогдашнихъ журналистахъ, то Надеждинъ въ *Вѣстнике Европы* между прочимъ сказалъ, что это „Обозрѣніе“ не есть въ *оба зрыніе*. Впрочемъ, тогдашніе журналы отдали *Денницу* преимущество предъ всѣми альманахами 1830 года, признавая, что въ ней помѣщены стихи почти всѣхъ лучшихъ поэтовъ нашихъ, и что она можетъ смѣло похвалиться нѣкоторыми прозаическими статьями. Серафима Тенилова напечатала въ *Денницѣ* стихи „Къ ***“; въ нихъ увидѣли отношеніе къ Рыльеву, и цензоръ С. Н. Глинка былъ посаженъ на гауптвахту. Подозрѣніе оказалось неосновательнымъ, и Максимовичъ безпрепятственно продолжалъ изданіе *Денницы*. Какъ бы ни было, появленіе ея надѣжало немало шуму. Дельвигъ, не задолго предъ тѣмъ прїѣхавшій въ Москву, увѣдомилъ Максимовича о своемъ прѣѣздѣ: „Съверные Цельты привѣтствуютъ появившуюся *Денницу*, а са-

¹⁾ Замѣтимъ, что Дельвигъ, самъ издатель *Съверныхъ Цельтъ*, почти никогда не отдавалъ своихъ стиховъ въ чужіе альманахи (См. *Соврем.*, 1857, № 9, ст. В. П. Гаевскаго), но Максимовичу не отказалъ.

²⁾ Соч. Пушкина, изд. Аникикова, т. V, стр. 38. О той же статьѣ Кирѣевскаго см. *Моск. Телегр.*, 1830, ч. 31, стр. 203—232, ст. *Кс. П.*

довникъ ихъ желаетъ обнять самого Люцифера". Дельвигъ, между прочимъ, пріѣхалъ просить лично Московскихъ литераторовъ принять участіе въ начатой имъ съ 1830 года *Литературной Газетѣ*. Сомовъ, редактировавшій газету, еще нѣсколько раньше писалъ Максимовичу по порученію Дельвига: „Намъ нуженъ рѣшительный сотрудникъ по части естественныхъ наукъ, и мы членомъ вамъ! Не покиньте друзей вашихъ"¹⁾. Въ газетѣ собирались участвовать Пушкинъ, Баратынскій, Вяземскій, Жуковскій, князь Одоевскій, Языковъ, Давыдовъ, Плетневъ, Козловъ и другіе. Но участіе Максимовича, изъ Москвы, при усилившемся занятіяхъ его, не могло быть велико въ Петербургской газетѣ: мы встрѣчаемъ въ ней только два отрывка его по ботаникѣ. Участіе это ограничивалось между прочимъ и тѣмъ, что Максимовичъ въ это время былъ занятъ собираниемъ пѣсенъ и романсовъ Мерзлякова (изданныхъ, подъ его смотрѣніемъ, въ 1830 году, незадолго до смерти Мерзлякова), и тѣмъ, что онъ готовилъ вторую книжку *Денницу*, такъ какъ успѣхъ первой книжки побудилъ его продолжать изданіе. Во второй книжкѣ, изданной на 1831 годъ, встрѣчаемъ статьи Пушкина²⁾, князя Вяземскаго, Языкова, Вельтмана, Шевырева, Полеваго, О. Н. Глинки, О. И. Тютчева и самого Максимовича „Обозрѣніе русской словесности“. И этому „Обозрѣнію“ суждено было поднять журнальную бурю, или точнѣе, явиться *видимымъ* поводомъ, вслѣдствіе котораго обрушились на Максимовича нападки *Телеграфа*. Доселѣ Полевой находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Максимовичу; въ *Московскомъ Телеграфѣ* даже было объявлено однажды, что г. Максимовичъ есть *другъ издателю Телеграфа*³⁾; Максимовичъ, съ своей стороны, отвѣчалъ искреннимъ и признательнымъ отношеніемъ къ Полевому; но когда Полевой, въ чаду журнального успѣха, вооружился необычайною смѣлостію и сталъ рѣзко нападать на самыхъ славныхъ нашихъ писателей, которымъ онъ былъ обязанъ успѣхомъ своего журнала, Максимовичъ охладѣлъ къ нему. Во всякомъ случаѣ онъ долѣе всѣхъ известныхъ писателей сохранялъ къ нему дружескія отношенія⁴⁾ и за это терпѣлъ сильные укоры и на-

¹⁾ *Современникъ*, 1854, № 9, «Дельвигъ», стр. 38 и 41.

²⁾ Полемическая статья Пушкина о его поэмѣ «Полтава» напечатана въ *Деннице* точнѣе, чѣмъ въ прежнемъ собраніи его сочиненій. Автографъ Пушкина переданъ Максимовичемъ, въ 1858 году, въ библіотеку возобновленнаго Общества любителей российской словесности. (См. *Моск. Вѣдом.*, 1859, № 21).

³⁾ *Моск. Телегр.*, 1828, ч. 24, № 22, стр. 200.

⁴⁾ Въ *Моск. Вѣстн.* (1830 г., ч. V), въ статьѣ «Взглядъ на кабинеты журналовъ» Максимовича подоблаютъ Петру Басманову, который хотя иувѣренъ

паденія отъ Павлова, С. Т. Аксакова, Надеждина, Кирѣевскаго. Наконецъ, выходить вторая книжка *Денницы*, и Ксенофонтъ Полевой ополчается на статью Максимовича жестоко; онъ назвалъ автора ея „дезертиромъ истины“. „Дезертиры всѣхъ родовъ нетерпимы, но дезертиры истины хуже всѣхъ“ восклицаетъ критикъ, рисуясь и называя себя благонамѣреннымъ, прямодушнымъ. Даѣе онъ упрекалъ изданія *Денницы* за его похвалы *Литературной Газетѣ*, за отзывы о прежней журнальной критикѣ, какъ бранчивой и неприличной; укорялъ въ пристрастіи, даже въ близорукости и изъявлялъ увѣренность, что такія сужденія *Денницы* будутъ встрѣчены негодованіемъ публики.... Тайною причиной этихъ ожесточенныхъ нападокъ было то, что въ *Денницахъ* было помѣщено посланіе Шевырева къ А. С. Пушкину, а въ этомъ посланіи Шевыревъ, вспоминая развитіе русскаго языка въ твореніяхъ Ломоносова, Державина, Карамзина, тоскуетъ о порчѣ его въ журналахъ и спрашиваетъ:

„Что сдѣгалось съ россійскимъ языкомъ,
Что онъ творить безумныя проказы?“

И на вопросъ этотъ отвѣчаетъ: Въ исторіи Карамзина —

„И рѣчь неслась широкими волнами,
Что даѣе, то глубже и свѣтлѣй;
Какъ въ зеркалѣ вся Русь гладѣлась въ ней;
И въ океанѣ лишь только превратилась,
Какъ Ниль въ пескахъ, внезапная скрылась,
Сокровища съ собою унесла,
И тайного никто не смытиль хода.
И что жъ теперь?... Вдругъ лужко всплыла
Въ „Исторіи Россійскаго народа“.

Максимовичъ отвѣчалъ Полевому сильною статью въ *Молевѣ* 1831 года. Такъ произошелъ разрывъ сношеній съ Полевымъ, которыхъ со стороны Максимовича были уже безвременными, потому что Полевой давно уже измѣнилъ свои отношенія къ тому литературному кругу, которымъ дорожилъ Максимовичъ¹⁾.

въ самозванствѣ Лже-Димитрія, но,бросившись однажды въ его объятія, готовъ пребыть ему вѣрнымъ даже до смерти (стр. 219). Статья принадлежитъ М. П. Погодину. Пушкинъ былъ очень доволенъ ею и много смылся.

¹⁾ Надо замѣтить однако, что и послѣ этого времена никогда отношенія Н. Полеваго и Максимовича не были въ полномъ смыслѣ слова *враждебными*; произошелъ только разрывъ сношеній, возникла холодность, которая въ послѣдствіи нѣсколько ослабѣла.

Длинный рядъ писателей, помѣстившихъ статьи свои въ *Деннице*, ясно говорить объ обширныхъ литературныхъ связахъ ея издателя; связи эти расширялись съ каждымъ годомъ. Съ одной стороны чуткость Максимовича ко всему даровитому, выдающемуся, съ другой стороны — внимание литераторовъ къ Максимовичу, известность коего въ литературѣ распространялась болѣе и болѣе, расширяли его дружеския сношенія. Около этого времени послѣдовало сближеніе его съ поэтомъ Н. М. Языковымъ, съ С. Т. Аксаковымъ, съ Н. И. Гнѣдичемъ, который приѣжалъ въ Москву въ августѣ 1831 года, и еще незнакомый Максимовичу лично, отыскалъ его въ Симоновской слободкѣ, чтобы привѣтствовать издателя „Малороссийскихъ пѣсень“. Въ бесѣдѣ своей съ Максимовичемъ Гнѣдичъ высказывалъ мысль о сходствѣ малороссийскихъ звуковъ съ итальянскими, декламируя стихи въ родѣ:

«Соромъ менъ, чи не соромъ».

Въ 1831 году, на вечерахъ у С. Т. Аксакова, Максимовичъ сблизился съ Надеждинымъ. Первоначально онъ познакомился съ нимъ еще въ 1827 году, у профессора Дядьковского (который не могъ довольно налюбоваться своимъ даровитымъ землякомъ); теперь же онъ сошелся съ нимъ въ близкое, дружеское братство,— и много событий, много воспоминаній въ жизни Максимовича тѣсно связаны съ личностю этого истинно-замѣчательного человѣка. Съ 1831 года начался журналъ Надеждина *Телескопъ* и при немъ *Молва*, и Максимовичъ принялъ живое участіе въ этихъ изданіяхъ. Въ *Телескопѣ* помѣщены его разборы сочиненія Лодера о холерѣ и „Зоологической системы“ Фишера. Въ *Молве* помѣщено нѣсколько его рецензій, мелкихъ извѣстій, замѣтокъ журнальныхъ, часто веселыхъ, шутливыхъ, но къ сожалѣнію безъ всякой подписи. Деятельность его какъ писателя не прерывалась ни на одинъ годъ, и статьи его раскидываются все въ большемъ числѣ періодическихъ изданій: ихъ заботливо ищутъ, о нихъ прекрасно отзываются. Вотъ одинъ наиболѣе яркий примѣръ. Въ началѣ 1831 года умеръ Дельвигъ; Пушкинъ, болѣе всѣхъ литераторовъ пораженный смертю его, принялъ на себя заботу изданія *Спѣвничѣ Цвѣты*. По его порученію О. М. Сомовъ писалъ къ Максимовичу: „Пушкинъ рѣшился на будущій годъ продолжать *Спѣвничѣ Цвѣты* съ благою цѣлью. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ его поклонъ и великое человѣчество. Если у васъ есть что-либо въ прозѣ, какой-либо отрывокъ изъ вашей „вдохновенной“ ботаники, то при-

шлите его намъ для Съверныхъ Цвѣтовъ. Да не видитесь ли вы съ Языковымъ? Нельзя ли умолить его, чтобы онъ приспалъ намъ стиховъ и поболѣе, и поскорѣе¹⁾.

Журнальная дѣятельность Максимовича не мѣшала ходу ученыхъ работъ его. Въ томъ же 1831 году онъ издалъ вторую книгу „Основаній ботаники“, подъ заглавиемъ: „Систематика растеній“. Въ журнальной рецензіи на нее замѣчено было, что „Систематика растеній“ никогда еще не представлялась у насъ съ такою свѣжестію содер-жанія, стройностію состава и чистотою обработки. Изложеніе Макси-мовича отличается ясностію, твердостію и благоразумною скромностію. Ботаника обязана ему многими удачными выраженіями, счастливо при-думанными или вновь образованными. Таково, напримѣръ, выражение *особъ*; нѣкоторыя имѣютъ въ себѣ даже нѣчто поэтическое, какъ напримѣръ *подънечникъ* (*torus*), *колосинка* (*locusta*), *пологъ* (*perigonium*) и т. п.²⁾. Надо замѣтить при этомъ, что, разрабатывая терминологію, Максимовичъ постоянно заботится о томъ, чтобы наука его выражалась по русски; для этого онъ не только хлоноталь о близости пе-ревода, но и старался уловить въ народѣ названія растеній, и ха-рактеристическая изъ нихъ вводилъ въ свои сочиненія. Короче ска-зать, ботанической терминологіи Максимовичъ послужилъ очень много и одинъ изъ первыхъ въ Россіи³⁾.

Занимаясь преимущественно ботаникою, Максимовичъ успѣхъ об-работать и „Сокращенную систему животнаго царства“, и тогда же въ 1831 году начато было ея печатаніе, но по случайнымъ обстоятельствамъ книга эта не вышла въ свѣтъ⁴⁾. Впрочемъ, корректурные листы ея были не безъизвѣстны специалистамъ, чтѣ видно изъ того, что тогда же его систему животнаго царства приводить въ своей

¹⁾ Съвремѣнникъ, 1854, № 9, ст. В. П. Гаевскаго «Дельвигъ», стр. 60—61.

²⁾ Телескопъ, 1831, № 22, стр. 275—277. Имъ же образованы слова: *полномасіе*, *своевременныи*, привившійся въ литературѣ. Встрѣчаются и другіе нео-логізмы: согласовка, тоговременныи, темнословныи и др. Въ числѣ ботаниче-скихъ терминовъ встрѣчаемъ придуманные имъ: станъ, ростокъ, завитки, пріем-нички, перворостокъ, дѣтка и др.

³⁾ На его «Систематику растеній» ссыпался профессоръ Гр. Еф. Щуровскій уже въ 1858 году, называя его «извѣстнымъ мыслителемъ-натуралистомъ», въ своей критикѣ на «Естественную исторію земной коры» Куторги (см. Атенеи 1858, № 41, стр. 342).

⁴⁾ См. «Откуду идетъ Русская земля». Киевъ, 1837, стр. 133, примѣч.

книгѣ профессоръ А. Ловецкій¹⁾; въ послѣдствіи системѣ его слѣдовалъ профессоръ Щуровскій²⁾.

Въ началѣ 1832 года мы въ другой разъ встрѣчаемъ Максимовича ораторомъ въ день основанія Московскаго университета. Два предмета всего ближе были сердцу Максимовича — Московскій университетъ и просвѣщеніе русское; очертивъ, два года назадъ, значеніе университета, теперь онъ является съ рѣчью „о русскомъ просвѣщеніи“. По серіозному достоинству содѣржанія своего, рѣчь эта заслуживаетъ подробнаго анализа; вотъ нѣкоторыи, важнѣйшія изъ нея мысли: „Самобытность непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворною жизнью и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Тамъ *и путь жизни, где путь самобытнаго развития*. Духъ русскій въ своемъ развитіи отъ Петра Великаго вдыхалъ жизненный воздухъ изъ европейскаго просвѣщенія; но, по мѣрѣ оратора, не увлекся навсегда ни однимъ одностороннимъ направленіемъ и только временно принималъ чуждую физіономію. Въ этомъ ораторъ видѣлъ признакъ природной, жизненной крѣпости духа русскаго, способность къ развитію самобытному, при величайшей понятливости и переничивости. И то, и другое показываетъ въ русскомъ человѣкѣ давную способность къ просвѣщенію; мало того: въ натурѣ Русскаго заключается не только способность къ опытному мышленію Европейца, но и та восточно-пламенная способность, съ которой онъ быстро и живо объемлетъ предметы и прямо ощущаетъ истину“. На основаніи такихъ свойствъ, такой цѣльности въ натурѣ русскаго человѣка, ораторъ требовалъ, чтобы Россія, почитая *иностранные*, не забывала *своенароднаго*, чтобы она возвысилась жизненнымъ развитіемъ родныхъ ей стихій. Мы должны, говорить Максимовичъ, не принимать, но понимать европейское, для возвышенія русскаго. Служить человѣчеству можно только служа Россіи. Ораторъ признавалъ, что такое обращеніе къ своей народности уже становится господствующимъ направленіемъ умовъ русскихъ. Въ своей думѣ о пользѣ и славѣ Россіи, онъ желалъ, чтобы Россія явила въ себѣ самое высокое, полное и прочное, самое жизненное образованіе человѣческаго духа. Для этого онъ главнымъ средствомъ полагалъ просвѣщеніе, основанное на религиозно-нравственномъ образованіи сердца и воли; онъ требовалъ, чтобы

¹⁾ Краткое начертаніе естественной исторіи животныхъ, А. Ловецкаго, ч. I, изд. 2-е. М. 1832, стр. 136—139.

²⁾ Органология животныхъ, соч. д-ра Г. Щуровскаго, М. 1834, стр. VI—XII.

знаніе было въ согласіи съ дѣломъ, чтобы просвѣщеніе стало всеобщимъ удѣломъ. Подъ просвѣщеніемъ разумѣль онъ полное и многостороннее обогащеніе и развитіе ума познаніями и желалъ для него органической цѣлости. Обращаясь къ питомцамъ, онъ начертывалъ имъ какъ истинную цѣль жизни — усовершеніе себя и улучшеніе участія своихъ собратій¹⁾.

Университетъ не остался невнимателенъ къ своему члену, который такъ ревностно трудился для его чести. Университетъ очень хорошо зналъ, что Максимовичъ, оставаясь на скучномъ магистерскомъ окладѣ, уже нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ ботаническимъ садомъ, преподавалъ ботанику за профессора, что лекціи Максимовича все болѣе пріобрѣтаютъ извѣстность, что его ученыя сочиненія пользуются авторитетомъ, что для слушателей своихъ онъ неустанно издастъ пособія: изъ вниманія къ такой дѣятельности университетъ ходатайствовалъ о возвышеніи Максимовича въ экстраординарные профессоры сверхъ комплекта. Но министръ, князь Ливенъ, не нашелъ возможнымъ удовлетворить это ходатайство. Университетъ тогда предоставилъ Максимовичу поѣздку на Кавказъ, съ пособіемъ въ 2.000 руб. ассигн., для поправленія разстроеннаго здоровья и собираянія растеній. На Кавказѣ, собирая материалы для науки, Максимовичъ въ то же время успѣлъ воспользоваться пребываніемъ тамъ А. А. Алабьева и положить на ноты 25 напѣвовъ украинскихъ пѣсенъ. Въ концѣ сентября Максимовичъ возвратился съ Кавказа, успѣшно окончивъ свое ботаническое путешествіе, и привезъ много любопытныхъ растеній.

Возвратясь въ Москву, оживленный свѣжими впечатлѣніями, онъ повелъ дѣло преподаванія еще съ болѣшимъ успѣхомъ. Первую лекцію пришлось ему прочесть въ присутствіи обозрѣвавшаго тогда университетъ товарища ministra, С. С. Уварова, и краснорѣчивый президентъ Академіи лестно потомъ отзывался о живомъ содержаніи и литературномъ выраженіи лекціи²⁾. Владѣя языкомъ, Максимовичъ никогда не писалъ лекцій; онъ съ самаго начала испыталъ, что написанная лекція связываетъ его и сбиваетъ, и поэтому только приготовляя содержаніе и по пути въ университетъ обдумывалъ изложеніе.

Къ осени 1832 года относится начало сближенія его съ Гоголемъ. Гоголь, уже авторъ „Вечеровъ“, возвращался въ это время (въ ок-

¹⁾ Телескопъ, 1832, ч. 7, № 2, стр. 169 — 190.

²⁾ Это былъ сжатый очеркъ исторической системы растительного царства. Лекція напечатана въ Учен. Зап. Москов. унив., 1834, ч. I.

табръ) изъ Малороссіи въ Петербургъ и посѣтилъ Максимовича, не только какъ своего земляка, съ которымъ уже встрѣчался въ 1829 году въ Петербургѣ, но и какъ издателя малороссійскихъ пѣсень, которыхъ Гоголь любилъ восторженно. Гоголь въ это время собиралъ материалы для исторіи Малороссіи; Максимовичъ подготовлялъ новое изданіе пѣсень, и это сродство занятій, посвященныхъ общей родинѣ, породило между ними дружбу, полную взаимного уваженія; съ тѣхъ поръ завязалась ихъ оживленная, интересная переписка.

Слѣдующій годъ наконецъ блистательно увѣнчалъ офиціальное положеніе Максимовича: 21-го марта 1833 года С. С. Уваровъ былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ, а въ августѣ того же года адъюнкту Максимовичъ избранъ ординарнымъ профессоромъ ботаники; друзья Максимовича, и особенно Павловъ и Надеждинъ, ликовали; самъ Уваровъ былъ радъ этому избранію и утвердилъ его немедленно.

Давняя пламенная цѣль Максимоича была достигнута; но здоровье ослабѣло. Прежде всего пострадало зрѣніе отъ усиленныхъ занятій надъ микроскопомъ. Страсть къ систематизаціи развила въ Максимовичѣ любовь къ строгой точности, а это, въ свой чередъ, увлекало его къ частымъ и продолжительнымъ занятіямъ надъ микроскопомъ. Занятія эти и любовь къ точности отразились какъ въ собственныхъ его произведеніяхъ, такъ и въ рецензіяхъ на разныя книги. Явился даже цѣлый рядъ его статей, подъ общимъ названіемъ „Микроскошъ“, въ которомъ указывались, невольные, конечно, промахи и ошибки разнаго рода въ сочиненіяхъ даже первоклассныхъ естествоиспытателей (Линнея, Декандоля, Берцеліуса, Фишера); туда же входили и другія замѣтки и наблюденія, показывающія изощренное вниманіе ко всей широкой области естествознанія. Названіе оправдывалось зоркостію наблюденій; съ другой стороны, маленький отдѣлъ при Телескопѣ нельзя было иначе и назвать, какъ *микроскопомъ*.

Сознательно любя естествовѣдѣніе и понимая всю пользу, какую можетъ принести распространеніе его въ народѣ, Максимовичъ издалъ въ 1833 году для народнаго чтенія „Книгу Наума о великому Божиемъ мірѣ“. Здѣсь, въ простомъ разказѣ, на первый разъ переданы были главнѣйшия истины астрономіи и математической географії. Это была *первая* попытка въ нашей литературѣ — представить полезное и вмѣстѣ завлекательное для простаго народа чтеніе. „Книгу Наума почитаемъ мы разсвѣтомъ утѣшительной будущности для нашего народнаго просвѣщенія“, говорила *Молва*; „въ приходскихъ и деревенскихъ школахъ она должна быть ручнымъ, классическимъ по-

собіемъ". Вообще журналы отозвались почти съ безусловною похвалою какъ о содержаніи, такъ и о выполненіи „Книги Наума“ и желали дальнѣйшаго продолженія. Многіе литераторы, особенно князь Одоевскій и Д. В. Давыдовъ, были отъ нея въ восторгѣ. Одоевскій отнесся къ Максимовичу съ обширнымъ посланіемъ, въ которомъ писалъ между прочимъ: „Я отъ вашей „Книги Наума“ безъ ума отъ восхищенія.... Она вообще прекрасна. Вы совершенно попали на тонъ, необходимый въ семъ родѣ книгъ. Минъ и въ голову не входило, что можно сдѣлать краткую географію столь замѣчательною для простолюдина, какъ ее сдѣлалъ Наумъ. Слава и честь ему! Появленіе вашей книги произвело во мнѣ радость, которой я давно ужъ не испытывалъ при появлѣніи русскихъ книгъ: она хороша и сама по себѣ, и съ прекрасною цѣлію, и во время“. Одоевскій предлагалъ Максимовичу со-вмѣстныя работы по изданію книгъ для народа, бралъ на себя издержки изданія, предоставляемая всѣ выгоды автору „Наума“. Публика вполнѣ оцѣнила удачное предпріятіе, быстро раскупивъ первое изданіе; многое сидѣльцы Московскіе приходили къ автору, желая дальнѣйшихъ разъясненій, возбужденныхъ въ нихъ чтеніемъ „Книги Наума“. Къ сожалѣнію, иные, болѣе обязательныя, занятія отклонили автора отъ счастливо начатаго труда, и долго послѣ его книги не было въ литературѣ нашей подобной успешной попытки, до появленія въ 1843 году „Сельскаго чтенія“. И теперь еще сознается мысль, что писать для простаго народа такъ, чтобы все было ему понятно, пріятно и полезно — трудъ чрезвычайно серіозный; тѣмъ болѣе трудность эта существовала прежде, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія книга Максимовича, изданная за 38 лѣтъ назадъ. Она и нынѣ еще пользуется успѣхомъ, выходя уже одиннадцатымъ изданіемъ. И послѣ одиннадцати изданій, послѣ разошедшихся десятковъ тысячъ экземпляровъ, министерство народнаго просвѣщенія, въ маѣ 1870 года, признало полезнымъ — навсегда пріобрѣсти „Книгу Наума“ въ свою собственность, для употребленія ея въ начальныхъ училищахъ.

Въ нѣкоторой связи съ „Книгою Наума“ стоять „Размышленія о природѣ“, какъ предназначенные для публики и вышедшія также въ 1833 году отдельною книжкою. Это — цѣлый рядъ картинъ, въ коихъ философское изслѣдованіе проникнуто поэтическимъ одушевленіемъ. Собственно же ученыя занятія Максимовича шли своимъ чередомъ, и плодомъ ихъ явилось въ томъ же году „Обзоръ органологіи растеній“.

Расширяя и видоизмѣняя труды свои по естествознанию, Максимовичъ не оставлялъ занятій и по словесности. Приготовленіе новаго изданія пѣсенъ возводило въ немъ вниманіе къ тѣмъ литературнымъ памятникамъ, которые находятся въ ближайшемъ родствѣ съ ними; такимъ въ древнемъ періодѣ нашей словесности является „Слово о полку Игоревѣ“. Максимовичъ занялся изученіемъ его, и когда въ 1833 году явилась „Пѣснь о полку Игоревѣ“ въ переводѣ А. Вельтмана, Максимовичъ написалъ о ней обстоятельную рецензію. Но особенное вниманіе его было обращено по прежнему на народныя пѣсни. Постѣ изданія ихъ въ 1827 году ему посчастливилось присоединить къ своимъ запасамъ богатое собраніе извѣстнаго Ходаковскаго. Гоголь въ высшей степени радовался этому пріобрѣтенію и вообще воодушевлялъ Максимовича своею любовью къ пѣснямъ, своимъ поэтическимъ словомъ о важности ихъ значенія. „Какъ бы я желалъ тещеръ быть съ вами“, пишетъ онъ Максимовичу, узнавъ о его богатомъ пріобрѣтеніи пѣсенъ,— „и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣтѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностю Жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Чѣдѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями“¹⁾). Любовь къ пѣснямъ тѣснѣе прежніаго сблизила земляковъ; пѣсни часто служили предметомъ ихъ дружеской переписки. Приготовленіе изданіе пѣсенъ, Максимовичъ успѣлъ еще издать третью книжку *Деница*, на 1834 годъ; въ ней были отрывки изъ романовъ Лажечникова, Вельтмана, статьи С. Т. Аксакова, князя Одоевскаго, И. Кирѣевскаго, Языкова, Шевырева, Тютчева, Мельгунова, Тепловой и дръ сказки самого Максимовича, заслужившія добрый отзывъ въ журналахъ²⁾). Между тѣмъ медленно и внимательно велось дѣло изданія пѣсенъ: издатель всячески старался удовлетворить научнымъ требованіямъ. Прежде всего онъ озабочился придать своему изданію возможную систему. Любопытно, что по этому поводу Гоголь писалъ къ нему: „Зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе... По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія“³⁾). Но строгій систематикъ не послушался художника: онъ раздѣлилъ свое собраніе

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя, изд. *Кулика*, т. V, стр. 188.

²⁾ Сказка его о Маркѣ богатомъ перепечатана въ *Славянинъ*, печаталась отдѣльно и нынѣ уже выходитъ пятымъ изданіемъ.

³⁾ Соч. и письма Гоголя, изд. *Кулика*. С.-Пб. 1857, V, 203.

а три части: украинскія думы, пѣсни казацкія былевыя и пѣсни казацкія бытовыя. Ко всякой части издатель присовокупилъ краткое историческое извѣстіе, ко многимъ думамъ приложилъ ихъ переводъ, а въ выноскахъ объяснилъ всякое слово, непонятное для Великоросса. Гоголь съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за ходомъ изданія пѣсенъ, и получая его отдельными листами, по мѣрѣ печатанія, былъ положительно въ восторгѣ: „Понесу къ Жуковскому, похвастаюсь Пушкину, и мнѣнія ихъ сообщу тебѣ поскорѣе“, писалъ онъ Максимовичу¹⁾. Наконецъ „Украинскія народныя пѣсни“ вышли въ свѣтъ. Онъ вызвали полное одобреніе въ журналистикѣ; особенно замѣчательны три весьма сочувственные статьи Венелина въ *Телескопѣ*. „Нельзя перелистывать эту книгу безъ истиннаго удовольствія“, писалъ Венелинъ; „отъ имени всѣхъ любителей пѣснопѣнія искренно благодаримъ г. Максимовича за изданіе думъ и пѣсенъ южнорусскихъ“. Шафарикъ въ „Часописѣ“ отозвался, что собраніе Максимовича—лучшее изданіе народныхъ пѣсенъ. Пріятною и рѣдкою новостію были изданныя Максимовичемъ въ то же время „Голоса украинскихъ пѣсень“, аранжированные для фортепіано и пѣнія А. А. Алябьевымъ.

Такъ, изданіемъ народныхъ пѣсенъ, собраніемъ романсовъ Мерзлякова, изданіемъ трехъ книгъ литературного альманаха, критическими статьями о „Полтавѣ“ Пушкина, о „Пѣсни Игоря“, мало по малу подготовлялся будущій словесникъ. „Словесность необходима для каждого“, писалъ онъ еще въ 1830 году. „Словесность для науки то же, что образованность для ума,—каждая изъ нихъ сама по себѣ недостаточна, надлежащее развитіе одной требуетъ необходимой помощи отъ другой; только вмѣстѣ живутъ онъ полною жизнью“²⁾. Этимъ взглядомъ Максимовича объясняется то изящное литературное изложеніе, коимъ отличаются всѣ его сочиненія; яркая изобразительность блещетъ въ его языке; поэтическая струя часто оживляетъ его прозу. Но любя поэзію, онъ почти никогда не увлекался одной изъ формъ ея—стихами, и если печаталъ (крайне рѣдко) стихи, то никогда не ставилъ подъ ними своего имени. Онъ про себя былъ поэтомъ. Только въ позднѣйшіе годы, именно съ 1857 года, встрѣчается его имя подъ стихами, и то подъ очень немногими произведеніями. Въ продолженіи всей Московской службы словесность стояла у него на второмъ планѣ, послѣ естествознанія, котораго онъ былъ представителемъ

¹⁾ Тамъ же, 207—208.

²⁾ Моск. Вѣсти. 1830, № 4, стр. 421—422.

официально и по призванію. Не говоримъ уже о томъ, что естество-
знаніе было у него въ постоянной и неизмѣнной связи съ филосо-
фіей. Этотъ характеръ его занятій имѣло въ виду Московское общес-
тво любителей россійской словесности, избравшее его своимъ дѣй-
ствительнымъ членомъ еще въ ноябрѣ 1833 года. Занятія словесно-
стью нисколько не мѣшиали специальнымъ работамъ, которые не пре-
рывались ни на одинъ годъ. Такъ, въ 1833 году были напечатаны:
въ *Журн. Мим. Нар. Просв.* отрывокъ изъ большаго труда: „Явно-
цвѣтныя и тайноцвѣтныя растенія“, въ *Телескопъ*—„Система расте-
ній и система животныхъ“, письмо къ шведскому ботанику Фрису, на-
писанное по случаю стоянія Линнеевской системы; въ *Ученыхъ Запис-
кахъ Московскаго университета*—„Историческое изложеніе системы
растительного царства“. За полезное участіе въ послѣднемъ изданіи
Максимовичъ удостоился получить, наравнѣ съ другими профессора-
ми, Высочайшее благоволеніе. Въ 1834 году образовалось въ
Москвѣ общество любителей садоводства, и Максимовичу, избран-
ному въ должность секретаря, поручено было написать проектъ устава.
Между тѣмъ ему представилось иное мѣсто, иная дѣятельность.

Постепенное ослабленіе здоровья, потеря матери, тоска по родинѣ
заставили Максимовича думать объ оставленіи службы, или по край-
ней мѣрѣ, о лучшемъ климатѣ. Къ счастію, около этого времени по-
слѣдовало учрежденіе университета св. Владимира; оно повлекло Мак-
симовича неодолимою силой туда, гдѣ колыбель Русской земли, гдѣ
родина его рода: онъ сталъ искать въ Киевѣ каѳедры по естествовѣдѣнию.
Но попечитель Киевскаго округа г. фонъ-Брадке неожиданно предложилъ
Максимовичу каѳедру русской словесности, желая именно его
на эту каѳедру: это было *conditio sine qua non* его перемѣщенія въ
Киевъ. Максимовичу на первыхъ порахъ не хотѣлось было мѣнять
предмета; онъ колебался, но необходимость переселиться въ болѣе бла-
гопріятный климатъ, на родину, а также любовь къ русской словесно-
сти, которой онъ ужъ занимался, побудили его принять предложеніе.
Дѣло ишло официальнымъ порядкомъ. Уваровъ, ставшій министромъ
съ 21-го апрѣля 1834 года, колебался отпустить Максимовича; онъ счи-
талъ его нужнымъ для Москвы; даже ходатайство князя Вяземскаго,
Жуковскаго и Пушкина не смягчало Уварова. Максимовичъ съ своей сто-
роны не считалъ нужнымъѣхать въ Петербургъ, чтобы самому хло-
потать, какъ ни звали его туда Гоголь, Жуковскій и Вяземскій, пи-
савшій ему, что языка до Киева доводить. Наконецъ, Уваровъ, не на-
ходя никого болѣе достойнаго на каѳедру словесности и принимая

во внимание слабое здоровье Максимовича, рѣшился выпустить его изъ Москвы. Въ одномъ изъ писемъ своихъ (отъ 7-го апрѣля 1834 года) Гоголь такъ говорить объ этомъ: „Третьаго дня я былъ у министра; онъ говорилъ мнѣ такими словами: „Кажется, я Максимовича переведу въ Киевъ, потому что для русской словесности не находится болѣе достойный человѣкъ. Хотя предметъ для него новъ, но онъ имѣеть даръ слова, и ему можно успѣть легко въ немъ, хотя впрочемъ онъ теоретического никакого не выпустилъ еще сочиненія“. 4-го мая Уваровъ назначилъ краснорѣчиваго ботаника профессоромъ русской словесности и деканомъ 1-го отдѣленія философскаго факультета. Максимовичу пришлось доканчивать академический годъ ботаникой и вмѣстѣ готовиться къ новому предмету. Онъ усердно изучалъ важнѣйшіе источники, указанные ему другомъ Надеждинимъ.

Въ началѣ іюня попечитель фонъ-Брадке предварилъ Максимовича, что въ университѣтѣ св. Владимира, по неизбранію еще ректора, исправленіе должности ректорской возложено будетъ на него, и Максимовичъ еще въ Москвѣ озабочился познакомиться со всепроцедурою ректорства и также со всѣми формами университетскаго дѣлопроизводства. 5-го іюля, на университетскомъ актѣ въ Москвѣ, въ исторической залѣскѣ о состояніи университета, были читаны слѣдующія строки: „На мѣсто Двигубскаго ординарнаго профессоромъ ботаники избранъ и утвержденъ адъюнктъ Максимовичъ. Къ сожалѣнію, сей достойный наставникъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ привнесшій университету честь своими трудами, столь усердными и полезными, предъ окончаніемъ года, по собственному желанію, переведенъ въ новооткрывающійся университетъ св. Владимира ординарнымъ профессоромъ россійской словесности, съ утвержденіемъ на сей годъ деканомъ 1-го отдѣленія философскаго факультета. Университетъ нашъ утѣшается тѣмъ, что透过 сіе перемѣщеніе одного изъ лучшихъ его членовъ, воспитавшаго и начавшаго свою службу въ его кѣдрахъ, новая лѣтосль просвѣщенія, насаждаемая благодѣтельнымъ правительствомъ въ обновляющейся колыбели земли Русской, тѣмъ живѣе и тѣснѣе свяжется съ древнимъ настѣнцемъ корнемъ отечественного образования, первенцемъ университетовъ русскихъ“⁴⁾.

Друзья Максимовича радовались его новому назначенію. „Кievъ — востокъ русской жизни“, писалъ ему въ послѣдствіи Надеждинъ: „Ему теперь предлежитъ дѣятельное участіе въ ея полуденникѣ трудахъ.

⁴⁾ Рѣчи въ торж. собраниіи Имп. Моск. унів., іюля 5-го 1834 года, стр. 72.

И какъ я радъ видѣть тебя въ челѣ новаго поприща, открывающагося для древней матери градовъ русскихъ”¹⁾.

Незадолго до отѣзда въ Киевъ, Московское общество исторіи и древностей российскихъ избрало Максимовича своимъ дѣйствительнымъ членомъ, „отдавая должную справедливость его занятіямъ по изученію русской исторіи и древностей”. Общество почтило этимъ его рѣчи университетскія, его историческіе объясненія къ „Украинскому иѣснамъ” и его рецензіи (на „Полтаву” Пушкина, на „Запорожскую старину” г. Срезневскаго и проч.). Кроме того, этимъ избрашеніемъ общество какъ-бы подготовляло Максимовича на историческую дѣятельность тамъ, гдѣ была колыбель историческихъ судебъ Россіи, и гдѣ онъ потомъ дѣйствительно много потрудился.

13-го іюля 1834 г. Максимовичъ былъ уже въ Киевѣ, такъ какъ министръ предложилъ ему поспѣшить туда, чтобы принять участіе въ открытии университета, 15-го іюля. Тамъ, въ это время, изъ всѣхъ профессоровъ, адъюнктоў и лекторовъ, Русскій былъ только—В. Ф. Цыць (исключая, конечно, профессора богословія). Максимовичъ явился въ ихъ среду человѣкомъ, уже пользовавшимся извѣстностью, какъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ Московскаго университета, какъ членъ ученыхъ обществъ и какъ литераторъ и издатель. Въ самый день прїѣзда Максимовичъ былъ уже въ университетскомъ засѣданіи, и въ тотъ же день попечитель возложилъ на него исправленіе обязанностей ректора. Ему тогда еще не было 30 лѣтъ. Въ день 15-го іюля, предъ торжествомъ открытия университета св. Владимира, въ Печерской церкви священнодѣйствовалъ митрополитъ Евгений. На самомъ торжествѣ открытия Максимовичъ подносилъ дипломы на званіе первыхъ почетныхъ членовъ его—митрополиту Евгению, пользовавшемуся уже тогда громкою извѣстностью, фельдмаршалу Остеню-Сакену, герою 1812 года, генераль-губернатору Парижа въ 1815 году, и генераль-губернатору Киева, графу Левашову, какъ одному изъ основателей университета. Но среди многочисленной парадной публики, собранной изъ четырехъ губерній, Максимовича особенно занималъ отдѣльный рядъ духовныхъ лицъ: тамъ ему хотѣлось угадать знаменитаго Иннокентія, тогда еще архимандрита, ректора академіи, и онъ угадалъ его. По окончаніи акта, Максимовичъ подошелъ къ нему, и первое теплое слово Иннокентія и рукоопожатіе были начадомъ той

¹⁾ *Москвит.* 1856. № 3, и «Письма о Киевѣ» *М. А. Максимовича.* Спб. 1871, стр. 32.

дружбы, которой скрасила всю служебную жизнь Максимовича въ Киевѣ. А жизнь эта слишкомъ нуждалась въ опорѣ, въ утѣшении, въ дружескомъ сердцѣ.

Съ невольнымъ чувствомъ грусти началъ Максимовичъ свою жизнь въ Киевѣ: прежняя, широкая, годами укрѣпленная Московская связь, были прерваны; въ Киевѣ, на первыхъ порахъ, нельзя было и думать, чтобы появились въ немъ равно милые его сердцу люди; Киевский университетъ, по самому своему составу, малочисленному и польскому, не могъ замѣнить собою Московского; въ кругу людей, однородныхъ съ нимъ по службѣ и дѣятельности, Максимовичъ находилъ общество, но не находилъ друга, человѣка по душѣ. А въ Москвѣ онъ былъ таинъ богатъ ими! Правда, и въ Киевѣ скоро нашлись достойныи письменыи люди, полюбившіе и обласкавшіе его, но это были люди еще новые, люди изъ другаго круга, и сердце, привыкшее къ прежнимъ друзьямъ, оставившее ихъ, болѣло. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ началѣ его Киевской жизни. Тогдашнее душевное настроеніе Максимовича всего лучше выразилось въ слѣдующихъ его стихахъ, написанныхъ въ первое время пребыванія его въ Киевѣ:

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ?
Гдѣ профессоры прямые?
Что Московскій нашъ совѣтъ,
И обѣды середніе? ¹⁾
Все прошло. Здѣсь скучный бытъ;
Все дѣла, а мысль не вспыхнетъ,
Здѣсь восторгъ не закипитъ,
Голосъ сердца здѣсь затихнетъ.

Первое пристанище Максимовича въ Киевѣ было на Печерскѣ, въ домѣ, занимаемомъ университетомъ; на Печерскѣ жилъ тогда и приснопамятный Ив. М. Скворцовъ, профессоръ богословія въ университѣтѣ; съ нимъ прежде всего сблизился Максимовичъ. Сближеніе со Скворцовыми было отрадно не только какъ съ сотоварѣщемъ и съ однѣми изъ трехъ Русскихъ въ университѣтѣ, но и какъ съ человѣкомъ высокаго ума и рѣдкаго сердца. Умныя бесѣды его, любезныя письма ²⁾ и заботливые знаки вниманія утѣшали тоскующаго пришельца. Но все же спокойный, вѣчно-ровный, серьезный протоіерей-профессоръ не могъ быть задушевнымъ другомъ тридцатилѣтнему мірянину-ректору. Несравненно болѣе теплыхъ и свободныхъ отношеній

¹⁾ У Н. И. Надеждина.

²⁾ См. «Письма о Киевѣ», стр. 41.

установились между Максимовичемъ и Иннокентіемъ; но о нихъ мы скажемъ ниже.

Какъ первый ректоръ Киевскаго университета, Максимовичъ встрѣтилъ немалыя и исключительныя трудности въ исправленіи своей должности. Извѣстно, что университетъ былъ учрежденъ для утвержденія въ Юго-западномъ краѣ *русскаго* просвѣщенія, въ противодѣйствіе господствовавшему въ немъ образованію въ духѣ польской народности и католицизма. Университетъ возникъ въ краѣ, незадолго предъ тѣмъ взволнованномъ событиями 1830 и 1831 годовъ. И хотя первая вѣсть объ учрежденіи его обрадовала общество, но въ то же время много послышалось сомнѣній и опасеній, и общій голосъ отлагалъ открытие университета на долгіе годы, считая невозможнымъ открытие его въ 1834 году¹⁾). Далѣе: университетъ ввѣренъ былъ непрерывному и самому дѣятельному надзору попечителя, подъ личнымъ наблюденіемъ котораго совершалось совѣтомъ университета все внутреннее управлѣніе. Очень естественно, что такой энергически-дѣятельный и неутомимый попечитель, каковъ былъ фонъ-Брадке, нѣсколько связывалъ дѣятельность не только новичка-ректора, но и всего совѣта. Но онъ не заслонялъ ихъ собою, онъ не несъ обязанностей ректора: онъ понималъ, что должность ректора, и особенно въ новоустроившемся университѣтѣ, нельзя исполнять тому, кто самъ не былъ профессоромъ и не сродился съ идеей университета. Обстоятельства однако, были такія, что казалось опаснымъ оставить университетъ на произволъ совѣта, въ которомъ было только трое Русскихъ, а всѣ прочие принадлежали къ старому составу упраздненнаго Кременецкаго лицея. Вотъ почему, а равно и по своей привычкѣ къ неусыпной дѣятельности, попечитель любилъ входить во всѣ подробности всѣхъ подвѣдомыхъ ему заведеній. На первыхъ порахъ университета безпрестанно возникали и въ совѣтѣ, и въ училищномъ комитетѣ, и въ правлѣніи такие вопросы, по которымъ необходимо было совѣщаться ректору съ попечителемъ, и ректоръ даже обязанъ былъ на такое совѣщеніе особою инструкціей²⁾). Случалось, что по нѣкоторымъ вопросамъ ихъ мнѣнія расходились, но Максимовичъ и въ такихъ случаяхъ дѣйствовалъ по своему увѣжденію и выражалъ свое мнѣніе, не стѣсняясь мнѣніемъ попечителя. Таково было положеніе Максимовича, какъ ректора, предъ попечителемъ. Что касается до отношеній его въ со-

¹⁾ Исторія унів. св. Владимира, соч. В. Я. Шульгина. С.-Пб. 1860, стр. 41 № 42, примѣч.

²⁾ С.-Петербург. Вѣд. 1860. № 3.

вѣту, то они, безспорно, были самыя желанныя. Въ составѣ профессоровъ, за исключениемъ Скворцова, Цыха и самого Максимовича, были преподаватели закрытаго Кременецкаго лицея, лѣтъ за 40—50 и болѣе, люди, хранившіе преданія отжившой старинны, самолюбивые, но дѣйствительно обладавшіе ученостью. Максимовичу удалось достигнуть чрезвычайно труднаго тогда и чрезвычайно важнаго всегда результата, что въ совѣтѣ утвердилось рѣдкое уваженіе и довѣріе другъ къ другу, рѣдкое согласіе и единодушіе¹⁾). Въ ту горячую рабочую пору члены совѣта трудились за одно, изо всѣхъ силъ. Съ своимъ ближайшимъ сотрудникомъ, секретаремъ совѣта Черемисиновымъ, ректоръ подготовлялъ къ каждому засѣданію совѣта всѣ важные вопросы на столько, что они не слишкомъ много отнимали времени у членовъ на обсужденіе. А благодаря несомнѣнному единодушію и согласію въ совѣтѣ, трудное дѣло устройства университета, въ первое время его существованія, совершалось успѣшно. На сколько много-трудно было это устройство, достаточно вспомнить, что тогда полагалось основаніе всѣмъ частямъ университета, вырабатывались правила для управления разными частями; самое по本事еніе университета было разбросано въ нѣсколькихъ наемныхъ домахъ, и ректору нужно было вести обширнѣшую хозяйственную часть университета, какая требуется первымъ обзаведеніемъ. Между прочимъ, Максимовичъ преобразовалъ и расширилъ типографію при университетѣ изъ той разстроенной и скучной, которая была передана университету изъ штаба 2-й арміи.

Какъ ректоръ университета, Максимовичъ предлагалъ было изданіе при университетѣ Ученыхъ записокъ и составилъ программу; но это предпріятіе, по недостатку энергическихъ литературныхъ силъ, не состоялось. Въ ректорство Максимовича были открыты практическія упражненія казеннокоштныхъ студентовъ, приготавлившихся къ учительскому званію — въ русской словесности, древнихъ языкахъ, педагогикѣ и математикѣ. Обязательныхъ семестральныхъ сочиненій въ то время еще не существовало, и Максимовичъ первый указалъ на необходимость самостоятельныхъ занятій студентовъ.

На ряду съ ректорскою обязанностію ~~и~~ участіе въ училищномъ комитетѣ, который попечитель выдвигалъ на первый планъ, сосредо-

¹⁾ Это сближеніе всѣхъ членовъ университетскаго ученаго сословія, даже въ житейскомъ быту (наружное, по крайней мѣрѣ), составляло одно изъ отличительныхъ свойствъ того времени, по свидѣтельству историка университета; см. «Истор. Univ. св. Владимира», стр. 168.

точиваю въ немъ руководство средними учебными заведеніями и снабженіе ихъ способными учителями. Право университета назначать по своей оцѣнкѣ преподавателей во всѣ училища округа, безъ сомнѣнія, было весьма важнымъ средствомъ, имѣвшимъ влияніе на ходъ народнаго образованія; но вмѣстѣ съ этимъ на членахъ университета лежала обязанность — наблюдать за хозяйственную и административную частями учебныхъ заведеній: такая масса занятій крайне поглощала время и стѣснила учебную и ученую дѣятельность членовъ университета, и конечно, всего болѣе ректора.

Въ ректорство Максимовича, съ 10-го июля 1834 года до конца декабря 1835 года, совѣтъ собирался по три раза въ недѣлю (нынѣ совѣтъ собирается въ двѣ недѣли разъ); въ правлениі университета было также по три засѣданія въ недѣлю ¹⁾). Дѣла было не только много, но было оно трудно и многосложно. Изъ дѣлъ, напримѣръ, по училищному комитету назовемъ только: составленное въ немъ въ концѣ 1834 года подробное предположеніе объ учрежденіи и преобразованіи училищъ въ трехъ западныхъ губерніяхъ (которое и утверждено было въ юнѣ 1835 года), открытие двухъ гимназій и пяти четыреклассныхъ училищъ, преобразованіе двѣнадцати уѣздныхъ училищъ въ Черниговской губерніи ²⁾), и проч.

Какъ ни часты были засѣданія членовъ, но число, обширность и свойство дѣлъ не давали возможности решать ихъ съ тою быстрою, какой желалъ попечитель. Въ составѣ канцеляріи было всего семь чиновниковъ: синдикъ, секретарь совѣта и пять канцелярскихъ служителей; скучность окладовъ не позволяла найти способныхъ канцелярскихъ чиновниковъ: поэтому не только составленіе бумагъ, но и пріисканіе справокъ (а иногда и переписка) лежали исключительно на самихъ членахъ и секретарѣ. Училищный комитетъ существовалъ во все времена ректорства Максимовича и нѣсколько далѣе, до 1-го мая 1836 года, когда большая часть дѣлъ комитета была ввѣрена непосредственно попечителю и особому при немъ совѣту. Независимо отъ всего этого, Максимовичу три раза приходилось исправлять должность попечителя, во время не краткихъ поездокъ фонъ-Брадке по округу.

Изъ вышеизложеннаго ясно до очевидности, что Максимовичу приходилось до утомленія работать надъ дѣлами. Слишкомъ пристальные

¹⁾ Истор. унів. св. Владимира, стр. 77, 92, 93.

²⁾ Тамъ же, стр. 89—90.

труды потрясли его слабое здоровье, и онъ теще осенью 1834 года проболѣлъ нѣкоторое время. Для него сдѣлаоъ необходимостью или оставить скромное преподаваніе, или сложить съ себя важную и лестную должность ректора. Ученый дѣятель остался вѣренъ себѣ и не покинулъ каѳедры. Поэтому въ концѣ 1835 года, онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ должности ректора. Понечитель благодарили его официальнымъ письмомъ за управление университетомъ. „Считаю для себя пріятнѣшою обязанностью“, писалъ онъ Максимовичу, „изъявить вамъ искреннюю мою благодарность за постоянно благонамѣренное и усердное содѣйствіе ваше къ пользамъ подвѣдомаго вамъ заведенія. Вашъ благородный образъ мыслей, ваше отчужденіе отъ всякой личности несомнѣнно имѣли сильное вліяніе на благо университета“. Въ засѣданіи совѣта, когда было прочтено это письмо, Максимовичъ простился искреннимъ и прекраснымъ словомъ съ членами совѣта. Университетъ и понечитель почтили своего первого ректора прощальнымъ обѣдомъ. Лица, бывшія подчиненными Максимовичу, по управлению окружомъ, директоръ Кіевской гимназіи и смотрители училищъ, въ полномъ составѣ, явились проститься съ нимъ, изъявить свою душевную признательность, уваженіе и надолго сохранили почтительныя къ нему отношенія.

Общество профессоровъ чтило Максимовича не только по его официальному или общественному значенію, но и просто какъ живую личность, какъ привѣтливаго, занимательнаго товарища. Въ университетскаго кружка, въ городскомъ обществѣ, Максимовичъ также былъ достойнымъ представителемъ учнаго сословія и занималъ весьма видное положеніе. Какъ первый ректоръ новаго университета, какъ профессоръ, имѣвшій болѣе другихъ литературную извѣстность, онъ пользовался особеннымъ авторитетомъ и былъ въ то время, наравнѣ съ фонъ-Брадке, дѣятельнымъ органомъ, сближавшимъ общество съ университетомъ. Появляясь въ лучшихъ домахъ Кіева, онъ нездѣ былъ одушевляющимъ лицомъ и всегда производилъ живое впечатлѣніе¹⁾.

Профессорская дѣятельность Максимовича въ Кіевѣ началась подъ благословеніемъ и ободрающимъ напутствіемъ славнаго Иннокентія. Дружескія сношенія ихъ, начавшияся съ первого дня ихъ встрѣчи, скоро

¹⁾ Истор. Univ. св. Влад., стр. 122, 169, 173, 174. Надо замѣтить однако, что упомянутые въ «Исторіи университета» профессорскіе вечера далеко не были такъ часты, какъ о нихъ говорится, а Максимовичъ на нихъ не былъ ни разу, по множеству занятій. Бывалъ онъ только у Неволина и у Богородскаго, у понечителя и Лашкаревыхъ.

окрѣпли, развились и достигли рѣдкой силы и теплоты. Спустя полтора мѣсяца по своемъ пріѣздѣ въ Кіевъ, Максимовичъ приготовилъ вступительную лекцію „О значеніи и происхожденіи слова“; лекція эта была потомъ напечатана въ *Журнале Министерства Народнаго Просвѣщенія*. К. С. Сербиновичъ впослѣдствіи писалъ Максимовичу: „Ваша лекція о происхожденіи слова отмѣнно понравилась въ Москвѣ преосвященному Филарету“¹⁾). Затѣмъ, предисловіе исколѣко чтеній о словесности вообще, Максимовичъ началъ въ хронологическомъ порядке полный курсъ исторіи русской словесности, сопровождая его чтеніемъ и разборомъ замѣчательныхъ памятниковъ. Съ особеною любовью онъ останавливался на произведеніяхъ великорусской и южно-русской народной поэзіи. Изъ нихъ болѣе всего занимала его „Пѣснь о полку Игоревѣ“: онъ объяснялъ ее въ связи съ народными пѣснами южной и сѣверной Руси, западныхъ Славянъ и съ письменными памятниками древнерусской словесности. Подробный критический разборъ ея онъ напечаталъ въ *Журнале Министерства Народнаго Просвѣщенія*, а самую пѣснь съ переводомъ ея издалъ отдельно для своихъ слушателей. Въ дальнѣйшихъ чтеніяхъ своихъ по исторіи словесности, Максимовичъ имѣлъ счастіе пользоваться обширнымъ и рѣдкимъ научнымъ богатствомъ и бесѣдами митрополита Евгенія. Въ какомъ бы памятниѣ ни представлялась надобность для лекцій, Максимовичъ немедленно находилъ у него готовое пособіе. Приходилось ли говорить о минныхъ гимнахъ Бояна, будто бы славянскими руками писанныхъ, Евгений выносилъ рукопись, полученную имъ отъ самого выдумщика тѣхъ гимновъ Селакадзіева. Приходилось ли читать о Феодосіѣ Печерскомъ, Евгений сообщалъ посланіе къ Изяславу, переписанное для него рукою Востокова. Нужно ли было сказать о памятниѣ еще не изданиемъ, напримѣръ, о „Хожденіи игумена Даниила“, и его можно было найти у Евгенія. Короче сказать, вспоминая нынѣ свои тогдашнія занятія по исторіи русской словесности, Максимовичъ признаетъ себя весьма обизаннымъ митрополиту Евгенію²⁾). При такихъ фактическихъ пособіяхъ, при удачныхъ приемахъ и счастливыхъ особенностяхъ профессора, дѣло по новой каѳедрѣ пошло успѣшно. Богатый памятниками, одаренный живою, мастерскою рѣчью, эстетическимъ вкусомъ, Максимовичъ привлекалъ студентовъ. Кромѣ чтенія собственно исторіи литературы, онъ упо-

¹⁾ Въ томъ же году она въ извлечениіи была переведена на польскій языкъ и напечатана въ газетѣ *Tydodnik Petersburski*, 1835 годъ, сбѣсѣ XII, № 65.

²⁾ Письма о Кіевѣ, стр. 125—126.

треблялъ не сколько часовъ въ недѣлю для критического чтенія образцовъ русскихъ писателей: на этомъ преимущественно основывалось его преподаваніе. Какъ ученикъ Мерзлякова, онъ велъ ихъ съ особеннымъ искусствомъ и успѣхомъ; критические разборы были силой и торжествомъ Максимовича: имъ онъ успѣлъ внушить слушателямъ любовь къ прекрасному и вліять на эстетическое ихъ развитіе¹⁾. Его лекціи о народной поэзіи, его критические разборы авторовъ были имъ долго памятны. Ограничиваюсь образцами русской поэзіи (такъ какъ каѳедры для общей литературы въ то время еще не было), Максимович хорошо ознакомилъ слушателей съ народною поэзіей и этимъ, конечно, будиль въ нихъ чувство народности. Въ этомъ вліяніи Максимовича на молодежь заключается великая заслуга его для новаго университета, которой не могла доставить огромная, но сухая эрудиція другихъ профессоровъ. Кромѣ преподаванія, онъ въ извѣстные часы читалъ и разбиралъ сочиненія студентовъ на заданныя или избранныя ими самими темы. Въ какихъ бы занятияхъ ни проводилъ онъ часы свои съ студентами, всегда у него свѣтились жизненность, одушевленіе, не эффектныя, не поддѣльныя, но задушевныя, согрѣвающія. Всльдѣствіе всего этого онъ пользовался любовью и уваженіемъ студентовъ, и въ теченіе семилѣтней своей профессуры, успѣлъ подготовить нѣсколькихъ специалистовъ; назовемъ извѣстнѣйшихъ: Тулова (бывшаго профессора лицея князя Безбородко)²⁾, Костыря (бывшаго профессора въ Киевѣ и Харьковѣ), Вернадского (бывшаго сначала учителемъ русской словесности, потомъ извѣстнаго политico-эконома)³⁾, Линниченка (нынѣшнаго доцента въ Киевѣ). Словесность интересовала студентовъ и въ стѣнѣ университета: уже въ 1835 г. студенты завели нѣчто въ родѣ литературныхъ вечеровъ, собирались и читали свои сочиненія и переводы. Умственная дѣятельность студентовъ отличалась по преимуществу философскимъ и литературнымъ направленіемъ⁴⁾. Наравнѣ съ Новицкимъ и Неволиннымъ, Максимовичъ былъ двигателемъ этого оживленія молодежи. Любовь

¹⁾ Истор. унiv. св. Влад., стр. 121—122.

²⁾ Туловъ въ лицѣ читалъ исторію русской литературы по университетскимъ запискамъ Максимовича; см. «Лицей князя Безбородко», С.-Пб. 1859, стр. 139.

³⁾ Сочиненіе студента Вернадского «О полонизмахъ въ русскомъ языке» было такъ основательно, что Максимовичъ предлагалъ было напечатать и разослать его по училищамъ округа. «Истор. унiv. св. Влад.», стр. 197.

⁴⁾ Достаточно назвать сочиненія Тулова: «О познаніи природы» и «О значеніи и достоинствѣ логики».

студентовъ въ изящной словесности и упражненія въ чисто-литературныхъ произведенияхъ были навѣяны именно его лекціями и критическими разборами¹⁾.

Во все время ректорства, то-есть, сколько подутора года, Максимовичъ преподавалъ русскую словесность одинъ для слушателей обоихъ факультетовъ. Заботливо присматривалъ достойныхъ альянтовъ, онъ предлагалъ попечителю двухъ извѣстныхъ ему кандидатовъ Московскаго университета — М. Б. Чистякова²⁾ и В. В. Тарновскаго³⁾, но рекомендация Максимовича встрѣтила откликъ. Только въ 1836 году Максимовичу данъ былъ альянтъ — г. Голубковъ, воспитаникъ Главнаго педагогического института, пробывшій въ Киевѣ только годъ, а потомъ В. Красовъ. И тотъ, и другой уклонились отъ преподаванія исторіи словесности; поэтому Максимовичъ предоставилъ имъ теорію, а самъ продолжалъ свои прежнія занятія. Историческое изученіе языка побудило его расширить свои занятія филологіей. Изучая русскую рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою, Максимовичъ готовлялъ критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языке, которое въ послѣдствіи послужило основою нѣсколькихъ его печатныхъ трудовъ.

Вотъ все, что мы могли сказать объ официальной службѣ Максимовича въ первые годы его пребыванія въ Киевѣ. Переходимъ теперь къ очерку его Киевской жизни и литературной дѣятельности.

Здѣсь, на первомъ планѣ, и по времени и по значенію, являются сношенія его съ Иннокентіемъ. Эти сношенія — лучшая радость Максимовича въ Киевѣ и гордость всей его жизни. Особенно въ первое время, когда его одолѣвала сильная тоска въ университетскомъ одиночествѣ, сближеніе съ Иннокентіемъ было благотворною опорой для души его. Спустя какихъ-нибудь два-три мѣсяца по приѣзду его въ

¹⁾ Истор. унив. св. Влад., стр. 196.

²⁾ Чистяковъ уже тогда извѣстенъ былъ какъ переводчикъ книги Бахмана: «Всеобщее начертаніе теоріи изящныхъ искусствъ». М. 1832. Надеждинъ весьма лестно отзывался о переводѣ и по поводу книги напечаталъ обширный исторический очеркъ теоріи изящныхъ искусствъ (Талескинъ 1832, часть 8, стр. 106, 229 и 535).

³⁾ О Тарновскомъ, между прочимъ, хлопоталъ и прекрасно отзывался Гоголь, какъ о человѣкѣ, котораго всегда на подхватѣ можно взять. (Сочин. и письма Гоголя, т. V, стр. 231, 237). Это былъ помѣщикъ четырехъ тысячъ душъ крестьянъ, который по любви къ исторіи сдѣгался учителемъ ея въ Житомирской гимназіи. Позднѣйшая статья его «О дѣлѣмости семействъ въ Малороссіи» обратила на себя общее вниманіе.

Киевъ, когда пришлось ему заболѣть послѣ первыхъ усиленныхъ тру-
довъ, Иннокентій пишетъ ему: „Доброго здоровья добрѣшему Ми-
хailu Александровичу! Доброго здоровья и душевнаго, и тѣлеснаго! Еслi благожеланія человѣческія имѣютъ какое-либо дѣйствіе, то мои вѣрно возымѣютъ, ибо происходить изъ глубины души. Притомъ же я нынѣ молился за васъ, хотя не чистымъ языкомъ, но отъ чистаго сердца. Итакъ, будьте здоровы“ ¹⁾). Сколько разъ потомъ, истомленный служебными дѣлами, Максимовичъ приходилъ съ Печерска или стараго Киева на Подоль, къ Иннокентію, въ его длинную келью, всю заваленную книгами и газетными листами, и въ долгихъ бесѣдахъ съ любившимъ его всею душою другомъ освѣжался мыслию и сердцемъ. Дружба ихъ — повторяемъ — возникла чуть не съ первого дня. Иннокентій полюбилъ Максимовича отъ всего сердца: чтѣ бы ни случилось съ Максимовичемъ, Иннокентій во всемъ принималъ сердечное участіе. Спустя три мѣсяца по прїездѣ Максимовича, Иннокентій пишетъ ему: „Между пріятнѣшими событиями въ моей жизни останется и въ будущемъ, какъ было въ настоящемъ году, мое знакомство съ вами“ (стр. 46). И это отнюдь не была любезная фраза, простая учтивость: Иннокентій на самомъ дѣлѣ доказалъ искренность и сердечность своего расположенія цѣлымъ рядомъ примѣровъ. Былъ ли у него какой праздникъ, наставалъ ли день его ангела, онъ усердно звалъ къ себѣ Максимовича, посыпалъ за нимъ экипажъ, людей. Случался ли такой день, когда Иннокентій никого не хотѣлъ принимать, онъ звалъ къ себѣ только одного Максимовича. Прочтите всю послѣднюю книгу Максимовича „Письма о Киевѣ“, и вы увидите, какъ умилительны и трогательны многія подробности отношений Иннокентія къ своему другу, какою иѣжною внимательностью, какою заботливою теплотою дышутъ его сердечные строки.

За то и Максимовичъ съ своей стороны всецѣло былъ преданъ Иннокентію. Онъ ничего не начиналъ, не испросивъ благословенія Иннокентія, не увѣрившись въ его сочувствіи; онъ дѣлился съ нимъ всякою мыслью своею, всѣми случайностями жизни; онъ исполнялъ всѣ его ученыя порученія, содѣйствовалъ ему всѣмъ вліяніемъ своимъ ванѣ ректоръ; друзьямъ своимъ всѣмъ и всюду онъ посыпалъ „Седмицы“ его — и въ Россію и за границу; всѣмъ и всегда восторженно говорилъ о немъ, гордился имъ... Въ ректорство Максимовича, Инно-

¹⁾) Письма о Киевѣ, стр. 13. Всѣ отрывки изъ писемъ Иннокентія, какіе встрѣтятся далѣе, заимствованы изъ книги Максимовича «Письма о Киевѣ». Приводя отрывки, мы въ текстѣ же будемъ обозначать страницы этой книги.

иентій былъ избранъ совѣтомъ университета въ почетные члены его (наравнѣ съ Сперанскимъ, Дашковымъ, Блудовымъ, Жуковскимъ и др.). И Иннокентій не даромъ носилъ титулъ почетнаго члена: онъ питалъ глубокое сочувствие въ университету, болѣль его скорбями, являлся постоянно на его диспутахъ, при чемъ неразъ и сбивалъ ученыхъ борцовъ съ пола. Дружба ректоровъ скрѣпляла союзъ самихъ заведеній. Иннокентій быраль частымъ гостемъ у попечителя, постоянно старался сблизить университетское сословие съ академическимъ, приглашалъ иногда къ себѣ, вѣйтъ съ Максимовичемъ, Богородскаго, Неволина, Новицкаго, Орнатскаго, звалъ своихъ академистовъ и такимъ образомъ составлялъ, какъ онъ выражался, „симпосионъ ученый“ (стр. 73, 79—80).

Не удивительно, что при такихъ отношеніяхъ Иннокентія, Максимовичъ освоился съ Киевской жизнью своей, и 1835 годъ былъ однимъ изъ лучшихъ и пріятнѣйшихъ для него. Не даромъ Иннокентій, привѣтствуя его съ новымъ годомъ, писалъ къ нему: „Да будетъ онъ для васъ тѣмъ новымъ лѣтомъ пріятнѣмъ, для нареченія коего на бѣдной землѣ нашей пришелъ Тотъ, въ рукахъ Коего земля и небо, время и вѣчность“ (с. 48).

Превосходная весна 1835 года, какая даже и въ Украинѣ бываетъ рѣдко, своимъ освѣжительнымъ дыханіемъ какъ-бы обновила Максимовича и заставила его съ новою силою почувствовать отраду Киевской жизни. И лучшія минуты этой поры оживлены и созданы внимательностю Иннокентія: у него провелъ Максимовичъ Страстную недѣлю, говѣль, приобщался, впервые слышалъ его слово надъ плащаницею, у него встрѣчалъ праздникъ и весну, съ нимъ же сдѣлалъ свою первую поѣздку за городъ — въ Выдубицкій монастырь, въ храмовой праздникъ его, 23-го апрѣля. Бывшій естествоиспытатель, авторъ „Размышилій о природѣ“, радовался, видя, какъ сильно любилъ природу и весну Иннокентій¹). Подобныя поѣздки повторялись не рѣдко; но конечно, никогда при этомъ не откладывался прямой долѣ, „всегда о немъ вспоминалось душевно, и порою въ изящно-тонкомъ выраженіи. Такъ, собираясь однажды съ полдня за городъ, Иннокентій пишетъ Максимовичу: „Радѣ бы въ храмъ природы и ранѣе, но завтра грѣшно оставить храмъ Благодати. День Всѣхъ Свѧтыхъ: прогнѣвить такой ликъ страшно“ (с. 51). Конечно, не одна любовь къ природѣ, не одно лишь удо-

¹). Весна Иннокентій посвятилъ даже четыре слова свои, напечатанные въ *Московитянинъ* 1844 года и въ *Воскр. Чтеніи*, годъ 8-й, стр. 126, 157 и 197.

вольствіе отдыха влекли друзей за городъ; много разъ было мѣсто и серіозной бесѣдѣ, и обмѣну научными мыслями. Для высоко-даровитаго человѣка, каковъ былъ Иннокентій, всякий особенный случай являлся возбужденіемъ къ умственной дѣятельности. Въ тотъ годъ по-частливилось ему открыть на дачѣ Братскаго монастыря, Пироговѣ, забытую и заглохшую древнюю пещеру препод. Феодосія; показывая ее Максимовичу, Иннокентій удивилъ его своимъ историческимъ ясновидѣніемъ, угадывая въ развалинахъ древнія мѣстности. Подобныя бесѣды обѣ остаткахъ старины, полныхъ прозорливыхъ догадокъ, возбудили въ самомъ Иннокентій историческое направление, внушивъ желаніе заняться изслѣдованіемъ вѣковыхъ Кіевскихъ древностей. Такъ прошла весна 1835 года. Служебныя хлопоты часто не позволяли Максимовичу воспользоваться предлагаемыми Иннокентіемъ загородными поездками, а безъ него Иннокентій неохотно предпринималъ ихъ и говорилъ, что поездки безъ Максимовича ему не удаются. „А мы были въ Вышгородѣ и Межигорьѣ“, пишетъ онъ однажды „и за то, что были безъ васъ, порядочно пострадали отъ дождя“ (стр. 53). Полный памятью о другѣ, Иннокентій привезъ ему въ эту разъ изъ Межигорья двѣ цвѣточныя вазы.

Съ наступленіемъ вакациіи, Максимовичъ отправился на родину, по которой тоскою болѣла душа его и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ. Но едва нѣсколько дней могъ провести онъ въ родныхъ мѣстахъ: обязанности по ректорству и особенно по училищному комитету скоро вызвали его въ Кіевѣ. Не касаясь болѣе его служебныхъ дѣлъ (о войкѣ уже выше сказано все существенное), мы въ дальнѣйшемъ склонимъ будемъ слѣдить только важнѣйшія обстоятельства его жизни и литературной дѣятельности.

Въ концѣ юла Максимовичъ былъ обрадованъ свиданіемъ съ Гоголемъ. Гоголь, напутствовавъ своего друга изъ Москви въ Кіевъ оживленно-заботливыми письмами, продолжалъ было писать къ нему, сердечно интересуясь всѣми обстоятельствами его Кіевской жизни; но занятія и здоровье Максимовича положительно не давали ему времени на подобную, частую и разнообразную, переписку. Весною 1835 г. Гоголь приѣхалъ на родину; извѣщаая Максимовича о своемъ намѣреніи быть въ Кіевѣ, на обратномъ пути въ Петербургъ, Гоголь написалъ ему изъ Полтавы: „Непремѣнно буду въ Кіевѣ, нарочно сѣлавши 300 верстъ кругу, и проживу два дня съ тобою... Больше право ничего не знаю и не умѣю сказать тебѣ, кромѣ того развѣ, что я тебя крѣпко люблю и съ нетерпѣніемъ желаю обнять тебя... А что,

какъ ты? Я думаю такъ движенья и работашъ, что небу становится жарко. Дай Богъ тебѣ за то возрастанія силъ и здоровья”¹⁾). Гоголь сдержалъ свое слово: въ концѣ іюля онъ прибылъ въ Киевъ и такимъ образомъ цервый изъ всѣхъ столичныхъ друзей Максимовича посѣтилъ его на новосельи. Гоголь пробылъ у него пять дней. И такъ какъ весь день Максимовичъ былъ занятъ въ университѣтѣ, то друзья сходились на бесѣду только по вечерамъ, а съ утра Гоголь уѣзжалъ къ своимъ лицейскимъ знакомцамъ, преимущественно къ бывшему профессору и инспектору Нѣжинскаго лицея Бѣлоусову, и съ ними осматривалъ Киевъ. Максимовичъ могъ добывать съ ними только на паперти Андреевской церкви, гдѣ долго недвижно оставался Гоголь, любуясь ненаглядною красотою Киевскихъ видовъ. Интересна при этомъ та особенность, что Гоголю, извѣстному восторженному поклоннику Днѣпра, всего болѣе полюбился видъ на Кожемяцкое уドолье и Кудрявецъ, а не на Подоль и не на далекое синѣюшее Заднѣпровье. Древности и святыни Киева производили сильное впечатлѣніе на Гоголя: дотолѣ откровенный живой и свободно шутливый, онъ возвращался теперь всакій вечеръ неожиданно скромнымъ и даже задумчивымъ; не разъ онъ при этомъ проявлялъ сожалѣніе, что ему не пришлось поселиться въ Киевѣ на житѣе. Максимовичъ полагаетъ, что именно къ этому времени должно отнести начало круаго переворота въ мысляхъ Гоголя. Послѣ пяти дней свиданія, друзья разстались на долго.

Осенью 1835 года въ Киевъ къ Максимовичу прїѣхали изъ-за границы Московскіе друзья: М. П. Догодинъ, Н. И. Надеждинъ, Д. М. Княжевичъ и П. В. Кирѣевскій. При всей многодолжности тогдашихъ занятій своихъ и дѣлъ, Максимовичъ стѣ важдымъ изъ своихъ гостей поочередно успѣвалъ быть у Иннокентія, отчасти сопровождать ихъ по Киеву и съ нѣкоторыми бывать на университетскихъ лекціяхъ. По Киеву онъ провожалъ гостей уже не какъ простой спутникъ, но какъ человѣкъ, изучающій его историческія судьбы. Бесѣды съ Погодинымъ, Надеждинымъ еще болѣе усидивали въ немъ историческія стремленія. Въ дружескихъ бесѣдахъ, разказахъ проходили цѣлые ночи. Особенно утѣшенъ былъ Максимовичъ свиданіемъ съ Надеждинымъ. Онъ чувствовалъ, что этотъ человѣкъ непрерывно богатѣлъ сильнымъ умомъ, эстетическимъ даромъ. Въ душѣ Надеждина царила въ это время живая эстетика, которую оторвали отъ него насильственно.

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя, т. V, стр. 242.

Страшно потрясенный, оставилъ онъ Москву, чтобы болѣе туда не возвращаться. Грустно простился съ нимъ Максимовичъ. Надѣясь на силу времени и вѣра, что Надеждинъ созданъ быть профессоромъ, Максимовичъ задумалъ обогатить свой университетъ Надеждина мъ, тѣмъ болѣе, что Надеждинъ уже окончательно покидалъ Московскій. Переговоривъ объ этомъ съ попечителемъ и заручась его согласіемъ, Максимовичъ писалъ Надеждину въ Крымъ, куда тотъ уѣхалъ на экскурсію. Но еще свѣжі и сильны были задушевныя тревоги, и вслѣдствіе ихъ Надеждинъ не могъ принять предложенія. Онъ между прочимъ отвѣчалъ Максимовичу: „Движеніе; безпрестанное движеніе разсѣваетъ меня; но пребываніе на одномъ мѣстѣ меня душить. И вотъ почему я боюсь принять предложеніе, сдѣланное мною вашимъ попечителемъ. Одно только утѣшаетъ меня въ немъ — возможность жить вмѣстѣ съ тобою. Но... Жаль мнѣ, что ты непремѣнно хочешь отказаться отъ ректорства. Оставайся, братъ! Я бы сталъ помогать тебѣ сколько могу“¹⁾). Ни тому, ни другому, однако, не суждено было сбыться.

Къ концу 1835 возникъ въ Кіевѣ комитетъ объ отысканіи древностей, подъ предсѣдательствомъ попечителя. Жатва была многа, а дѣлателей мало. Конечно, Максимовичъ былъ его членомъ²⁾). Еще до открытия комитета онъ уже исподоволь ознакомился съ нѣкоторыми мѣстными источниками, въ коихъ наталкивался на любопытныя открытия. Такъ, въ старописьменной книжѣ Кіевскихъ актовъ онъ нашелъ важную для исторіи грамоту короля Сигизмунда III, данную гражданамъ Кіевскимъ въ 1619 году на гору Щекавицу. Грамотой этой Щекавица, бывшая дотолѣ достояніемъ короны, уступалась для распространенія города Кіевскимъ гражданамъ, которыхъ крайне тѣснили обильныя наводненія Днѣпра. Книгу Кіевскихъ актовъ Максимовичъ сообщилъ П. А. Муханову, проѣзжавшему тогда чрезъ Кіевъ, и послѣдній послѣдний напечатать ее въ извѣстномъ своемъ „Сборнике“.

Концомъ 1835 года, какъ уже было сказано, завершилось ректорство Максимовича. Освободившись отъ тяжкихъ работъ, онъ приобрѣлъ возможность усилить свою ученую и литературную дѣятельность и подготовлять къ печати болѣе зрѣлныя работы. Уже нѣсколько

¹⁾ *Московитинъ* 1856, № 3, стр. 227—228.

²⁾ Тогда же, 6-го декабря 1835 года, статистическое отдѣленіе совѣта министра внутреннихъ дѣлъ избрало Максимовича своимъ членомъ-корреспондентомъ.

жѣть особеннымъ предметомъ изученія его была „Пѣснь о Полку Игоревѣ“; нынѣ составилъ онъ подробнѣйшее изѣясненіе ея, и по мѣрѣ подготовленія труда своего, посыпалъ на усмотрѣніе Иннокентія. Иннокентій отвѣчалъ: „Съ удовольствіемъ прочитанъ иною вашъ комментарій на „пѣснь Игореву“. Такой великой чести еще не сподоблялась сія пѣснь, и вѣроятно, не скоро сподобится еще когда-нибудь. Дѣло идетъ какъ нельзя лучше. Скорѣе кончать его, да и въ типографію“ (с. 62). Но это отзывъ друга; отзывы же специалистовъ причислили этотъ трудъ Максимовича къ числу лучшихъ изслѣдований о знаменитомъ памятнику древнаго русскаго эпоса.

Отославъ трудъ свой въ редакцію *Журн. Мин. Нар. Просв.*, Максимовичъ почувствовалъ крайнюю необходимость позаботиться о восстановленіи своего здоровья. Испросивъ себѣ 4-мѣсячный отпускъ, онъ отправился въ Крымъ въ маѣ 1836 года; туда же, вслѣдъ за нимъ, собирался пойхать Иннокентій, которому была поручена визитация духовныхъ училищъ. Пребываніе на южномъ берегу Крыма и новзѣдки тамъ съ Иннокентіемъ описаны Максимовичемъ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, напечатанномъ при его „Письмахъ о Киевѣ“. Тамъ живописно и увлекательно очерчены имъ плаваніе въ открытомъ морѣ, красота южнаго берега и наслажденіе имъ вмѣстѣ съ Иннокентіемъ. Иннокентій, постоянный любитель природы и садовъ, мало по малу увлекался богатствомъ растительной жизни, явленіями природы, красой и роскошью южнаго берега и часто высказывалъ свои впечатлѣнія образно. Тамъ — внезапный порывъ сильнаго вѣтра кажется ему проявленіемъ бурнаго духа; тамъ — отдѣльная каменная горка представляется ему каѳедрой въ великолѣпномъ храмѣ природы. Максимовичъ весьма внимательно слѣдитъ за всѣми выдающимися случайностями, за всѣми выраженіями своего возлюбленнаго поэтическаго спутника, и самъ неразъ становится поэтомъ среди поэтической природы. Читая его воспоминанія о Тавридѣ, не только видишь благодатно-прекрасный южный берегъ, но какъ будто слышишь, какъ „передовыя волны съ воемъ и ревомъ кидаются на скалу, но досягаютъ до половины ея и падаютъ съ шумомъ“, чувствуешь, какъ „прохладное вѣянье съ моря ходить между деревьевъ тихимъ таинственнымъ шорохомъ“. Иннокентій скоро уѣхалъ въ Симферополь, а Максимовичъ остался на южномъ берегу продолжать лѣченіе. Счастливыя обстоятельства подготовили ему тамъ разнообразное внимательное общество, и время прибыванія пролетѣло свѣтло и отрадно. Освѣжая истомленныя силы свои, Максимовичъ не оста-

влашъ безъ вниманія научныхъ интересовъ, знакомился съ флорой и древностями Крыма. Отъ Ялты до Керчи спутникомъ ему быть знатокъ местныхъ древностей Н. Н. Мурзакевичъ.

Возвратясь въ Киевъ, онъ не замедлилъ подѣлиться своими историческими впечатлѣніями съ представителемъ исторіи въ Киевѣ, митрополитомъ Евгениемъ, и вотъ какъ записалъ архипастырь въ письмѣ къ Н. Н. Мурзакевичу свое свиданіе съ южнобережскимъ путникомъ: „М. А. Максимовичъ, недавно къ намъ возвращившійся и вчера сидѣвшій у меня вечеромъ, утверждаетъ, что теперь по Крыму трудно уже найти что-нибудь древнее и по крайней мѣрѣ цѣлое. Все лучшее разобрано и увезено... О Корсунѣ съ сожалѣніемъ сказывалъ, что онъ весь раскопанъ... Мы съ Максимовичемъ весьма желаемъ переселить васъ въ Киевъ“¹⁾.

Пребываніе въ Крыму освѣжило Максимовича, но не возвратило ему здоровья: въ октябрѣ онъ опять заболѣлъ, и Иннокентій дружески упрекаетъ его: „Но зачѣмъ такъ болѣть? Этого въ уговорѣ нашемъ съ вами никогда не было. Только бы мнѣ дѣлать до Петербурга, тамъ я отдамъ ваше здоровье подъ страхъ всѣхъ возможныхъ обществъ“ (стр. 67). Поѣздка въ Петербургъ, о которой упоминаетъ Иннокентій, предстоила ему по поводу вызова его на посвященіе во епископа, викария Кіевскаго. Хиротонія совершилась 21-го ноября, въ день Введенія во храмъ пресв. Богородицы. Высокий духовный санъ нисколько не измѣнилъ отношеній Иннокентія къ своему другу. Въ полномъ блескѣ общепризнанной славы своей, онъ пишетъ Максимовичу изъ Петербурга: „Есть союзъ душъ не растворимый— напѣтъ съ вами долженъ быть одинъ изъ нихъ“ (ст. 68). И соединяя съ словомъ дѣло, онъ продолжаетъ: „Недавно была у меня о васъ рѣчь съ вашимъ министромъ: онъ жалѣть о здоровье вашемъ и знаетъ вами цѣну. Статья ваша „о Полку Игоревѣ“ принита вѣдѣсь весьма хорошо“²⁾. Принята она была хорошо и за границей: Эразмъ Воцель, чешскій профессоръ археологіи и поэзіи, сталъ на сторонѣ Максимовича, относительно мнѣнія, что вѣтвь „о Полку Игоревѣ“ нѣтъ и слѣда саги скандинавской.

Среди литературныхъ успѣховъ, среди уѣщенній дружбы съ Инно-

¹⁾ *Кіев. Епарх. Вѣdom.* 1868 года, № 10, письмо VIII.

²⁾ Участіе Максимовича въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* доставило ему двукратную благодарность министра. Въ это же время Московское общество любителей садоводства избрало его своимъ членомъ-корреспондентомъ (1-го декабря 1836 года).

кентіемъ, Максимовичу пришлось испытать и дружескую скорбь. Въ томъ же 1836 году тяжкая опала постигла одного изъ близайшихъ друзей-товарищей его Московскихъ — Н. И. Надеждина. Помѣщеніе въ Телескопъ философскаго письма Чаадаева и явленіе къ нему примѣчаніе Надеждина были причиной ссылки его въ Устьысольскъ, „въ Лукоморье, середи Югры, языка нѣма“, какъ оно выражалось (с. 32). Переведенный оттуда въ Вологду, Надеждинъ прожилъ въ ссылкѣ около года. Въ глухи изгнанія, въ новой обстановкѣ, возбуждающей житѣйшую любознательность, у Надеждина совершился поворотъ въ занятіяхъ: вместо эстетики, онъ предался историко-этнографическимъ изысканіямъ. Много статей въ этомъ родѣ было послано имъ изъ Вологды въ „Энциклопедический Листокъ“ Плюшара и въ „Библиотеку для чтенія“. Надеждинъ съ удовольствиемъ замѣчалъ, что онъ въ своихъ историческихъ размышленіяхъ во многомъ сходится съ Максимовичемъ.

Историческое направленіе Надеждина окрылило подобное же стремленіе и въ Максимовичѣ. Историческая мысль билась въ немъ и прежде; стремленіе къ фактической основе было у него постоянное; оно скрывалось и въ занятіяхъ его ботаникой, и въ академическихъ рѣчахъ, и преимущественно въ изданіи „Украинскихъ народныхъ пѣсень“ и занятіяхъ словесностию. Въ Киевѣ историческія занятія усиливались; и городъ, и край, и близайшіе дѣятели, все подстрекали къ историческімъ работамъ. Сближеніе съ митрополитомъ Евгениемъ, давняя историческая дѣятельность этого великаго собирателя старины, любовь Инновентія къ исторіи особенно содействовали развитію исторического характера въ дальнѣйшихъ трудахъ Максимовича. Сношения его съ митрополитомъ Евгениемъ были неизмѣнно дружественны и честны. Привѣтливый владыка обыкновенно принималъ у себя по вечерамъ, подолгу бесѣдовалъ о любимой старинѣ родной, охотно снабжалъ учеными пособіями, рѣдкими рукописями¹⁾ и дарилъ свои изданія. Вручая Максимовичу „Исторію Нововскаго княжества“ и „Кіевскій Синопсисъ“ (въ изданіи 1836 года), владыка говорилъ ему: „Много собрано у меня записокъ о Великомъ Новгородѣ, да пусть уже послѣ кто-нибудь составить изъ нихъ книгу²⁾. Эта не угасающая любовь къ исторіи въ маститомъ архиепаstryѣ, это трогливое воспоминаніе о далекомъ городѣ, о не доконченныхъ работахъ питали

¹⁾ Отъ митрополита Евгения еще въ 1835 году Максимовичъ получилъ старинный списокъ «Лѣтописи Самовидца».

²⁾ Письма о Кіевѣ, стр. 126.

въ слушателъ живое стремленіе, идти по тому же пути. Въ присутствіи такого дѣятеля, чуткій Максимовичъ не могъ оставаться безучастнымъ къ историческихъ явленіямъ. Незадолго предъ этимъ въ литературѣ нашей распространялись усиленные толки (преимущественно Сенковскаго и протоіерея Сабинина) о вліяніи скандинавства на русскій языкъ и на всю древнюю жизнь Руси. Это послужило для Максимовича поводомъ — внимательно заняться изслѣдованиемъ спорнаго вопроса, и плодомъ его занятій была отдѣльная книга, посвященная памяти Ломоносова: „Откуда идетъ Русская земля“ (К. 1837). Въ ней Максимовичъ остался вѣренъ прежнему мнѣнію, что Русь варяжская была изъ прибалтійскихъ Славянъ. Въ своей рецензіи на эту книгу Погодинъ, какъ представитель норманнской теоріи, сильно полемизировалъ съ защитникомъ Ломоносовскаго взгляда. Обмѣнившись мнѣніями, объяснившись, соперники сдѣлали другъ другу взаимныя уступки. Не такъ отнесся къ книгѣ Максимовича Сенковскій: вѣчно любившій смѣшить и забавлять читателей, онъ осмѣялся гипотезу Максимовича о первобытной Руси, свою шутку-пародію выдалъ за собственную систему Максимовича и разразился грубыми выходками. Затѣмъ Максимовичъ задумалъ заняться изученіемъ исторіи края, въ которомъ жилъ, и въ частности города Киева. Вниманіе и участіе митрополита Евгения ручалось ему за успѣхъ; но къ сожалѣнію, Максимовичъ не успѣлъ уже поработать съ трудолюбивымъ владыкой на этомъ поля: 23-го февраля 1838 года Евгений скончался внезапно. Максимовичъ, въ это время быть боленъ и не могъ быть при погребеніи вѣчнопамятного святителя, и только черезъ шесть недѣль помянуть о немъ въ своей рѣчи надъ гробомъ фельдмаршала Сакена, друга Евгения. Историческое величие покойца нашего покойника внушило Максимовичу одушевленную, торжественную рѣчь, въ которой сжатыми чертами ярко обозначена славная жизнь героя 1812 года.

Нельзя не замѣтить, что 1837 годъ отличается особою торжественностью въ жизни Киева и Максимовича. 31-го іюля 1837 года Киевъ праздновалъ заложеніе зданія университета св. Владимира, при чемъ священнодѣйствовалъ новый митрополитъ Киевский Филаретъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. 24-го сентября, неожиданно приѣхалъ въ Киевъ министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ. Онъ пробылъ въ Киевѣ двѣ недѣли, внимательно вглядываясь въ направление преподаванія и воодушевляя собою немногочисленную группу русскихъ профессоровъ. Посѣщая лекціи профессоровъ, ми-

нистръ слушаль и Максимовичъ въ этотъ семестръ читаль о русской народной поэзіи. Лекціей его Уваровъ остался совершенно доволенъ. 2-го октября назначенъ былъ торжественный актъ университета, въ присутствіи министра, и Максимовичъ приготовилъ для акта рѣчъ „Объ участіи и значеніи Киева въ общей жизни Россіи“. Выборъ темы былъ какъ нельзя болѣе кстати, ибо возникавшія въ это время политическія волненія обнаружили польскія притязанія на Киевъ; благовременно было показать всю незаконность этого притязанія. И кому же это лучше было сдѣлать, какъ не студенту науки, профессору университета съ русскою миссіей! Максимовичъ уразумѣлъ знаменіе времени, понялъ свою задачу какъ русскаго человека, какъ Кieвлянина, и выполнилъ ее блестательно. С. С. Уваровъ такъ былъ одушевленъ этой рѣчью, что когда произнѣсь ораторъ послѣднія слова: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ!“ онъ былъ уже у каѳедры и привѣтствовалъ Максимовича одобрительными рукопожатіями. Иннокентій, получивъ чрезъ нѣсколько дней печатный экземпляръ рѣчи, писалъ Максимовичу: „А я перечиталъ ваше слово о Киевѣ, присланное мнѣ изъ совета. Истинно хорошо, брилліантовое“ (стр. 75).

Рѣчь о Киевѣ была началомъ трудовъ надъ стариною Киева и всей южной Руси. Отсель историческая занятія Максимовича становятся опредѣленнѣе, специальнѣе, сохраняя тѣсную связь съ работами по словесности. Профессорскія занятія не замыкали его въ узкую рамку специальности, хотя и мало оставляли ему досуга. Впрочемъ, явленіе въ печати цѣлаго ряда историческихъ трудовъ произошло нѣсколько позднѣе.

Разставаясь съ университетомъ, Уваровъ, въ прощальной рѣчи своей студентамъ, сказалъ между прочимъ: „Университетъ св. Владимира — мое созданіе; но я первый наложу на него руку, если онъ окажется несоответственнымъ назначенію своему и благимъ вѣдамъ правительства. А назначеніе университета — говорилъ министръ во всеуслышаніе — распространять русское образованіе и русскую народность въ ополяченномъ краѣ западной Россіи“¹⁾). Министръ предостерегалъ недаромъ. Едва окончился первый выпускъ студентовъ, какъ въ сѣверо-западномъ краѣ былъ открытъ польскій заговоръ, и 20 студентовъ - Поляковъ, питомцевъ Кieвскаго университета, были привезены изъ разныхъ мѣстъ въ Печерскую крѣость. И этиимъ однако

¹⁾ Письма о Киевѣ, стр. 85—86.

зде не было вырвано съ корнемъ, и въ ноябрѣ 1838 года Иннокентій съ грустью говорилъ Максимовичу: „А знаете ли, какое извѣстіе пришло изъ Петербурга? Тамъ идетъ уже рѣчь о закрытіи нашего университета“. Сильное взволнованіе возможностью такого исхода, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предвидѣвъ его по ходу дѣлъ, Максимовичъ развили предъ Иннокентіемъ историческія причины неизбѣжнаго паденія университета и относительную степень его виновности. Убѣжденный его доводами, Иннокентій вызвалъ его написать эти мысли въ оправданіе университета, обѣщаю дать имъ дальнѣйшій ходъ. Максимовичъ немедленно взялся за дѣло и черезъ два дня доставилъ ему записку „Мысли объ университѣтѣ св. Владимира въ концѣ 1838 года“¹⁾. Глубоко вѣрно и ясно до осознательности представилъ Максимовичъ причины этого печальнаго явленія въ жизни университета, и одною изъ главныхъ призналъ онъ избыточъ иерусской стихіи въ средѣ университета. Мы не знаемъ, что сдѣлалъ Иннокентій съ запискою Максимовича, но думаемъ, что если онъ далъ ей должное движеніе, то она, силою своей правды и убѣдительности, несомнѣнно повлѣдила на смягченіе участія, грозившего университету, хотя и не спасла его отъ временнаго закрытія. Пятый учебный годъ университета, то есть, 1838—1839, сдѣлался памятенъ этимъ печальнѣымъ событиемъ. Между тѣмъ Максимовича простигла тогда тяжкая болѣзнь ногъ, отъ которой всю весну и лѣто 1839 года лѣчили его безплодно. Больной, онъ еще тревожиѣ былъ взволнованъ закрытіемъ университета. Почасту и подолгу онъ съ тяжкою грустью бесѣдовалъ обѣ этомъ съ Иннокентіемъ, и участіе Иннокентія въ эту тревожную годину было особенно благодѣтельно для больнаго и взволнованнаго Максимовича.

Къ осени того же 1838 года Максимовичъ приступилъ къ печатанію своей „Исторіи древней русской словесности“. Онъ не остановился передъ тѣмъ, что тогда было еще мало критической разработки предмета, и даже не обнародованы многіе материалы; онъ хотѣлъ поскорѣе дать своимъ слушателямъ пособіе, преимущественно до древней словесности, которая тогда почти для всѣхъ была темною и невѣдо-мою областью. Въ „Исторіи русской словесности“ Максимовичъ предпринялъ разсмотрѣть нашу словесность въ связи со всею жизнью народа; таѣкъ какъ важнѣйшимъ предметомъ изученія являлся языкъ, то на него и преимуществу обратилъ вниманіе Максимовичъ. Въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 93—103.

книгъ его, вопреки мнѣнію Добропольского, русскій языкъ является какъ языкъ отдельный отъ западно-славянскихъ, болѣе всѣхъ ихъ сохранившихъ древне-славянскія свойства, менѣе ихъ измѣненный и исполненный языками и образовавшійся въ три особые вида: южно-русскій, великорусскій и белорусскій. Въ ней доказывается, наперекоръ Добропольскому и Востовому, что *полногласіе* есть первоначальное и нѣкогда общее славянское свойство, утраченное Славянами западными. И потому-то Шевыревъ сказалъ, что въ книгѣ Максимовича драгоценны филологическія основанія, касающіяся особенностей русскаго языка, сравнительно съ другими славянскими народами¹). Гораздо требовательнѣе отнесся къ „Исторіи словесности“ Максимовича критикъ *Отечественныхъ Записокъ*; но его мнѣнія неубѣдительно и блистательно опровергнуты Максимовичемъ въ *Співной Пчелѣ* 1840 г. (№ 125). Мы обращаемъ внимание читателей на этотъ стойкій и сильный отвѣтъ, послѣ которого нечего сказать больше въ защиту книги. Прибавимъ только, что самъ же критикъ *Отечественныхъ Записокъ*²) отдалъ справедливость филологическому значенію книга Максимовича и сказалъ, что она, не смотря на недостаточность, заслуживаетъ отъ публики благословленія пріема. Критикъ *Галатеи*, Переяльскій, осправивая самое существованіе древней русской словесности, предлагалъ озаглавить книгу Максимовича „Исторія словеноцерковной письменности въ Россіи“, и въ этомъ отношеніи придавалъ ей большую важность въ глазахъ ученыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ критикъ находилъ, что всѣ изслѣдованія нашихъ ученыхъ о старинныхъ памятникахъ словеноцерковной литературы вновь переизслѣдованы самими учеными профессоромъ и съ критическою оцѣнкой внесены въ науку. Критикъ, однако, думалъ, что писать исторію русской словесности въ то время пора еще не настала, и что прежде надобно дружными силами приняться за критическую разработку словесныхъ памятниковъ³). Максимовичъ понималъ это не менѣе своего критика, но въ то же время онъ сознавалъ свою обязанность передъ слушателями дать имъ необходимое пособіе.

Литературные труды были какъ разъ въ пору Максимовичу въ то время, когда закрыть былъ университетъ, и роковая болѣзнь заставила его нѣсколько мѣсяцевъ безвыходно сидѣть дома. Во время этой болѣзни въ немъ развилась и окрѣпла мысль объ изданіи въ Киевѣ по-

¹) *Истор. Русск. Словесн. Шевырева*, ч. 1-я, изд. 2-я. М. 1859, стр. ЖКIV.

²) Но это зовсѣ не Бѣлинский, какъ утверждаютъ некоторые.

³) *Галатея*, 1838, № 46.

временного сборника. Человеку, привыкшему къ журнальной деятельности въ Москвѣ, давно уже становилось скучно безъ журнальной работы; а тутъ представлялось такое богатое поле для нея — изысканія на почвѣ девятнадцатой старинѣ, едва тронутой трудами митрополита Евгения. Чтобы историческія изслѣдованія обѣ одномъ предметѣ не разсѣевались во множествѣ разныхъ изданій, Максимовичъ задумалъ предпринять въ самомъ Кievѣ особое изданіе, специально посвященное мѣстнымъ историческимъ вопросамъ. Такъ осенью 1839 года подготовлялось изданіе сборника, подъ заглавіемъ *Kievлянина*. Основную мысль его выражалъ эпиграфъ изъ Пушкина:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Эемли родной минувшую судьбу!...

Еще яснѣе выражался обѣ этомъ издатель, въ предисловіи къ 1-й книжкѣ: „Изслѣдованіе и приведеніе въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытю Кіева и всей южной Руси — Кіевской и Галицкой, составляетъ особенную и собственнѣйшую цѣль моего *Kievлянина*“ (стр. 1). Для должнаго успѣха въ такомъ важномъ дѣлѣ, онъ просилъ всѣхъ живущихъ въ южно-русскомъ краѣ доставлять ему статьи въ этомъ родѣ, старинныя историческія записки, грамоты, універсалы, акты, листы, легенды, народныя преданія, пѣсни (безъ всякой поправки), рисунки со старинныхъ замѣчательныхъ зданій и предметовъ. Въ изданіе были допущены стихи и повѣсти только для нѣкотораго оживленія его. За ними Максимовичъ обратился къ Жуковскому, Гоголю, Хомякову, Основяненку, Бенедикову (въ то время бывшему въ Кіевѣ) и другимъ писателямъ. Жуковскій и Хомяковъ отозвались вполнѣ сочувственно; послѣдній писалъ между прочимъ: „Пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнью. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Петера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями“ (стр. 16). Посылая при письмѣ свое извѣстное стихотвореніе „Кіевъ“, Хомяковъ прибавлялъ, что оно внушено ему именно названіемъ *Kievлянина* и заключалъ: „Желаю, чтобы получение этой пьесы было вамъ хотя въ половину такъ пріятно, какъ мнѣ пріятно посыпать ее“. Для главной же части изданія — исторической Максимовичъ работалъ преимущественно самъ. Онъ уже заблаговременно готовился къ этому дѣлу: усердными поисками въ архивахъ монастырей Михайловскаго и Выдубицкаго (стр. 51, 88); онъ старался

ознакомиться поближе съ историческими доказательствами Южной Руси и для того пересматривать между прочимъ и старые церковные памятники Печерской лавры и другихъ монастырей Киевскихъ; вообще онъ заботился о томъ, чтобы освѣтить темное, поставить на твердую почву сомнительное, поднять вопросы, требующіе ближайшаго изслѣдованія. Такъ, въ статьѣ „Обозрѣніе Старого Киева“ онъ не только увязываетъ положеніе издревле славныхъ мѣстъ Киева, но и следитъ исторически за судьбою каждого мѣста въ разныи эпохи существованія Киева до настоящаго времени; въ той же статьѣ ему первому удалось опредѣлить, что Киевский замокъ находился на горѣ Киселевѣ (гдѣ нынѣ кладбище Флоровскаго женскаго монастыря), и инѣніе его, плодъ исторической пропаганды, было, къ удовольствію его, въ послѣдствіи подтверждено стариннымъ описаніемъ замка, которое сообщилось ему въ 1841 году баронъ Шодуаръ. Статьей подъ скромнымъ заглавіемъ „О надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ“ былъ поднятъ вопросъ, какіе дворянскіе роды западно-руssкаго края, состоящіе уже польско-католическими, были въ старину православно-руssкими. Иннокентій писалъ по этому поводу: „Сожалѣніе о русскихъ онолячившихся фамиліахъ“ очень кстати. Пусть пораздумаютъ на „досугѣ“ (стр. 91). Вообще Иннокентій очень радовался изданію, доставляль Максимовичу спаски, благодариль его чуть не за вскую статью и исправляль ихъ, остерегаясь цензуры, которая была очень строга; такъ стихотвореніе Хомакова „Киевъ“ не было пропущено цензоромъ; историческая статья печатались съ великими ущербами, а статья Максимовича „Сказание о Колієвщинѣ 1768 года“, на которую онъ разчитывалъ, какъ на самую интересную для читателей, не только воспрещена цензоромъ но даже, по настоянію его, была отослана мѣстнымъ цензурнымъ комитетомъ въ Петербургъ, при особомъ мнѣніи цензора.

Между тѣмъ, пока подготавлялось изданіе *Киевлянина*, послѣдовало открытие университета. Закрытый въ мартѣ 1839 года, на годъ, онъ былъ открыть гораздо ранѣе — въ августѣ того же года, къ началу шестаго учебнаго курса. Страдая болѣзнью ногъ, Максимовичъ выхлопоталъ себѣ квартиру во флигѣлѣ напротивъ университета дома, и тамъ, оставаясь безвыходно до новой весны, прочелъ студентамъ еще одинъ курсъ лекцій о русской словесности. А болѣзнь длилась; Максимовичъ не находилъ силъ выйтіи; наступилъ ужъ и Свѣтлый праздникъ. Неизмѣнно занятый мыслю о болѣющемъ другѣ, Иннокентій на другой день праздника пишетъ Максимовичу спѣктакль, радостное письмо: „Христосъ воскресе! Христосъ воскресе!

И насти Христесъ воскресе! Такъ и столько разъ говорилъ я въ церкви всей церкви; столько же разъ говорю и вамъ одному, чтобы Господь воскресшій воскресилъ ваши сиды и оживилъ духъ радости. Смотрите, какой прекрасный день! Истинная весна! Пора, склонительно, съ одра! Мнѣ кажется, если вы начнете дышать чистымъ воздухомъ, разумѣется, когда силь теплъ, то вѣмъ будеть гораздо лучше. Такому духу, какъ вашъ, въ концѣ хуже, нежели птицѣ въ клѣткѣ. Итакъ — на свободу! Подъ свободу небесный! (стр. 93). Такое окрыдающее слово, такое согрѣвающее чувство действительно подняли нѣсколько на ходъ къ лучшему въ здравыи Максимовича; но укрытие шло медленно, и только въ іюнѣ онъ могъ стать на ноги. Иннокентій заѣхалъ за нимъ 11 13-го іюня увезъ его съ собою въ Выдубицкій монастырь. Это была уже послѣдняя прогулка Максимовича за городъ виѣтъ съ Иннокентіемъ. Вакационное время Максимовичъ провелъ на своей, еще неустроенной „Михайловой горѣ“ и оттуда писалъ Иннокентію о печальномъ упадкѣ двухъ состояй тамошняго люда, связанныхъ между собою крѣвностными правамиъ съ 1783 года. Иннокентій, посыпая отвѣтъ свой по почтѣ, опасался, какъ видно, разговериться свободно о жгучемъ вопросѣ и отвѣтить Максимовичу письмомъ на латинскомъ языке¹⁾.

Съ каникуль Максимовичъ возвратился безъ поправленія здоровья. Это заставило его думать о рѣшительной отставкѣ. Силь не хватало ни ходить на лекціи, ни готовить ихъ. А между тѣмъ все обѣщало ему еще прекраснную будущность. Первая книга *Кіевлянина* была встрѣчена въ журналистикѣ сочувственно, но горькая необходимость застрашила его, еще въ двѣнадцати годы, 36 лѣть отъ роду, подать прошеніе объ отставкѣ (30-го сентябрь 1840 г.). Уваровъ, возвращавшійся тою же осенью чрезъ Кіевъ изъ-за границы, былъ къ нему по прежнему внимателенъ, весьма сожалѣлъ объ его недугѣ и обѣщалъ все доброе на случай его отставки.

Въ промежутокѣ времени между прошеніемъ о отставкѣ и увольненіемъ, дѣятельность Максимовича, не смотря на болѣзнь, была очень замѣтная: однѣ усердно занимался составленіемъ второй книжки *Кіевлянина*, своими лекціями и другими дѣлами. Иннокентій не разъ дружески удерживалъ его отъ занятій. „Вижу“, писалъ онъ ему, „что вы не покидаете пера для вашего сборника: это нехорошо очень.“

¹⁾ Письмо послано было въ недавнее время М. П. Погодину для напечатанія въ сборникѣ его «Виды на могилу Иннокентія», но рѣдко вспоминалось (стр. 105).

Надобно прежде собраться съ силами... Здоровыи, здоровыя, и еще здоровыя!" (стр. 107—108). Какъ прежде, Иннокентій слѣдилъ за составомъ второй книжки *Кievлянина* и по обычаю былъ доволенъ всмъ. „Статьи о Гнилецкомъ монастырѣ очень хороша. Выдумицкій вашъ съ пріятностю занялъ меня. И мѣсто, и описание интересны. О стихотвореніяхъ червоно-русскихъ статья прекрасная" (стр. 52, 108, 115). Вторая книжка также была исполнена мѣстного интереса. Судьбы края, языкъ его, послужили главнымъ содержаниемъ статей. Въ первомъ отношеніи встрѣчаемъ тамъ „Родословные записки Киевлянина; томографическая замѣтка Киевлянина; о монастыряхъ Выдумицкомъ, Гнилецкомъ; Волынь до XI вѣка; о памятникахъ Луцкаго братства¹⁾; во второмъ отношеніи находимъ статьи: о правописаніи малороссійскаго языка, о червоно-русскихъ стихотвореніяхъ. Нужно ли добавлять, что всѣ эти восемь статей принадлежали самому больному Максимовичу? Въ ряду ихъ указемъ особенно на „Родословные записки", гдѣ поименовано до 90 дворянскихъ фамилій на Волыни, принадлежавшихъ въ XVII вѣкѣ къ православной восточной церкви. Историческія работы Максимовича были замѣчены Одесское общество исторіи и древностей, въ засѣданіи своемъ 23-го апрѣля 1839 года, въ ознаменование уваженія къ просвѣщенной и ревностной дѣятельности Максимовича на поприщѣ историческихъ наукъ, признало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ. Въ *Москвитянинѣ* С. М. Соловьевъ отозвался чрезвычайно сочувственно о составѣ обѣихъ книжекъ *Кievлянина*. Разобравъ важнѣшія статьи его, критикъ заключалъ: „Такъ вполнѣ достигаетъ своей прекрасной цѣли издатель *Kievлянина*. Передъ нами только двѣ книжки, но уже сколько относящагося къ бытію Киева и всей южной Руси изслѣдовано и приведено въ надлежащую извѣстность, и все это совершено усилиями только одного ученаго". Критикъ желалъ, чтобы за *Kievляниномъ* явились Смолянинъ, Тверитянинъ, Черниговецъ, Рязанецъ, и прибавлялъ: „Но за матерью городовъ русскихъ останется честь и слава благого начинанія".

Историческое значеніе *Kievлянина* было оцѣнено и заграничными учеными; нѣкоторые изъ нихъ присыпали материалы для изданія, напримѣръ, Д. И. Зубрицкій изъ Львова присыпалъ Максимовичу два акта XVI и XVII вѣка. Независимо отъ главнаго своего — исторического — значенія, *Kievлянинъ* Максимовича замѣчательенъ и тѣмъ, что онъ

¹⁾ Оно дотолѣ неизвѣстно было и митрополиту Евгенію.

быть первымъ историко-литературнымъ повременнымъ изданіемъ, явившимся въ Кіевѣ, и долго еще послѣ него не появлялось тамъ ни сборниковъ, ни газетъ. Къ сожалѣнію, здоровье Максимовича не позволило ему регулярно продолжать свое изданіе. Между тѣмъ Иннокентій, видя, что кромѣ Максимовича ему не къ кому обратиться за помощью въ своихъ историческихъ занятіяхъ, писалъ къ нему: „У меня зарождается охота издать историческую библиотеку здѣшняго края. Не откажитесь послужить доставленіемъ или указаніемъ, гдѣ доставать старыя книги, въ коихъ содержатся свѣдѣнія о нашемъ краѣ. Такой Соргус книгъ историческихъ послужить основаніемъ для будущихъ историковъ“ (стр. 106). Можно думать, что мысль объ этомъ изданіи была навѣяна Иннокентію *Кіевляниномъ*, но содержаніе своей исторической библиотекѣ онъ думалъ дать другое. Подъ книгами историческими разумѣль онъ книги въ родѣ произведеній Мелетія Смотрицкаго, Палинодіи и т. п.

Стремленіе обоихъ друзей къ историческому изученію края породило широкія начинанія въ будущемъ: въ началѣ 1841 года они пришли къ той мысли, что пора бы и въ Кіевѣ быть историческому обществу, когда есть оно не только въ Москвѣ, но уже и въ Одессѣ: попечитель князь Давыдовъ охотно взялся содѣйствовать исполненію этой мысли и не замедлилъ собрать у себя кружокъ любителей исторіи. Протоколъ этого первого исторического вечера озаглавилъ Иннокентій во имя Св. Троицы; попечитель написалъ импривизированную сообща въ тотъ же вечеръ программу и списокъ предполагаемыхъ дѣйствительныхъ членовъ и девяти членовъ-основателей; во главѣ послѣднихъ стояли преосвященный Иннокентій, князь Давыдовъ, Максимовичъ, Неволинъ. Составленіе записки объ обществѣ и его устава было возложено на Максимовича. Онъ не замедлилъ составить и то, и другое. Иннокентій дважды пересмотрѣлъ уставъ и торопилъ развитіемъ общества. „Пора бы уже привести дѣло къ концу. Впрочемъ, — прибавляетъ онъ, какъ неизмѣнно преданный Максимовичу, — все это подъ условіемъ вашего здоровья: безъ того, чтѣ проку и въ обществѣ“ (стр. 116). Записка и уставъ были представлены попечителемъ генераль-губернатору Д. Г. Бибикову, уѣзжавшему тогда въ Петербургъ. Но обстоятельства не позволили осуществиться Кіевскому обществу исторіи и древностей славяно-русскихъ. И едва-ли не единственнымъ остаткомъ отъ замышлившагося общества оказалась статья Максимовича „О гетманѣ Сагайдачномъ“, о которой такъ писалъ ему Иннокентій: „Исполать вамъ! Вы стоите за все Кіевское, какъ

истинный Киевлянинъ. Я совершенно согласенъ съ вами: насчетъ и Бантыша, и Срезневскаго, и Евецкаго. Всѣ писали, не подумавъ хорошо и не разобравъ дѣла. Въ „Сагайдачномъ“ инѣ все нравится“ (стр. 117—118). Киевское общество исторіи не осуществлялось; да и самъ Максимовичъ и Иннокентій вскорѣ были оторваны отъ Киева, одинъ — болѣзнью, другой — неожиданнымъ назначеніемъ въ Вологду. Увольненіе Максимовича послѣдовало 26-го апрѣля 1841 года.

Получивъ увольненіе, Максимовичъ не медлилъ оставить Киевъ и чрезъ два дня назначилъ отѣздъ свой на Михайлову гору. 28-го апрѣля 1841 года онъ простился съ Иннокентіемъ въ Михайловскомъ монастырѣ. Святитель благословилъ его прекраснімъ эстампомъ Спасителя¹⁾, который находился предъ его глазами много лѣтъ, предъ коимъ писались всѣ лучшія творенія — „Седмицы“, „Послѣдніе дни Спасителя“, — доставившія ему вѣчную славу. Иннокентій въ то время и самъ готовился въ путь, въ далекую Вологду, куда и выѣхалъ изъ Киева 4-го мая.

Разлука и прѣстранство не ослабили взаимнаго уваженія обоихъ бывшихъ Киевлянъ, но имѣли большое вліяніе на ихъ сношенія. Иннокентій прїѣхалъ въ Вологду въ концѣ мая; тамъ, по его словамъ, на первыхъ порахъ ему было очень трудно: надобно все было устроить; а потомъ онъ долго не зналъ, куда писать къ Максимовичу, и даже не былъ увѣренъ, дойдетъ ли письмо его по назначенію. Съ своей стороны Максимовичъ не зналъ навѣрное, когда Иннокентій прїѣдетъ въ Вологду (такъ какъ онъ намѣревался пробыть въ Москвѣ, чтобы осмотрѣть синодальную библіотеку), хотѣль дать ему время осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, а главное, отягченный болѣзнью, онъ затруднялся и перо держать въ рукѣ, ожидалъ укрѣпленія силь. Иннокентій первый отклінулся, стосковавшись семимѣсячнымъ молчаніемъ. „Что значитъ это долговременное молчаніе?“ спрашивалъ онъ Максимовича. — „Думаю, думаю, и не могу придумать ни слова въ отвѣтъ себѣ. Къ кому ни обращался я за извѣстіемъ и куда? и въ Киевъ, и въ Москву: одинъ отвсюду отвѣтъ: не знаемъ, не знаемъ. Знаете ли, какъ это мнѣ больно“ (стр. 30).

Въ книгѣ Максимовича, изъ которой мы доселѣ извлекали извѣстія о сношеніяхъ его съ Иннокентіемъ, мы не встрѣчаемъ дальнѣйшихъ писемъ Иннокентія, можетъ-быть, потому, что не мало ихъ

¹⁾ Снимокъ съ картины Леонардо Винчи, гравированный известнымъ Е. Миллеромъ.

роздалъ Максимовичъ разныи лица, желавши иѣть у себѣ автографъ Иннокентія (стр. 11), можетъ-быть, и потому, что другія письма писаны изъ другихъ мѣстъ, а не изъ Киева, коему посвящена книга.

Вышедши въ отставку, Максимовичъ на долго поселился въ своей усадьбѣ, Михайловой горѣ, коей положилъ начало въ 1837 году. Она находится на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, верстахъ въ 160 отъ Киева по Днѣпру. Мѣстность Михайловой горы необыкновенно живописна. Вотъ какъ описывается ее самъ Максимовичъ:

„Прямо противъ того мѣста, гдѣ рѣка Рось поворачиваетъ къ Днѣпру, на нашей сторонѣ его, надъ селомъ Прохоровкою, выдалась моя Михайловая-гора, въ которой такъ далеко видно во всѣ стороны. Сколько разнообразныхъ картинъ сливаются здѣсь въ одну полную, живую панораму, и какъ хорошо отсюда поглядѣть на просторъ и красоту Бож്�яго міра!... Цѣлую половину кругозора моего обнадѣль собою Днѣпръ, сверкая мнѣ на шестидесяти верстахъ своего теченія. Прекрасенъ Днѣпръ и въ сіяніи дневномъ, когда на его свѣтлыхъ водахъ заблѣютъ полные паруса, ныряя въ зелени прибрежныхъ деревьевъ, и въ сумракѣ ночномъ, когда на его стемнѣвшихъ берегахъ засвѣтятся огни, и мимо ихъ проходить огни на плывущихъ плотахъ. Прекрасенъ видъ Заднѣпровья, съ широкими разделами его темныхъ, лѣсистыхъ луговъ, разлегшихся на полдень отъ Роси, подъ синѣющими полосами горъ Корсунскихъ и Мощенскихъ, съ его величавою, нарядною возвышенностью Роденскою, блѣющею въ концѣ своеемъ городомъ Каневомъ, и съ выходящею изъ-за Канева отраслью Терехтемировскихъ горъ. Но еще пенагляднѣе для меня видъ побережья, на которомъ, какъ на разостланномъ коврѣ, беззечно раскинулись наши села. Тамъ улеглась бездна зелени, въ лугахъ и лѣсахъ, сплетаясь безчисленными очерками и отг҃ынками въ одну ткань съ струями и зыбями блѣдно-желтыхъ песковъ, поднимающихся холмами на сѣверъ. А на востокѣ отъ меня потянулась привольная степь, съ разсыпанными по ней лѣсками, садиками и хуторами и этими таинственными могилами, безъ которыхъ и степь не степь на Украинѣ“¹).

Въ этой-то живописной мѣстности, на горѣ, расположенной противъ того горнаго хребта, гдѣ нѣкогда существовалъ исторический

¹) Журн. Мин. Внутрен. Дѣлъ, 1848, № 11, стр. 236 — 238. Еще описание Михайловой горы можно читать въ Кіевлянинѣ 1871 года, №№ 85 и 86.

городъ Родня, поселился давний любитель природы, бывшій естествоиспытатель, нынѣ историкъ. Тамъ жилъ онъ съ единственою сестрой, свою питомицей, неподалеку отъ отца, имѣвшаго свой домъ въ Прокоровкѣ. Небольшая усадьба, основанная имъ самимъ въ 1837 году и еще далеко не устроенная, да 20 десятинъ земли, сънокосной и выгонной земли, да пенсія въ 762 рубля за службу въ двухъ университетахъ составили все материальное достояніе его. Крайне слабое здоровье заставило его даже бросить и перо, и книгу на некоторое время. Первые мѣсяцы своего уединенія онъ даже ходить не могъ, а его, словно безногово, носили въ креслахъ. Но, мало по малу, здоровье поправилось: свѣжій воздухъ, живительная близость Днѣпра, свобода отъ срочныхъ, напряженныхъ занятій, деревенская дѣятельность воевали силы Максимовича. Въ сентябрѣ 1842 года Неволинъ и Богородскій уже вызвали его въ Киевъ, куда въ это время прѣѣхалаъ больной Надеждинъ, на пути изъ Одессы въ Петербургъ. Максимовичъ, напечать своего друга въ постели, изнемогающаго въ сильныхъ страданіяхъ отъ ревматизма. Но не смотря на это, Надеждинъ былъ неистощимъ въ разказахъ о своемъ путешествіи и съ веселымъ смѣхомъ читалъ разказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ изъ „Мертвыхъ Душъ“, которая въ то время только что вышли.

Въ университетѣ въ эту пору все еще не было профессора на каѳедру русской словесности. Попечитель, узнавъ о прїѣздѣ Максимовича, явился самъ къ нему и началъ просить его занять каѳедру, хотя временно. Максимовичъ колебался, желая еще болѣе укрѣпиться въ силахъ. Но чрезъ нѣсколько времени попечитель снова обратился къ нему, на Михайлову гору, сначала частнымъ письмомъ, потомъ съ официальнымъ приглашеніемъ: Максимовичъ принялъ предложеніе и съ сентября 1843 года опять началъ преподаваніе русской словесности, не вступая однакожъ въ службу. Вскорѣ занятія его успѣли уложиться. Въ ноябрѣ открылась при Киевскомъ генераль-губернаторѣ „Временная комиссія для разбора древнихъ актовъ“, Высочайше учрежденная 8-го мая того же года. Барону Шодуару поручено было пригласить въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ Максимовича, Н. Д. Иванющева и Домбровскаго. Временная комиссія замѣнила собою комитетъ древностей и предполагавшееся въ Киевѣ историческое общество. Историческая опытность Максимовича и самый ходъ дѣла навели къ тому, что онъ принялъ ближайшее участіе въ образованіи комиссіи, въ первоначальныхъ ея занятіяхъ и въ первыхъ ученыхъ изданіяхъ ея. Подъ его редакціей было издано 1-е отдѣленіе 1-го тома

„Памятниковъ“, куда вошли „Памятники Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства“, съ есобыми примѣчаніями. Онъ же подготовилъ материалы для 2-го тома „Памятниковъ“ — „О Киевскомъ Вогоявленскому братствѣ“. Для успѣшнаго хода изданія Максимовичъ занимался, между прочимъ, разборомъ дѣлъ губернскаго архива и принималъ участіе въ изысканіяхъ другихъ членовъ комиссіи. Въ 1845 г., когда профессоръ Н. Д. Иванющевъ произвелъ раскопку знаменитой могилы Перепетовки или Перипятихи¹⁾ и представилъ въ комиссию найденный имъ стрѣлы, золотыхъ грифоновъ, монисты изъ разноцвѣтнаго стекла и другія вещи, Максимовичъ вынесъ изъ соображеній свое мнѣніе, что эта могила можетъ быть приписана Гелонамъ, выходцамъ изъ занятаго Эллинами черноморскаго прибрежья, и что въ городъ Гелонось можно полагать на Перепетовомъ полѣ, упоминаемомъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ²⁾ и въ народной легендѣ. Позднѣйшія розысканія и находки, сдѣланныя въ могилахъ всей Киевской губерніи, очевидно и несомнѣнно подтвердили распространеніе вдоль греческихъ поселеній въ глубокой древности, и притомъ болѣе обширное, чѣмъ предполагали доселѣ.

Собственные историческіе труды Максимовича имѣли своимъ чередомъ, перемежаясь съ занятіями по словесности; но исторія мало же малу брала вѣркъ, и уже въ этому времени относится рядъ изслѣдований его по разнымъ вопросамъ: „О гетманѣ Петровѣ Сагайдачномъ“ (приготовленное нѣсколькоѣ прежде), „Объ именахъ южно-русскихъ городовъ“, „О гайдамакахъ“. Всѣ эти статьи были напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1843 и 1845 годовъ.

Непосредственный занятія его, лекціи по исторіи русской словесности, продолжались по прежнему методу. Въ то же время Максимовичъ напечаталъ два письма къ Погодину: „О народной исторической поэзіи въ древней Руси“. Кроме того, онъ особенно занялся обработкою русской филологии какъ науки и началь было изданіе своихъ изслѣдований въ 1845 году, подъ заглавиемъ „Русская рѣчь въ сравненіи съ западнославянскою“. Почти два года уже Максимовичъ преподавалъ русскую словесность; здоровье ему еще служило, и теперь оно готово было продлить свою службу; но вскорѣ послѣдовало назначеніе ему

¹⁾ Она находится въ Васильковскомъ уѣздѣ, на поляхъ Хвостовскихъ, неподалеку отъ деревни Маріановки. Находки въ ней были открыты на глубинѣ общее семи яршинъ отъ поверхности земли.

²⁾ Подн. собр. русск. лѣтоп., т. II, стр. 62.

протеника, и въ іюлѣ 1845 года навсегда прервалась педагогическая дѣятельность Максимовича.

Поселившись снова на своей Михайловой горѣ, Максимовичъ продолжалъ исподовѣль свои ученыя занятія по народной словесности, филологіи и исторіи и готовилъ свои труды къ изданію. 1845 и 1846 годы посвятилъ онь филологіи и собиранію южно-русскихъ писемъ, заѣмъ почти исключительнымъ предметомъ его занятій является старина Киева и всей южной Руси. Занятія свои въ этомъ родѣ онь вѣтъ тѣмъ охотнѣе, что въ то время въ университѣтѣ св. Владимира появился молодой преподаватель русской исторіи, который съ любовью и трудолюбiemъ началъ работать надъ изученіемъ исторіи и этнографіи Малороссіи. Это былъ Н. Н. Костомаровъ. Въ началѣ 1846 года Максимовичъ ужъ имѣлъ удовольствіе выслушать отъ Костомарова только что написанное имъ введеніе къ исторіи Богдана Хмельницкаго. Тогда же Максимовичъ впервые ознакомился съ драгоценностью Самуила Величка, которая была поручена для изданія г. Костомарову еть временної комиссіи. Характеръ историческихъ занятій Максимовича отчетливо опредѣленъ имъ самимъ въ слѣдующихъ словахъ: „На поль, скатомъ на-скоро историками Малороссіи, я собираю пропущенные и оброненные ими колосья и военномугу предаю ихъ въ общую извѣстность“. Длинный рядъ статей его въ этомъ родѣ продолжается, съ малыми перерывами, до вѣстоащаго времени.

Первое время послѣ своей отставки Максимовичъ провелъ почти безвыѣздно въ своей усадьбѣ. Въ 1847 году онъ снова является въ Киевъ и работаетъ немало. Тогданий Киевскій губернаторъ И. И. Фундуклей, оставившій по себѣ въ Киевѣ неувидаемую признателную память во многихъ отношеніяхъ, готовилъ на ту пору изданіе замѣчательной книги „Обозрѣніе Киева въ отношеніи къ древностямъ“. Хорошо знаа богатство и основательность историческихъ свѣдѣній Максимовича, онъ вызвалъ его изъ пустыннаго уединенія въ Киевѣ и поручилъ ему редактировать уже готовый текстъ „Обозрѣнія Киева“, съ тѣмъ, чтобы напечатать его въ два мѣсяца, къ ожидаемому приѣзу Государя. Максимовичъ охотно взялся за это дѣло, пересмотрѣлъ текстъ, составленный С. П. Крыжановскимъ¹⁾, написалъ для введенія очеркъ Киева и пополнилъ примѣчанія изъ своихъ материаловъ,

¹⁾ Семенъ Петровичъ Крыжановскій — воспитанникъ III-го курса Киевской академіи, усердно изучавшій Софійскую библіотеку и тамошній архивъ, былъ въ послѣдѣтіи участникомъ въ Киевскомъ центральномъ архивѣ. Потомъ онъ выѣзжалъ въ Низину къ брату своему, преосвященному Синевиту, и тамъ скончался.

выписками трехъ записей изъ Никольскаго Евангелия 1411 года, листомъ князя К. К. Острожскаго на гору Щекавицу и проч. Въ два мѣсяца, къ Владимирову дню, „Обозрѣніе Киева“ было уже вполнѣ готово. И надѣль второю книгою Фундуклея „Обозрѣніе мотиль, валовъ и городищъ въ Киевской губерніи“ Максимовичъ потрудился довольно, въ званіи редактора; текстъ ся былъ составленъ на польскомъ языке М. А. Грабовскимъ. Въ эту же пріѣздъ свой въ Киевъ, Максимовичъ работалъ въ Софийской библіотекѣ, гдѣ незадолго предъ симъ была отыскана рукописная книга Петра Mogилы, о которой по слуху упоминалъ Евгений въ своемъ „Описаніи Киевскаго собора“, какъ о пропавшей. Максимовичъ немедленно ознакомился съ нею и сдѣлалъ важнѣйшія изъ нея выписки, отчасти для примѣчаній къ Фундуклеевої книгѣ о древностяхъ Киева. Въ библіотекѣ Софийской и въ Михайловскомъ монастырѣ Максимовичъ запасался материалами для своей „Книжной старины южно-русской“; тогда же онъ имѣлъ подъ руками три экземпляра „Апокризиса“ и тогда же убѣдился, что знаменитая книга эта напечатана въ Острогѣ. Его мнѣніе подтвердили извѣстный опытный книговѣдъ К. К. Свидинскій, признавшій „Апокризисъ“ несомнѣнно изданіемъ Острожскімъ. Тогда же напечаталъ онъ первую часть своихъ „Начатковъ русской филологии“ и „Сборникъ украинскихъ пѣсенъ“ (собственно эническихъ); но выходъ въ свѣтъ послѣдней книги былъ задержанъ тогдашними историческими обстоятельствами.

„Начатки русской филологии“ вызвали Максимовичу привѣтъ и „признательное поклоненіе“ В. И. Даля. „Книга ваша“, писалъ онъ ему, дотолѣ вовсе незнакомый съ нимъ, „съ первыхъ страницъ меня поразила знаніемъ дѣла. Она придала мнѣ духу и охоты заниматься“. Это говорилъ человѣкъ, уже тогда около 30-и лѣтъ (съ 1819 года) трудившійся надъ изученіемъ народнаго быта и языка. „Мысль о древности въ русскомъ языкѣ полногласія“, писалъ отъ, „не подлежитъ сомнѣнію; это вѣрно. Постановка языковъ и нарѣчий въ рядъ съ человѣкомъ, породами его, народами и проч. вѣрина по мысли. Вы, кажется, первые замѣтили сходство съвернаго великорусскаго нарѣчія или говора съ южнымъ, Новгородскаго — съ Киевскимъ. Это потому, что на югѣ сидѣли Славяне, а во всей Великоруссіи Чухни разныхъ поколѣній, затѣмъ Киевъ сдѣлалъ выселокъ въ Новгородъ, промежутокъ постепенно обрусьль, Бѣлоруссы вдвинулись клиномъ до Москвы, обрусьши стали говорить нѣсколько иначе, а съверъ сохранилъ говоръ ближайшій къ южному, колыбели своей. Въ Шенкурскѣ

и Колъ вы услышите еще болѣе сохранившихся Кіевскихъ словъ, чѣмъ въ Новгородѣ, словъ, которыхъ нѣтъ нигдѣ, на всей промежуточной двухтысячеверстной полосѣ". Вообще, все письмо В. И. Даля внушило искреннимъ признаніемъ достоинствъ честно трудающагося человѣка и уваженіемъ къ нему. Онъ просилъ у Максимовича совѣтовъ, замѣчаній о своемъ „Словарѣ“, о пословицахъ, изданіемъ которыхъ онъ уже тогда былъ озабоченъ: „Изъ такихъ рукъ какъ ваши“, писалъ онъ, „все дорого, потому что вѣрно“. Прекрасныя слова, которыя съ особенной силой можно сказать объ историческихъ трудахъ Максимовича. Въ позднѣйшее время (въ 1852 г.), говоря о нарѣчіяхъ русскаго языка, Даляръ говорить по поводу „Начатковъ русской филологии“ слѣдующее: „М. А. Максимовичъ дѣлить сѣверо-русскій языкъ на велико- и бѣлорусское нарѣчія, а великорусское (или сѣверо-русское) основательно на четыре нарѣчія: въ сѣверовосточной части, гдѣ акаются, 1) верхнерусское или новгородское, 2) нижнерусское или Сузdalское; въ южной части, гдѣ акаются: 3) среднерусское или Рязанское и 4) Московское, сдѣлавшееся общимъ или образцовымъ. Почти все, что М. А. Максимовичъ говоритъ объ этомъ распределеніе нарѣчій, вѣрио; онъ владѣетъ завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ грамматическія правила“¹⁾.

Оставивъ Кіевъ въ 1848 году, Максимовичъ потомъ восемь лѣтъ не былъ въ немъ и жилъ въ своемъ нагорномъ уединеніи, собираясь съ силами посѣтить Москву. Однако и въ глухи уединенія литературная дѣятельность не только не прерывалась, но развилась въ широкихъ размѣрахъ. Въ томъ же 1848 году онъ напечаталъ въ *Москвитинѣ* „О святихъ вратахъ Печерской лавры“, а въ слѣдующемъ—„О первыхъ гетманахъ и полковникахъ Прилуцкихъ“, въ *Журналь Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* (редактируемомъ тогда Надеждинымъ) „О Волынскомъ городѣ Степанѣ“, „Исторический очеркъ г. Золотоноши“ и обширное изслѣдованіе „О Бубновской сотнѣ“. Здѣсь, кромѣ исторіи Бубновской сотни, входившей въ составъ Переяславского полка, помѣщено много свѣдѣній о домашней жизни Украин-

¹⁾ Вѣсты. Русск. Геогр. Общ. 1852 г., ч. VI, № 5; Толковый словарь, ч. I, М. 1863, стр. XXVIII. Здѣсь необходимо сказать, что вторая книга „Начатковъ“, заключавшая въ себѣ изслѣдованіе о звукахъ русской рѣчи, не только была написана, но и процензурорвана (экземпляръ ея доселѣ хранится у автора), но не издана единственно потому, что Максимовичъ былъ недоволенъ своимъ трудомъ, въ виду позднѣйшихъ успѣховъ науки.

цевъ прошлого вѣка¹⁾). Въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ въ *Временики* статью о книжной старинѣ южно-русской, и наконецъ, издалъ „Сборникъ украинскихъ пѣсень“. Книга обратила на себя вниманіе знатока народной поэзіи профессора О. И. Буслаева, который написалъ по поводу ея прекрасную статью „Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи“. Къ сожалѣнію, изданіе пѣсень не продолжалось и осталось далеко не оконченнымъ. Какъ бы ни было, но мадороссийскія пѣсни пользуются цѣлыми гражданскими правами въ русской литературѣ, преимущественно благодаря чолезнымъ трудамъ Максимовича²⁾.

Осенью 1849 года Максимовичъ отправился въ Москву, поелъ 16-лѣтнаго изъ нея отсутствія. Пребываніе Гоголя въ Москве было для него одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ этой поездкѣ. Кромѣ того, Максимовичъ намѣревался тамъ поработать, пользуясь сокровищами Погодинскаго древлехранилища, а некоторые литературные труды привезъ съ собою. Въ Москвѣ, поселившись возлѣ Сухаревой башни, онъ иногда по цѣлымъ днамъ проводилъ у своего друга и стараго товарища М. П. Пополина, въ его древлехранилищѣ. Бѣль удовольствію Максимовича, у Погодина явилась въ то время рѣдкое приобрѣтеніе — сборная старопечатная книжка, въ которой оказалось нѣсколько рѣдчайшихъ произведеній южнорусской печати; между ними были „Вирши“ Кіевобратскаго ректора Кассіана Саковича на смерть Сагайданнаго, 1622 года, известныя въ то время только въ одномъ экземплярѣ, принадлежавшемъ Румянцевскому музею, и Кіевопечерская „Имологія“, 1630 года, о которой знали дотолѣ по эзвѣплару, принадлежавшему Демидовскому музею и вмѣстѣ съ нимъ погибшему въ Московскомъ пожарѣ 1812 года. Эти рѣдкости послужили Максимовичу побужденіемъ и основаніемъ для изданія 3-й книги Кіевлянина въ Москвѣ, къ свѣтлуому празднику 1850 года. Книжка эта была прямымъ дополненіемъ къ двумъ прежде изданіямъ, заключая въ себѣ статьи Максимовича: „О Георгіевской церкви въ Кіевѣ“, „О г. Переаславѣ“, „О г. Стѣпанѣ и монастырѣ Степанскомъ“.

¹⁾ Изслѣдованіе это обратило на себя особое вниманіе преосвященнаго Филарета, архіепископа Харьковскаго. Будучи дотолѣ вовсе не знакомъ съ Максимовичемъ, онъ прислалъ ему одно изъ своихъ сочиненій, съ надписью „За бубновскую сотню“. Еще болѣе были довольны ею Кирѣевскій, Хомиковъ. Преосвященный Филаретъ въ своихъ сочиненіяхъ очень часто ссылается на изслѣдованія Максимовича, разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ.

²⁾ Моск. Вѣд. 1861, № 263, ст. А. А. Котляревскаго.

„О гетманѣ Сагайдачномъ“, „О лубочныхъ изображеніяхъ монастырскихъ городовъ“, и продолженіе „Книжной старины южно-русской“. Кромѣ того, пріѣзжаго рѣдкаго гостя почили статьями своими Погодинъ, Соловьевъ, Бѣлаевъ, кн. Оболенскій, И. С. Александровъ, Павлова, графина Ростопчина, Глинка. Тогда же Максимовичъ помѣстилъ нѣсколько критическихъ статей въ *Москвитянинъ*, а во *Временникъ* — статью „Поминки о Берлинскомъ“, читанную имъ въ обществѣ исторіи и древностей, и „О дидаскалии Коссова“. Извѣстный любитель и знатокъ книжной старины Т. Ф. Большаковъ утѣшилъ его по-своему: показалъ ему листы первого изданія Острожской Библіи, 1580 года, изданія, котораго извѣстно только пять экземпляровъ. Разности въ текстѣ и послѣдній выходный листъ несомнѣнно подтвердили двукратность изданія знаменитой Библіи. Среди таихъ усердныхъ занятій, Максимовичъ съ особеннымъ удовольствиемъ отыскалъ въ бессѣдахъ у Гоголя, съ которымъ тѣль давно не видался¹⁾). Въ числѣ немногихъ, Гоголь читалъ и Максимовичу первыя главы втораго тома „Мертвыхъ душъ“ и въ январь 1850 года говорилъ ему о своемъ трудѣ: „Безпрестанно поправляю, и всакій разъ, когда начну читать, то сквозь написанныя строки читаю еще не написанныя. Только вотъ съ первой главы туманъ сошелъ“²⁾). Въ Москву же, осенью 1849 г., ему посчастливилось встрѣтиться съ преосвященнымъ Иннокентіемъ,ѣхавшимъ изъ Одессы въ Петербургъ, для присутствованія въ св. синодѣ. Свиданіе повторилось въ половинѣ мая 1850 года, когда Иннокентій уже возвращался въ свою епархію. Иннокентій не долго гостила въ Москву, въ Симоновѣ монастырѣ; здѣсь, въ откровенной бесѣдѣ, наединѣ съ своими ближайшими друзьями — Максимовичемъ и Погодинымъ, Иннокентій сказалъ имъ, между прочимъ: „Novus ordo зачинается въ мірѣ“, намевая этимъ на политическомъ движении въ Европѣ. Это свиданіе съ Иннокентіемъ было для Максимовича уже послѣднимъ.

Въ іюнь 1850 года Максимовичъ выѣхалъ изъ Москвы на родину, вмѣстѣ съ Гоголемъ, на долгихъ. Вмѣстѣ съ ними вѣхали Хомяковы, отправляясь въ свое помѣстье. Дружеская компания остановилась на ночлегъ въ Подольскѣ и вечеръ былъ проведенъ въ оживленной прощальной бесѣдѣ. На утро наши путешѣсты разстались съ Хомяковыми и потянулись дальше. Путешествие совершилось медленно; друзьяѣхали съ полной свободой, останавливались тамъ, где хотѣлось, избирали

¹⁾ Гоголь жилъ тогда въ квартирѣ графа А. П. Толстого.

²⁾ Записки о жизни Гоголя. С.-Пб. 1856, т. 2, стр. 249.

живописное мѣсто и отдыхали или шли, любуясь весною, природой и видами. Гоголь бралъ у Максимовича уроки по ботаникѣ, срывалъ по дорогѣ цветы, вкладывалъ ихъ въ книжку и записывалъ русскія и латинскія названія. Пребываніе въ Калугѣ у А. О. Смирновой, въ Долбинѣ у И. В. Кириевскаго, въ Петрищевѣ у А. П. Елагиной и посѣщеніе Оптиной пустыни чрезвычайно пріятно разнообразили ихъ тихое путешествіе. Друзья разстались послѣ 12-дневной поѣзданіи, 25-го июня, въ Глуковѣ¹⁾; Максимович своротилъ въ Тураповку, къ ладѣ И. Ф. Тимковскому. Прощаясь съ Гоголемъ, онъ далъ ему объѣщаніе пріѣхать въ его деревню, Васильевку, въ августѣ. Въ условленное время онъ съ дружескою поспѣшностью отправился къ Гоголю, и 10-го августа неожиданно встрѣтился съ нимъ въ м. Сорочинцахъ, въ мѣстѣ его рожденія (19-го марта 1810 г.). Оттуда друзья вдвоемъ поѣхали въ Васильевку. „Мы перѣѣхали“, говорить Максимовичъ, „черезъ Писель и Фили въ Васильевку ночью, при свѣтѣ полнаго мѣсяца. Наслажденіемъ для меня было промчаться вмѣстѣ съ Гоголемъ по степямъ, легкѣвшимъ его съ детства. И никогда я не видѣлъ его такимъ одушевленнымъ, какъ въ эту украинскую ночь“²⁾.

Въ Киевѣ въ это время образовалась комиссія для описанія губерній Киевскаго учебного округа; комиссія немедленно пригласила Максимовича въ свои дѣйствительные члены (17-го октября 1851 года); но это избрание постигло его въ самую трудную пору его жизни, когда обстоятельства одно за другимъ мѣшиали его литературнымъ занятіямъ. Въ ту же осень онъ думалъ было возвратиться въ Москву зимовать, но его задержала болѣзнь и потомъ смерть престарѣлого отца, и онъ остался на своей Михайловской горѣ на долгое. Въ январѣ 1852 года вышла замужъ сестра его, жившая съ нимъ вмѣстѣ, его дорогая и цѣнно любимая племянница, и онъ почувствовалъ себя совершенно ослабленнымъ. Вдругъ, въ это же время, неожиданно онъ получаетъ страшное извѣстіе, что Гоголь скончался. Дружеское чувство одной изъ нашихъ писательницъ нашло въ себѣ силу уведомить Максимовича о безвременной кончинѣ его друга; съ нѣжимъ тактомъ, свойственнымъ развитой женщинѣ, она сердечно передала послѣднія минуты Гоголя и особенно распестранилась о торжественныхъ и умилительныхъ похоронахъ его. Максимовичъ былъ потрясенъ до глубины души и этой внезапной горемъ вѣсты, и этимъ нѣжнымъ участіемъ. И

¹⁾ Записки о жизни Гоголя, т. 2, стр. 231—238.

²⁾ Москвит. 1854. № 1 и 2. Смѣсь, стр. 6—7.

много разъ потомъ Максимовичъ перечитывалъ письмо, нѣрѣльно обливаясь тихими слезами. Съ грустью вспоминалъ онъ теперь недавнюю свою послѣдию встрѣчу съ Гоголемъ на его родинѣ, и ту украинскую ночь, и ту одушевленную поѣзду, и увлекательную радость своего милаго спутника, и его пѣсни, которая распѣвалъ онъ не умолкая, весь сіающій яснымъ привѣтомъ. Невольно Максимовичъ и его поминалъ поэтическими словомъ народной пѣсни:

„Степъ широкій, всюды видно, милаго не бачу“.

Одиночество въ пустынной усадьбѣ стало ему сверхъ силь; тяжко чтобы сколько-нибудь себя разсѣять, онъ побѣхъ къ престарѣлому дадѣ, Ильѣ Федоровичу Тимковскому, въ Турановку. Тамъ онъ пробылъ довольно долго, пугаясь мысли возвратиться въ опустѣвшую Михайлову гору. Дядя настойчиво совѣтовалъ ему успокоить себя на грядущую старость женитьбою. По возвращеніи домой, онъ съ тяжкой скучою свыкался съ одиночествомъ; литературные работы не ладились и на умъ не шли. Годы 1851—1853 были совершенными застильшемъ въ литературной дѣятельности его. Въ 1853 году 30-го апрѣля онъ наконецъ женился на своей землячкѣ, дочери сосѣдняго помѣщика Товбычева.

Съ 1854 года снова начинается почти непрерывный рядъ статей Максимовича до настоящаго дня. Кромѣ самостоятельныхъ работъ, онъ исполнялъ еще порученія другихъ литераторовъ; такъ, онъ сообщилъ В. П. Гаевскому нѣсколько свѣдѣній и материаловъ для его статей о Дельвигѣ¹⁾; сообщилъ С. П. Шевыреву материалы для своей біографіи, по поводу приготовлявшагося къ столѣтнему юбилею Московскаго университета біографическаго словаря профессоровъ его; наконецъ, по вызову И. И. Давыдова, тогда предсѣдателя II-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, сообщилъ свои замѣчанія касательно нового изданія грамматики Ломоносова, въ память истекавшаго столѣтія ея²⁾). Въ 1855 году, по поводу изданія г. Гербелемъ стихотворнаго перевода „Слова о полку Игоря“, Максимовичъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* двѣ большія статьи о близко знакомомъ ему предметѣ. Значеніе ихъ не ограничивается только оцѣнкою перевода г. Гербеля. Чтобы показать, въ какой мѣрѣ вѣрно воспроизведенъ подлинникъ въ переводѣ г. Гербеля, критикъ изъ самого „Слова“ старается опредѣлить тѣ черты, какими пѣвецъ Игорева похода изображаетъ

¹⁾ *Современ.* 1854. № 9, стр. 7, 22, 34, 37, 39, 41, 48 и 61.

²⁾ *Изв. II-го отд. Импер. Акад. Наукъ*, т. V, столб. 12.

разные предметы, и находишь, что у древнего писца действительно есть определенные, постоянно одинаковые краски для изображения каждого предмета. Далее, критик разматривает отношение „Слова“ къ лѣтописямъ, сравниваетъ сказанія писца съ сказаніями лѣтописца, и взаимнымъ согласиемъ ихъ опредѣляется историческую достовѣрность событія въ его подробностяхъ; а иногда открывается неѣрность нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій о походѣ Игоревомъ. По поводу этой статьи г. Максимовича, въ *Журналь Министерства Народного Просвещенія* замѣчено было, что она, по основательности и мѣткости своихъ замѣчаний, принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми долженъ ознакомиться всякой, желающей основательно вникнуть въ содержаніе и форму знаменитаго „Слова“¹⁾.

Въ январѣ 1856 года умеръ Надеждинъ. Утрата за утратой слѣдовали для Максимовича. Съ живымъ чувствомъ скорби о почившемъ другѣ и товарищѣ, Максимович помянулъ его прекрасною статью въ *Москвитянинѣ* того же года, гдѣ помѣстилъ нѣсколько занимательнѣйшихъ отрывковъ изъ писемъ къ нему Надеждина и сообщилъ нѣсколько биографическихъ воспоминаній изъ его Московской жизни.

Съ основаніемъ въ 1856 году *Русской Бесѣды*, настала особенно замѣтная дѣятельность Максимовича въ этомъ журналь. Рядъ статей его самого разнообразнаго содержанія тянятся четыре года. Въ этой плодовитой журнальной работѣ можно отмѣтить слѣдующіе главнѣйшия вопросы, коими онъ особенно занимался: 1) о самостоятельности малороссійскаго нарѣчія; 2) историческія судьбы южнаго края и личность Богдана Хмѣльницкаго, и 3) исторія русской литературы. Такимъ образомъ, филология, словесность, исторія идутъ у него рука обь руку и до настоящаго дня.

Прежде всего онъ принялъ участіе въ вопросѣ о старобытности малороссійскаго нарѣчія, по поводу письма г. Погодина къ г. Срезневскому, въ которомъ Погодинъ утверждалъ, что во все древнее, до-Батыевское время, Киевская земля была заселена Великороссиянами, и только послѣ Татаръ сюда переселяются Малороссы съ горъ Карпатскихъ. Этотъ выводъ былъ основанъ на мнѣніи г. Срезневского, что отличительныя черты малороссійскаго нарѣчія развились не ранѣе, какъ послѣ XIII вѣка, и что поэтому нѣть его въ древне-русской письменности до XIV вѣка. Максимовичъ опровергалъ это мнѣніе рядомъ выписокъ изъ лѣтописей, и выписками этими указывалъ на яркое сходство, на тѣсную близость

¹⁾ *Журналъ Мин. Народн. Просв.* 1855. Іюль, отд. VI, стр. 8—9.

тогдашнего языка къ нарѣчію малороссійскому. Но статья эта все-таки не убѣдила Погодина, и полемика между ними продолжалась.

Въ исторіи края, остановливаясь на важнейшихъ особенностиахъ, Максимовичъ первый старался разъяснить, изъ какихъ полковъ и соптъ состояла Малороссія, и началь было печатать по этому предмету обширное изслѣдованіе въ *Вѣстнике русского географического общества*, но, къ несчастію, цѣлая половина изслѣдованія пропала въ бумагахъ Неволина, умершаго за границей. Сюда же относятся статьи: *О „инимъ запустѣніи Україны“*, *„О казацкихъ гетманахъ“* и друг. По вопросу о Богданѣ Хмѣльницкомъ представленъ цѣлый рядъ объясненій на загадочныя обстоятельства въ жизни Богдана, и возстановлена точность нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ; при этомъ убѣдительно доказана та мысль, какъ должно бывать иногда свидѣтельство современниковъ, даже добросовѣстныхъ, и какъ осторожно нужно поверять ихъ зоркою критическою оглядкой всѣхъ историческихъ обстоятельствъ данной поры и всѣхъ тоговременныхъ сказаний.

Наконецъ, въ статьяхъ по истории русской литературы—о пѣвца Митусѣ, объ „Украинскихъ пѣсняхъ“, о романѣ г. Кулиша, о Языковѣ, о Гоголѣ и въ уже названныхъ нами о „Словѣ о Полку Игорѣ“ и Надеждинѣ, Максимовичъ является съ обычными ему качествами—существенностью содержанія и строгою вѣрностію, вслѣдствіе чего статьи его являются безспорнымъ достояніемъ науки.

Сверхъ этого ряда статей по каждому изъ указанныхъ вопросовъ, Максимовичъ касался и многихъ другихъ, кои взыывались временемъ или обусловливались его занятіями. Въ статьяхъ, даже не относящихся къ исторіи и часто самыхъ мелкихъ по объему, Максимовичъ уставлять передать немало историческихъ замѣтокъ. Такова, напримѣръ, небольшая статья его „Родина Гоголя“. Не менѣе замѣчательны и двѣ большія статьи его „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“. Здѣсь изложены обычай, примѣты и повѣрья Малороссовъ, связанные съ тѣмъ или другимъ днемъ въ году и объясненные историческими указаніями ихъ происхожденія. Живымъ, свѣтлымъ разговаромъ и мастерски выбранными отрывками изъ народныхъ пѣсень на-глядно очерчена вся весна.

Не бывъ уже восемь лѣтъ въ Киевѣ, Максимовичъ съ 1856 года снова сталъ посѣщать его каждое лѣто. Увлекалась все болѣе и болѣе изученiemъ Киевской старинны, онъ пріѣхалъ запастился новыми источниками, сдѣлать нѣсколько развѣдокъ, обмѣняться своими выводами. Кроме занятій кабинетныхъ, книжныхъ, онъ тогда же, съ

однимъ изъ своихъ Кіевенодольскихъ пріятелей, Н. Д. Иванищевымъ,ѣздить на Щекавицу, чтобы посмотреть вдвоемъ, гдѣ могла быть тамъ могила Вѣщаго Олега. О мѣстѣ, конечно, можно было гадать, но не определить положительно. Впрочемъ, въ Кіевѣ въ то время не возможно уже было найти и многихъ, недавно еще жившихъ тамъ людей. Среди измѣнившагося Кіевскаго общества Максимовичъ засталъ одного только неизмѣнныи — И. М. Скворцева. Въ это время въ университѣтѣ Скворцевъ одинъ оставался изъ свидѣтелей его первыхъ лѣтъ; понятно, какую усадбу находилъ себѣ Максимовичъ въ бесѣдѣ съ достойнѣйшимъ человѣкомъ, вспоминая взаимно лучшіе годы своей жизни, совмѣстной службы и многихъ своихъ сослуживцевъ.

Могила Вѣщаго Олега не была найдена Максимовичемъ, за то въ слѣдующемъ году другая могила другаго вѣщаго мужа ясно предстала его сердечному взору и возбудила въ немъ великую скорбь. 28-го мая 1857 года, въ Духовъ день, въ Братскомъ монастырѣ, въ давно знакомомъ ему ректорскомъ саду, пришлося ему прочесть телеграфическое извѣстіе изъ Одессы, что наканунѣ, въ Троицкынъ день, скончался преосвященный Иннокентій. Страшное извѣстіе потрясло и сущностю своею, и неожиданностю, и самою краткостю, своею... Легко понять, какъ томительно тяжело явилась эта вѣсть для Иннокентіева друга, какъ не хотѣлось вѣрить ей, да еще въ томъ саду, въ которомъ столько разъ Максимовичъ видѣлъ его живаго, радостнаго, любезнаго! Какъ грустно и горько было ему слышать заупокойное пѣніе объ Иннокентіѣ, въ той самой церкви, гдѣ нѣкогда много разъ звучало его вдохновенное слово!...

Ни о Горолѣ, ни объ Иннокентіѣ Максимовичъ не отозвался печатно ни единицмъ словомъ немедленно послѣ ихъ кончины. Онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые къ усопшимъ великимъ людямъ „льнутъ червемъ неотвѣзнымъ“ и на ихъ могилѣ рисуются предъ свѣтомъ свою дружбою къ нимъ. Да и писать воспоминанія о нихъ не подымалась рука того, у кого тяжко потрясено сердце... Но Максимовичъ не забывалъ о нихъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, печатно сослужилъ имъ великую службу: памяти Гоголя онъ одинъ изъ первыхъ послужилъ сообщенiemъ многихъ о немъ разказовъ, многихъ интереснѣйшихъ писемъ біографу его, г. Кулишу, а потомъ „Обороню“ повѣстей Гоголя отъ того же г. Кулиша; памяти Иннокентія посвящены „Письма о Кіевѣ“, переполненные воспоминаніями о немъ.

Только за любимымъ трудомъ, коимъ онъ тогда занимался, за переводомъ любезнай ему „Пѣсни о Подку Игоревѣ“ на украинское на-

рѣчіе, Максимовичъ находилъ утѣшеміе въ грусти. Какъ подсолнечникъ вѣчно обращается къ солнцу, такъ Максимовичъ не уставалъ обращаться къ близкой его сердцу лѣсни обѣ Игоревомъ походѣ. Въ примѣчаніяхъ къ переводу Максимовича помѣщено нѣсколько важныхъ и общепримѣрныхъ объясненій, удачно рѣшающихъ спорныя мѣста и недоумѣнія. Но Максимовичъ все болѣе и болѣе продолжалъ свои драгоценныя наслѣдованія (говорить Шевыревъ); знакомство съ южно-русскимъ языкомъ и природою придавало его открытіямъ особенную жизнь и силу. Въ 1859 году онъ издалъ, во второй разъ, стихотворный переводъ „Слова“ на украинское нарѣчіе, и приложивъ къ нему подлинникъ, снабдилъ его нѣкоторыми примѣчаніями. Многія изъ нихъ должны быть принаты въ науку, особенно же объясненіе самаго темнаго мѣста въ „Словѣ“: „и рови нося имъ хоботы пашутъ“, и другаго о рѣкѣ Стугѣ: *струмы „ростре“* или *„простре“*, какъ читаетъ это мѣсто Максимовичъ¹⁾). Позднѣйшій переводчикъ „Слова“, г. Гербель, обезпѣчивъ всѣ предшествовавши ему переводы, говоритъ: „Изъ стихотворныхъ переложеній „Слова“ лучшія принадлежать гг. де-ла-Рю, Мю, и тѣ особенности Максимовичу, чей малороссійскій переводъ „Слова“ поражаетъ читателя, какъ замѣчательною близостью къ подлиннику, такъ и поэтическою простотою языка и звучностью стиха“²⁾).

Въ концѣ 1857 года Максимовичъ былъ вызванъ въ Москву для завѣдыванія редакціей *Русской Бесѣды*. Собираясь на долгое посѣлиться въ Москвѣ, онъ отправился туда съ женою. Но труды его по редакції *Русской Бесѣды* и *Сельскаго Благоустройства* продолжались „всего полгода“.

Весною того же года Максимовичъ принялъ живѣйшее и самое полное участіе въ возобновленіи заглохшаго съ тридцатыхъ годовъ общества любителей Россійской словесности. Переговоривъ съ членами его, бывшими въ Москвѣ, онъ составилъ записку къ попечителю Московскаго округа съ просьбой оказать содѣйствіе въ предстоящемъ возобновленіи собраній и занятій общества. Мысль о возобновленіи Общества возникла еще въ 1856 г., и разрѣшеніе высшаго начальства послѣдовало тогда же; но разныя обстоятельства отложили

¹⁾ Исторія русской словесности Шевырева, ч. 2-я, изд. 2. М. 1860, стр. 296, 299 и 351. См. еще *Лѣтописи русской литературы*. 1859, кн. 1, стр. 7, прим. Ө. И. Буслаева.

²⁾ «Отголоски», стихотворенія Н. Гербеля. С.-Пб. 1858, ч. 2, стр. 17. Слѣдуя мнѣнію Максимовича, Гербель и разбилъ подлинникъ „Слова“ на стихи, подобные стариннымъ малороссійскимъ. Си. тамъ же, стр. 37.

дѣйствительное открытие общества до 1858 г.¹⁾). На первое засѣданіе, 27-го мая, собралось только шесть членовъ: Масловъ, Погодинъ, Кубаревъ, Хомяковъ, Максимовичъ и Вельтманъ. Члены избрали предсѣдателемъ общества—А. С. Хомякова, а секретаремъ М. А. Максимовича. Во второмъ засѣданіи, 10-го ноября, состоявшемъ изъ 9 членовъ, избрано было 17 новыхъ членовъ, и общество пошло полнымъ ходомъ. Въ первые четыре мѣсяца 1859 года по 6-го мая было уже 13 засѣданій общества, въ томъ числѣ два публичныхъ. Въ первомъ публичномъ засѣданіи Максимовичъ читалъ статью свою: „Воспоминаніе о пребываніи въ Москвѣ Мицкевича“ (доселѣ не напечатано). Выѣстѣ съ М. Н. Лонгиновымъ Максимовичъ привезъ въ порядокъ книги и бумаги общества, хранившіяся недвижно съ 1837 года; кромѣ того, посыпалъ всякое засѣданіе, заботился объ усиленіи средствъ общества и о его непрерывномъ движеніи. И члены общества совершенно справедливо говорили и писали Максимовичу: „Вы воздвигли изъ гроба новаго Лазаря“. Секретарство его продолжалось до 6-го мая 1859 года.

Лѣтомъ 1858 г. Максимовичъ возвратился на родину, а осенью снова поѣхалъ въ Москву, гдѣ принялъ на себя редакцію сочиненій И. В. Кирѣевскаго. Въ то же время онъ подготовлялъ къ изданію сборникъ изъ своихъ сочиненій, подъ заглавиемъ *Украинецъ*, который и вышелъ въ свѣтъ въ началѣ 1859 года. По своей задачѣ *Украинецъ* былъ сродни *Кievлянину*. Въ немъ помѣщены были, впервыхъ, историческая статьи, коихъ главнымъ предметомъ была Украина (о Полтавѣ, о Золотонишѣ и письма о Богданѣ Хмѣльницкомъ къ Погодину), вовторыхъ, литературные статьи на украинскомъ нарѣчіи (псалмы и „Пѣснь о полку Игоря“ въ переводѣ Максимовича).

Въ это же время Максимовичъ собралъ и издалъ стихотворенія Н. Тепловой † 1848), которой онъ же поддерживалъ первые опыты и заботливо содѣйствовалъ развитію ея дарованія. Книжка однако была встрѣчена въ публикѣ равнодушно²⁾.

Издавъ *Украинца* весною 1859 года, Максимовичъ окончательно возвратился на родину, избѣгая суэты столичной, и здѣсь, на свободѣ, занимался и занимается лишь тѣмъ литературнымъ дѣломъ, къ коему влекло и влечетъ его сердце.

Москвики по прежнему не забывали своего недавняго гостя и часто адресовались на Михайлову гору, домогаясь трудовъ ея владѣльца.

¹⁾ *Русский Вѣстникъ* 1858 г. № 12, іюнь, кн. 2-я, стр. 610, ст. *М. Н. Лонгинова*.

²⁾ *Русский Вѣстникъ* 1861, № 2, *Современная Лѣтопись*, стр. 917—918.

Онъ былъ постояннымъ владчикомъ въ изданія М. П. Погодина и И. С. Аксакова. Въ *Днѣ* за 1861 годъ онъ прежде всего помѣстилъ свою сильную „Оборону украинскихъ повѣстей Гоголя“ противъ нападокъ г. Кулина въ его статьяхъ о Гоголѣ и не совсѣмъ умѣстныхъ укорительныхъ примѣчаній его въ его же изданіи сочиненій Гоголя. Шагъ за шагомъ Максимовичъ разбираестъ мнѣнія г. Кулиша, высказанныя „со свойственною ему чрезмѣрностію“, и опровергаетъ ихъ не только личнымъ и отличнымъ знаніемъ народной жизни Полтавскихъ Малороссіанъ, но и неопровержимымъ словомъ народныхъ пѣсенъ.

Конецъ 1860 и начало 1861 года были очень тяжелы для Максимовича утратами лучшихъ людей, близкихъ его сердцу: въ четыре мѣсяца одинъ за другимъ умерли Хомяковъ, К. Аксаковъ, В. Ганка, и наконецъ, Шевченко. Мѣсяца за два до кончины поэта, возникъ южно-русскій вѣстникъ *Основа*. Максимовичъ не обособлялъ этого изданія отъ прочихъ, посыпалъ туда такія статьи, которыя могъ бы послать въ любой журналъ, и статьи свои писалъ на русскомъ языкѣ. Онъ былъ убѣждѣнъ, что малороссійский языкъ, оставаясь языкомъ простонародья, можетъ быть языкомъ поэзіи и для современнаго Малоросса, но не можетъ быть ни языкомъ общежитія образованного общества, ни языкомъ ученымъ. Въ *Основѣ* помѣщены его одиннадцать писемъ къ Н. И. Костомарову о Богданѣ Хмѣльницкому; въ нихъ онъ выразилъ свои несогласія съ извѣстнымъ историкомъ, развивалъ свои мнѣнія и объяснялъ темныя мѣста въ судьбѣ украинскаго края. Костомаровъ внимательно встрѣтилъ какъ эти, такъ и прежнія письма; въ недавнее время онъ имѣлъ случай сказать: „Я не иначе какъ съ благодарностью отнесся къ замѣчаніямъ М. А. Максимовича, написаннымъ послѣ втораго изданія моего Богдана Хмѣльницкаго, и воспользовался нѣкоторыми изъ нихъ при третьемъ изданіи, исключая тѣ, съ которыми не согласиться я имѣлъ основательныя причины“¹).

Въ 1863 году Максимовичу пришлось снова принять участіе въ вопросѣ о малороссійскомъ нарѣчіи по поводу „Отвѣта“ г. Лавровскаго на его филологическія письма къ Погодину. Признавая за малороссійскимъ нарѣчіемъ право на самостоятельное мѣсто среди другихъ славянскихъ нарѣчій, г. Лавровскій стоялъ на томъ, что въ

¹) *Бесѣда*, 1871, № 1, критика. По поводу личности Богдана Хмѣльницкаго, скажемъ здѣсь вѣстати, что прекрасный, во весь ростъ, портретъ его пришлось Максимовичу еще застать въ 1834 году, въ Печерской Лаврѣ, на сѣверной стѣнѣ великой церкви, подъ мощами митрополита Михаила. Но въ томъ же году портретъ этотъ былъ замазанъ.

древней письменности русской не выражались характеристическими свойствами наречия малорусского (в этом г. Лавровский следовал за мнением г. Срезневского). На вызовы г. Лавровского указать ему въ древнихъ русскихъ памятникахъ до XIV вѣка хотѣли одну изъ рѣзкихъ отличительныхъ особенностей малороссийского наречия, Максимовичъ насчитываетъ и указываетъ ихъ одиннадцать, и притомъ пять такихъ, которыхъ самъ г. Лавровский признаетъ рѣзкими чертами малороссийского наречия въ позднѣйшей южно-русской письменности. Мнѣніе Максимовича имѣеть за себя авторитетъ Шафарика, который въ своемъ „Славянскомъ народописаніи“ говоритъ о некоторыхъ памятникахъ русской письменности XI вѣка, что въ нихъ „быстрый и опытный глазъ находитъ слѣды многихъ формъ малороссийскихъ“.

Къ полемическимъ статьямъ Максимовича примыкаютъ и его исторические „Письма о казакахъ“, начатыя по поводу изслѣдований В. В. Антоновича о происхожденіи казачества, помѣщенныхъ въ предисловіи къ 3-й части „Архива юго-западной Россіи“. Въ своихъ „Письмахъ“ Максимовичъ доказывалъ (и г. Антоновичъ соглашался съ нимъ), что некоторые изъ князей Гедиминова дома были предводителями казацкими не на правахъ князя, а на ряду съ лицами всякаго сословія и въ перемежку съ ними, и притомъ это было во второй половинѣ XVI в., а не въ первой; что Гедиминово-княжеский элементъ не имѣеть никакого значенія въ происхожденіи приднѣпровскаго казачества; второе и явилось въ исторіи безъ него, и развилось не подъ его влияниемъ; что товарищество запорожское, съ своимъ общиннымъ устройствомъ и съ своими атаманами, существовало еще до Дашковича; что Дашковичу тогдашнее казачество обязано своимъ усиленіемъ и распространениемъ на приднѣпровской Украинѣ; что первое гетманство у казаковъ (Предслава Ланцкоронскаго) относится къ 1516 году; что начало общинное, находясь подъ господствомъ элемента княжескаго, не образовало изъ себя казачества и при набѣгахъ татарскихъ. Кроме этихъ общихъ взглядовъ, въ „Письмахъ“ предложено несколько поправокъ къ биографическимъ извѣстіямъ объ историческихъ лицахъ XVI вѣка—Вишневецкомъ, Ружинскомъ. Здѣсь же высказаны основанія, что извѣстная „Исторія Руссовъ“ вовсе не принадлежитъ Георгию Конисскому, а какому-то неизвѣстному автору.

Въ послѣдніе восемь лѣтъ литературная дѣятельность Максимовича сосредоточилась по преимуществу въ Кіевскихъ Епархиальныхъ Вѣdomостяхъ. Удобство сношеній съ Кіевомъ, ежегодное пребываніе въ немъ, личная пріязнь къ редактору ихъ, протоіерею П. Г. Лебе-

дипцеву, усердно работавшему надъ Кіевскою стариною въ своемъ изданіи, были причиной, что съ 1864 года Максимовичъ сталъ помѣщать свои статьи въ этомъ скромномъ органѣ. Здѣсь, отчасти въ *Киевлянинѣ* и въ *Русскомъ*, Максимовичъ по прежнему разработывалъ исторію Южной Руси, предлагая изслѣдованія то о землѣ Кіевской, ея святыняхъ, древностяхъ и дѣятеляхъ, то о Волыни и ея замѣтнѣйшихъ лицахъ, то объ исторіи южно-руссскаго просвѣщенія и библіографії. Нѣкоторыя изъ статей своихъ онъ собралъ въ новой книжкѣ *Украинца* за 1864 годъ.

Пріѣзжая по обычаю на лѣто въ Кіевъ, онъ запасается матеріалами, выписками для своихъ историческихъ занятій о Кіевѣ и его краѣ; о тѣмъ же любить онъ бесѣдоватъ съ лицами, коимъ дороги мѣстные историческіе вопросы. Правда, кругъ его старыхъ знакомыхъ рѣдѣеть, но взамѣнъ ихъ окружаютъ его новые дѣятели на историческомъ полѣ. Охотно дѣлаться съ ними запасами своей многолѣтней опыта, встрѣчая съ любовью ихъ начинанія, Максимовичъ однако откровенно говорить и пишеть противъ ихъ случайныхъ "обмоловокъ", одностороннихъ увѣдѣній, продолжая въ то же время и собственныя разысканія о древности Кієва въ разныхъ отношеніяхъ. Рядъ статей его подобного содержанія, помѣщенный въ *Киевскихъ Епархиальныхъ Вѣdomостяхъ*, усилилъ истинно-научный и важный мѣстный интересъ этого маленькаго изданія. Всегда съ живымъ любопытствомъ встрѣчая всякое изслѣдованіе о Кіевѣ, Максимовичъ особенно остановился въ послѣднее время на сочиненіи г. Закревского „Описаніе Кіева“ (Москва, 1868, 2 тома, in 4⁰). Книга г. Закревского, изданная Московскими археологическими обществомъ, послужила Максимовичу по-водомъ для нѣсколькихъ статей. Самая обширность книги (950 стр.) была уже достаточнаю причиной, что Максимовичъ возвращался къ дей нѣсколько разъ; до главное—въ ней много неточностей, которыя потребовали отчетливаго исправленія. Неточности ея легко объясняются тѣмъ, что авторъ ея, будучи Кіевскимъ уроженцемъ, уже нѣсколько лѣтъ сряду жилъ далеко отъ Кіева, сначала въ Ревель, по-томъ въ Москву. Въ книгѣ своей г. Закревский часто ссылается на Максимовича, даже на авторитетъ, и въ то же время обрушивается на него всю силу своего авторитета. Но Максимовичъ въ своемъ разборѣ заботится только о томъ, чтобы оградить историческую вѣрность. И строгая справедливость требуетъ сказать, что все замѣтнія Максимовича неотразимы, потому что существенно вѣры, основанны на неподкупныхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Другая перта

его замѣчаній состоятъ въ томъ, что они представляютъ собою образецъ сжатости, благороднаго тона и свѣтлой ироніи. Такою же фактическою правдою исполнено его заступничество за митрополита Евгения, также противъ г. Закревскаго, и статьи „О Киевскомъ Синопсисѣ“ и о Фундуклеевскомъ изданіи „Обозрѣнія Киева“: вездѣ заочныхы соображенія и заключенія, торопливо выводимы г. Закревскимъ, опровергнуты окончательно.

Въ 1868 году Максимович началъ печатать письма къ нему преосвященнаго Иннокентія, сопровождая ихъ своими воспоминаніями и объясненіями. Изданыя въ 1869 году отдельно, они были потомъ дополнены и изданы вторично уже въ настоящемъ году. Мы обращаемъ живѣйшее вниманіе читателей на эту книжку: она доставить имъ много хорошихъ минутъ своимъ разнообразiemъ содержанія и теплотою воспоминаній; порою западетъ въ душу скорбное раздумье, порою мелькнетъ и свѣтлая улыбка, такъ что не разъ пожалѣешь, что книжка не велика. Въ ней, кроме писемъ Иннокентія, встрѣчаются еще письма Жуковскаго, Хомякова, Надеждина, протоіерея Скворцова.

Изъ событий позднѣйшихъ лѣтъ въ жизни Максимовича намъ особенно отрадно упомянуть о томъ вниманіи, которое не перестали оказывать ему наши учебныя и ученыя учрежденія. Это вниманіе показываетъ, между прочимъ, какою известностію иуваженіемъ пользуется Максимовичъ среди истинно ученыхъ людей, и сколько многостороннихъ свѣдѣній признаютъ въ немъ разнообразные специалисты. 27-го мая 1858 года, комитетъ акклиматизаціи животныхъ, состоящій при Московскомъ обществѣ сельского хозяйства, и 3-го ноября того же года комитетъ акклиматизаціи растеній, а 23-го февраля 1865 года Московское археологическое общество избрали его своимъ действительнымъ членомъ. 24-го сентября 1869 года Полтавскій губернскій статистическій комитетъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ. Въ то же время совѣтъ Киевской духовной академіи, по случаю празднованія 50-лѣтняго юбилея академіи, въ общемъ собраніи своемъ, 1-го октября 1869 года, желая выразить свое сочувствіе къ ученымъ трудамъ его по отечественной исторіи и ревностному служенію дѣлу православія и русской народности, включилъ его въ число почетныхъ членовъ Киевской духовной академіи. Того же года 10-го ноября, совѣтъ Императорскаго университета св. Владимира, желая почитить въ лицѣ его первого ректора сего университета и ученаго, много и плодотворно потрудившагося на каѳедрѣ и въ литературѣ, избралъ его въ почетные члены университета св. Владимира. Наконецъ, 17-го

ноября 1870 года, Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящее при Московском университете, избрало его своим непременным членомъ. Въ жизни Максимовича это уже пятнадцатое избраніе его въ члены ученыхъ обществъ.

Такимъ образомъ, послѣ своей вторичной отставки, въ 1845 году, Максимович уже болѣе 25 лѣтъ служить литературѣ и Киеву и оказалъ имъ много несомнѣнныхъ заслугъ. Не далѣе какъ въ 1870 году онъ пишетъ Погодину: „Въ продолженіи девяти мѣсяцевъ я не написалъ и десяти страницъ для печати: ты вполнѣ поймешь, какъ это мнѣ тяжело и прискорбно“¹⁾. И теперь еще всякая книга, всякая историческая работа о Киевѣ будить его энергию, и онъ неутомимо продолжаетъ трудиться на любезныхъ ему поприщахъ южно-русской исторіи и библиографіи. Какъ ни много уже сдѣлано имъ для исторіи Южной Руси, но польза ученыхъ трудовъ его въ этомъ отношеніи еще далеко не исчерпана: онъ владѣеть еще огромными запасами материаловъ объ этомъ краѣ, частію въ запискахъ, частію въ памяті. О немъ можно сказать то же, что сказалъ онъ о книгѣ Закревскаго: „Это запасной магазинъ вскихъ извѣстій, свѣдѣній, мнѣній и соображеній, древнихъ и новыхъ, о богохранимомъ градѣ“²⁾. При такомъ обилии драгоценного исторического богатства, все послѣднее время онъ занятъ одною мыслью — завершить свои изслѣдованія о Киевѣ цѣлою книгой, возможно полную и удовлетворительную. Знатоки этого дѣла увѣрены, что никто лучше Максимовича не исполнить этой задачи. Духъ и умъ его все еще бодры и крѣпки; бодрость мысли у него независима отъ немощи тѣлесной; умственный трудъ заставляетъ его забывать самые недуги.

Мы говорили доселѣ о немъ какъ о писателѣ, но еще ни слова не сказали о немъ какъ о человѣкѣ. А здѣсь можно бы многое сказать о его внимательности къ молодежи, его помощи ей и совѣтомъ и руководствомъ, и словомъ и дѣломъ; можно бы сказать о его ровности въ отношеніяхъ, его привѣтливой внимательности, его теплотѣ сердца; можно бы привести примѣры, какъ онъ никогда не рисовался, не принималъ на себя мнимой важности, но былъ всегда самъ собою.... Но это ужъ сторона характера частнѣйшая, не для публики, это, такъ-сказать, собственность его друзей и лицъ, кои имѣютъ счастіе знать его, бесѣдовать съ нимъ, слушать его. На изображеніе этой сто-

¹⁾ Письма о Киевѣ, стр. 103—104.

²⁾ Тамъ же, стр. 3.

роны мы не посягнемъ, равно какъ ничего не скажемъ о его частной жизни; знаемъ только, что жизнь его не богата радостями и не бѣдна скорбами, изъ которыхъ всего горче — воспоминанія о тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ любилъ, но которые его забыли.

„Гдѣ же труды Максимовича?“ спросить иной читатель, не видящеихъ собранія его сочиненій и не встрѣчающій ихъ въ современныхъ столичныхъ изданіяхъ. Труды его большую частію разсыпаны въ нашихъ журналахъ. „Но ихъ не видно!“ Дѣйствительно, не видно, и вотъ почему. Впервыхъ, на пространствѣ 50 лѣтъ, сочиненія Максимовича въ самомъ дѣлѣ словно растерялись, а между тѣмъ журнальная дѣятельность его была очень широка: статьи его помѣщались болѣе чѣмъ въ тридцати periodическихъ изданіяхъ; не говоримъ уже о трехъ изданіяхъ, предпринятыхъ собственно имъ самимъ. Во вторыхъ, наши журналы такъ быстро возникаютъ, а еще быстрѣе исчезаютъ, что трудно услѣдить за ними самому ретивому читателю, да и немногие изъ нихъ имѣютъ обширный кругъ читателей. Втретыхъ, Максимовичъ вовсе не былъ ни беллетристомъ, ни публицистомъ, не касался жгучихъ вопросовъ, летучей современности; скромный слуга науки, онъ слѣдилъ только за крупными явленіями въ литературѣ и о нихъ подавалъ свое краткое, скромное слово. Вслѣдствіе всего этого, современное поколѣніе миновало многіе труды Максимовича, не замѣтивъ ихъ, не только не оцѣнивъ.

Дѣйствительно, Максимовичъ не издалъ ни одного многотомнаго труда. Количество и объемъ произведеній не на его сторонѣ. Но качество, внутреннее достоинство неоспоримо является свойствомъ какаго его произведенія. Мы видѣли, что ученые специалисты и журнальная критика почти единогласно свидѣтельствовали, что всякий трудъ Максимовича былъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для литературы и очень часто первымъ по времени вкладомъ въ науку, плодовитымъ началомъ, пролагавшимъ путь другимъ трудамъ въ томъ же родѣ; всякая, даже самая малая статья его вносила несомнѣнно полезную долю въ область знанія, то сообщая новые, строго провѣренные выводы, то исправляя самымъ точнымъ образомъ у遗漏енія и промахи другихъ дѣятелей; и всѣ вмѣстѣ его многочисленныя статьи составляютъ весьма значительное достояніе по нѣсколькимъ наукамъ. По истории же Малороссіи, по вѣдѣнію судебъ Киева, по знанію украинскаго нарѣчія, мы не знаемъ, кто могъ бы превзойти его или даже сравниться съ нимъ; здѣсь онъ многоопытный уставщикъ, къ голосу котораго внимательно прислушиваются даже специалисты.

Въ литературной деятельности Максимовича есть двѣ особенности, которая необходимо требуютъ изъ котораго объясненія: первая — та, что онъ нерѣдко ограничивался только началами, первыми томами, коимъ не было продолженія; а другая — та, что каждое изъ его произведеній не велико по объему.

Много было причинъ, вслѣдствіе коихъ развились эти особенности; мы назовемъ важнѣйшія. Внимательный къ литературному дѣлу, высоко ставя точность и полезность во всякомъ произведеніи, передаваемомъ публикѣ, Максимовичъ всегда старался о томъ, чтобы сочиненія его стояли въ уровень съ современными требованиями науки; но издавать начало серіознаго труда, онъ не всегда пользовался условіями — вести его подобающимъ образомъ; а издавать какъ-нибудь, лишь бы издать, хотя сырьемъ материаломъ, не позволяла ему литературная совѣтливость. Стремленіе составить возможно совершенное и современное сочиненіе, было первою principioю, препятствовавшою ему доводить большия труды свои до желаемаго конца. Быстрые успѣхи въ наукѣ кого изъ истинныхъ ученыхъ не заставляли совершенно передѣлывать цѣлые части начатаго труда! Подобная перерѣдѣлка заботила постоянно и Максимовича; самое изложеніе, всегда у него литературное, легкое, давалось ему не легко; онъ не жадѣлъ труда на задуманное дѣло, но у него не доставало времени для достойнаго продолженія и окончанія широко задуманнаго дѣла; всѣ досуги его, особенно въ Киевской жизни, изглощались служебными занятіями: недостатокъ времени — вторая причина указанной особенности. Но вотъ онъ вышелъ изъ отставки, онъ свободно располагаетъ временемъ... Но въ отставку онъ унесъ разстроенное здоровье, подорванное смолоду усиленными трудами и уже никогда вполнѣ не восстановившееся. Здоровье его пошатнулось еще на 30-мъ году жизни; а вѣрѣ, вслѣдствіе продолжительныхъ занятій надъ микроскопомъ, ослабѣло еще раньше: нужно же добавлять, какъ это мѣшало сосредоточиться на болѣйшей работе, предаться продолжительному, усидчивому занятію? Между тѣмъ отдохнуть долго, укрѣпиться окончательно Максимовичъ никакъ не успѣвалъ: его то и дѣло тянуло къ литературнымъ занятіямъ, изысканіямъ, повѣркѣ. Знаемъ, по возможности, съ новостями въ литературномъ мірѣ, онъ не могъ молчаливо встрѣтить ложные факты, невѣрную постановку вопроса, натянутые выводы, не могъ угрѣшать, чтобы не взяться за перо и не восстановить правды: отсюда новое увлеченіе къ литературной дѣятельности, отсюда новое возвращеніе болѣзни. Далѣе: выйдя въ отставку, онъ искалъ въ

пустынной своей усадьбъ, удаленной отъ большихъ дорогъ. Здѣсь, среди литературныхъ занятій, онъ то и дѣло встрѣчался то съ недостаткомъ нужнѣкъ пособій, то съ обиліемъ нуждъ житейскихъ. Удаленіе отъ центровъ книжной дѣятельности связывало руки въ ученой работѣ, а житейскія заботы и нужды вырывали саму работу изъ рукъ. Чѣмъ было начато въ Москвѣ и Киевѣ, то не могло развиваться подъ селомъ Прохоровко. Наконецъ, впечатлительность характера, разносторонность да-ровитой природы не разъ отвлекали его отъ начатаго дѣла къ новымъ вопросамъ; увѣренность, что и тамъ онъ можетъ сказать дѣльное слово, увлекала его на долго; время незамѣтно убѣгало цѣлыми мѣсяцами, годами, а начатый трудъ отходилъ вглубь, все дальше и дальше на задній планъ... Между тѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе росло недовольство начатымъ дѣломъ; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе крѣпло желаніе идти въ уровень съ потребностями неустанно развивающейся науки; а силы слабѣли, а тамъ являлись на томъ же полѣ другіе дѣятели, и Максимовичъ уступалъ поле, оставлялъ трудъ, съ грустью, съ болѣю... Но въ то же время онъ вѣрилъ, что новые дѣятели, полные силъ, подвинутъ да-леко впередъ начатое имъ, и что они вспомнятъ его, вступивъ на проторенную имъ дорогу.

Другая особенность въ литературной дѣятельности его — небольшой объемъ почти каждого изъ его произведеній; но эта особенность положительно можетъ быть поставлена ему только въ прямую заслугу. Еще въ 1837 году онъ говорилъ: „И для учености бываетъ разный талантъ: для иной — свѣтлый лучъ мысли изъ тьмы свѣдѣній, для другой — громада свѣдѣній, подъ которою умъ заходить за разумъ“¹⁾). Нечего говорить, какой талантъ онъ старался въ себѣ развивать. Прави-ломъ всей его литературной дѣятельности было — являться въ публику съ трудомъ сжатымъ, но яснымъ, съ результатами готовыми и точными, а не заставлять читателей присутствовать, таекъ-сказать, при черновой выработкѣ труда. О немъ можно сказать то же, что никогда было сказано о его другѣ-товарищѣ Надеждинѣ: „Нѣть сомнѣнія, что если бы онъ, вмѣсто того, чтобы раздробляться на сотни мелкихъ произведеній, сосредоточился въ одномъ большомъ трудѣ, литература и наука приобрѣли бы великое твореніе, чего и требовали отъ него строгие чль-нитети и суды“. Но справедливы ли ихъ требования? Развѣ спра-ведливо упрекать богача, построившаго на общую пользу сотни не для всякаго замѣтныхъ домовъ, зачѣмъ онъ не соорудилъ громадныхъ

¹⁾ Оттуду идетъ Русская земля. Киевъ, 1837.

палать, поражающихъ даже грубое зрѣніе? Развѣ большой капиталъ непремѣнно долженъ быть употребленъ лишь на большой оборотъ, отказывая въ скромныхъ требованіяхъ современному обществу и лишая его нужныхъ пособій¹⁾). Максимовичъ и въ маломъ трудѣ успѣвалъ сказать все нужное. Когда явились его „Начатки русской филологии“, одинъ изъ нашихъ ученыхъ сказалъ: „Изъ содержанія этой книги иной бы сдѣлалъ три тома“. Слова чрезвычайно характеристическая, которая можно примѣнить ко многимъ работамъ Максимовича. При всей сжатости своихъ сочиненій, онъ заботился о томъ, какъ бы оживить ихъ: очень часто приводилъ интересныя выписки, прилагалъ снимки, любопытные рисунки, и такимъ образомъ, дѣйствуя на мысль и на глазъ читателя, незамѣтно обогащалъ его свѣдѣніями, которая легко и надолго укладывались въ память.

Конечно, есть недостатки и ошибки въ сочиненіяхъ Максимовича, но онъ никогда не стойть въ нихъ, онъ не ждетъ, чтобы ихъ ему указали, а чаще самъ исправляетъ ихъ открыто. Мало того: почтенный авторъ, по скромности своей, видѣтъ столько несовершенствъ въ своихъ трудахъ, что и доселѣ не рѣшается приступить къ полному изданію своихъ сочиненій. Въ прежнемъ видѣ онъ не позволяетъ себѣ оставить ихъ, а исправить нѣть у него силъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть о томъ, что разныя досадныя обстоятельства помѣшили ему окончить нужную передѣлку даже до настоящаго времени; и вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не пожелать, чтобы поскорѣе были изданы вторично хотя важнѣйшіе его труды.

---

¹⁾ Русск. Вѣсти. 1856, № 5.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ СПИСОКЪ СОЧИНЕНИЙ М. А. МАКСЕМОВИЧА (ВЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѦ) ¹⁾.

I. ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ.

1. Ботаника.

а) СТАТЬИ ПЕРЕВОДНЫЕ И ОРИГИНАЛЬНЫЕ.

1. Къ чему служат листья на растеніяхъ, переводъ изъ *Мирбеля. Новый Магазинъ Естественной истории, Физики, Химии и сельской экономическихъ*, 1821 г., ч. IV, стр. 247—251.
2. О системѣ растительного царства. *Нов. Магазинъ*, 1823 г., ч. II, № 1, май, стр. 3—22.
3. Нѣчто о естественной системѣ растительного царства апалитической (по поводу книги *Касселя*). *Новый Магазинъ*, 1825 г., ч. III, № 1, юль, стр. 3—26.
4. Списокъ растеній Московской флоры, Москва, 1826 г., въ 8-ю д. л. 24 стр. Рецензія въ *Моск. Телеграфъ*, 1826 г., ч. X. стр. 245—246.
5. О системахъ растительного царства, разсужденіе на степень магистра физико-математическихъ наукъ. М. 1827 г., въ 12 д. л. VI ненумер. и 79 стр.
6. Шесть замѣчаній о русскихъ растеніяхъ изъ семейства артишоковыхъ. *Нов. Магазинъ*, 1827 г., ч. II, № 3, стр. 219 — 222.
7. Четыре области растительного царства. *Нов. Магазинъ*. 1827 г., Смѣсь, стр. 135 — 141.

¹⁾ Желая, чтобы этимъ спискомъ могли пользоваться съ наибольшимъ удобствомъ, мы распологаемъ его систематически по тремъ главнымъ наукамъ, коими занимался Максимовичъ,—естествознанію, словесности и исторіи; каждый отдѣльный подраздѣляетъ на частнѣйшіе виды. На важнѣйшия сочиненія указываемъ рецензіи, подготавленные библиографическими трудами Ламбинаыхъ, Межова и собственными записями. Считаемъ нужнымъ прибавить, что *Сына Отечества* и *Телескопа* мы не имѣли подъ руками за все годы, тамъ что въ спискѣ нашемъ могутъ оказаться некоторые пропуски.

II

8. Обозрѣніе поростовъ, мховъ, папоротниковъ; сравненіе грибовъ и поростовъ. *Нов. Магазинъ*, 1827 г., ч. I, № 3, стр. 155—177; ч. III, № 4, стр. 250—287; 1828 г., ч. I, № 2, стр. 135; ч. II, № 1, стр. 3—16.
9. Замѣчаніе о вѣнчикиѣ. *Нов. Магазинъ*, 1828 г.
10. Уродливые плоды на черемухѣ.
11. Сѣмена мужской и женской конопли.
12. Два различия льна.
13. Списокъ многолѣтнихъ оранжерейныхъ и тепличныхъ растеній ботаническаго сада при Московскому университѣтѣ, М. 1828 г., 12 д. л. 27. стр.
14. Основаніе ботаники, часть 1-я. Органология растеній, съ 2 гравированными таблицами 12 д. л. IV неизданнымъ. XVI и 142 стр. М. 1828 г. Рецензія въ *Москв. Вѣстнике* 1829 г., ч. VI, стр. 108—117, статья К. Л. (Козельмы Лебедева). Извѣщеніе въ *Москв. Телегр.* 1828 г., ч. XXIV, стр. 200.
15. Систематика растеній. 2 часть Основной ботаники, XI и 60 стр. М. 1831 г. Рецензія въ *Телескопѣ*, 1831 г., ч. VI, № 22, ноябрь. стр. 275—277.
16. Обозрѣніе органологии растеній, изданное для слушателей, М. 1833 г., 12 д. л. 24 стр.
17. Историческое изложеніе системы растительного царства. Учен. Записки Московск. Университета, 1833 г., книга 1, июль. стр. 23—50.
18. Явноцвѣтныя и тайноцвѣтныя растенія. Журн. Минист. Народн. Просв. 1834 г., ч. I, двѣ статьи стр. 139. (Это отрывки изъ составленного, но неизданного Обозрѣнія растительного царства по естественной системѣ).
19. О значеніи системы растеній и системы животныхъ, письмо къ Шведскому ботанику Фрису. *Телескопъ*, 1834 г., № 1, стр. 1—11.
20. Проектъ устава общества садоводства, 1834 г., (не знаемъ изданъ ли).

б) Критическія статьи по ботаникѣ.

21. Ботаника для юношества, перев. съ франц. г. *Бастальская. Москвск. Телеграфъ*, 1826 г., ч. VII, стр. 270.
22. Словарь родовыхъ имёнъ растеній, составл. И. Мартыновымъ. *Москвск. Телеграфъ*. 1826 г., № 10, стр. 158—163.
23. Каталогъ дикихъ растеній въ Дмитровскомъ уѣздѣ Курской губерніи.
24. Цвѣтоводство подробное, или флора. *Москв. Телеграфъ* 1826 г., ч. VIII, стр. 159—162.
25. Разсужденіе о семействѣ престовидныхъ растеній. *Декандоля*, перев. съ французск. П. Троицкаго. *Москв. Телегр.* 1826 г., № 20, стр. 275—283.
26. Notice sur les vegetaux du gouvern. de Moscou etc. соч. Фишера *Москв. Телеграфъ*. 1826 г., № 24, стр. 263—265.
27. Физиология растеній, перев. съ латинскаго. С. Колядина. *Москв. Телегр.* 1827 г., № 1, стр. 74—80.
28. Замѣчанія на статью, помѣщенную въ № 5. Указателя открытій 1826 г. (Новѣйшее распределеніе семействъ растеній по классамъ). *Москв. Телегр.* 1827 г., № 7, стр. 278—283.
29. Комнатный садовникъ, перев. съ франц. *Москв. Телегр.* 1827 г., ч. XVIII, стр. 148—152.
30. Описаніе Линнеевой системы, Шварца. *Москв. Телегр.* 1828 г., № 3, стр. 399—405.

III

31. Основанія теоретической ботаники, *Переминина. Москов. Телегр.* 1828 г., № 15, стр. 420—432.
32. Хозяйственная ботаника, *Щеглова. Московск. Телегр.* 1828 г., № 17, стр. 102—107.
33. Московская флора, *Дениубская. Моск. Телегр.* 1828 г., № 24, стр. 468—475.
34. De Fructus plantarum phanerogamarum natura. *Dissertatio inauguralis quam pro gradu Doctoris Philosophiae conscripsit I. Schychowsky.* 1832. De plantarum phanerogamarum germinatione. *Dissertatio maug. quam ad gradum Doctoris Philos. conscripsit Petrus Cornutus Trozky.* 1832 г., Ученые Записки *Москов. университета.* 1833 г., ч. II, октябрь. стр. 167 — 170.
35. О двухъ приворотныхъ земляхъ, упоминаемыхъ въ лѣтописахъ: 1) Лѣпокъ (у Нестора), 2) Евтанъ (въ Волынской лѣтописи). *Москов. Мед. Газета.* 1859 г., № 16.
36. О старописменной книгѣ: Благопрохладный Вертуградъ здравія, *Москов. Медиц. Газета,* 1860 г., № 20. Это — краткая история старинного рукописнаго лѣчебника (принадлежавшаго Ф. И. Иноземцеву), переведенного съ нѣмецкаго по повелѣнію митр. Даниила въ 1534 году.

2. Зоология.

37. Главныя основанія зоологии или науки о животныхъ. М. 1824 г., книга 1, 12-ю, XII, 13—72 стр. Рецензія въ *Сынъ Отеч.* 1824 г., ч. 95, № 31, стр. 227—230, подпись подъ рецензіей: XIX. Шхп. XVII. т. е. Кн. Ви. Од. Цифры означаютъ числовой порядокъ буквъ въ азбукѣ; подобный приемъ въ подписяхъ употреблялся часто въ старой журналистики нашей; такъ, подпись: 200. 1. означала С. А (т. е. Серг. Аксаковъ) по числовому значению буквъ въ славянской азбукѣ.
38. Афоризмы, или основныя положенія зоологии. *Нов. Магазинъ.* 1824 г., ч. II, № 1, стр. 3 — 28, ч. III, № 1, стр. 12—20. Всего 138 афоризмовъ.
39. О новой человѣкообразной обезьянѣ. *Нов. Магазинъ.* 1828 г., ч. I, № 4, стр. 255—262, съ рисункомъ въ концѣ книги.
40. Сокращенная система животнаго царства, М. 1831 г., (не окончена и не выпущена въ свѣтъ; сохранилась только въ корректурѣ).

в) Критические статьи.

41. Краткое начертаніе естественной исторіи животныхъ, *A. Довецкало. Москов. Телегр.* 1826 г., № 14, стр. 122—127.
42. О второмъ изданіи той же книги. *Телескопъ,* 1832, ч. XII, стр. 385—398. Здѣсь же разобрана зоологическая система Фишера.
43. Опытъ естественной исторіи всѣхъ животныхъ Россійской имперіи. *Дениубская. Моск. Телегр.* 1829 г. № 20, стр. 513—517.

3. Физика.

44. О постоянномъ стремленіи воздуха сохранять свои виды и возстановлять равновѣсие свое, безпрерывно нарушающее многоразличными дѣйствіями на земномъ шарѣ. *Нов. Магазинъ.* 1828 г. ч. №
45. Физика, изданная проф. *И. Дениубскимъ,* изд. 3-я. *Москов. Телегр.* 1826 г.,

IV

VII ч., стр. 268. Здесь представлен обзоръ сочинений за 1825 годъ по физикѣ, химіи, астрономіи, ботаникѣ, зоологіи, антропологіи.

46. Руководство къ физикѣ, Щелкова, Москв. Телегр. 1820 г., ч. XXXII, № 7, стр. 339—354.
47. Физика М. Г. Павлова. Спб. Чела, 1833 г.
48. Руководство къ опытной физикѣ, Д. М. Переображенова. Молва, 1833 г., № 107, стр. 426.

4. Химія.

49. Земледѣльческая химія, Павлова. Моск. Телегр. 1825, № 21, стр. 90—98, № 24, стр. 372—381.
50. Химія, Іовскаго. Моск. Телегр. 1827 г., № 9, стр. 35—44; № 13, стр. 34—52.
51. О важности химическихъ изслѣдований въ кругу наукъ и искусствъ, соч. Іовскаго. Москв. Телегр. 1827 г., ч. XVI, стр. 278.
52. Новый Магазинъ естествен. исторіи, физики, химіи и сельской экономической пр. Моск. Вестникъ. 1829 г., ч. VI, стр. 75—84, подпись: М.

5. Земледѣліе.

53. Главныя основанія земледѣлія, Д. Шелехова. Москв. Телегр. 1826 г., № 8, стр. 298—316. Это лучшая изъ критическихъ статей Максимовича, помѣщенная въ Моск. Телеграфѣ, доставленная ему лестіе одобрение Павлова, Одоевскаго, Даудова и другихъ.
54. Существенные правила плодоперемѣнного сельского хозяйства, Д. Шелехова, Москв. Телегр. 1828 г., № 6, стр. 216—221.

6. Медицина.

55. Патологическая Анатомія, соч. Егами, перев. И. Бостомарова. Моск. Телегр. 1828 г., № 17, стр. 66—70.
56. Врачебные Записки, Маркуса, Моск. Телегр. 1827 г., № 24, стр. 286—290.
57. О сочиненіяхъ Лодера и Рейса о колерѣ, Телескопъ. 1831 г.
(Рецензія на книгу: Quelques r  flexions sur le cholera-morbus, par le Dr. Jaenichen. М. 1831, помѣщ. въ Телескопѣ 1831 г., № 10, май, стр. 243, хотя и подписана обычной подписью Максимовича: W. W., вовсе не принадлежитъ ему):

7. Естествознаніе въ популярномъ изложеніи.

58. Отрывки изъ путешественныхъ записокъ о Московской губерніи въ отношеніи преимущественно къ естественнымъ ея произведеніямъ. Новый Магазинъ, 1825 г., ч. I, № 3, стр. 147—157; № 4, стр. 209—222, ч. II, № 1, стр. 3—16, № 2, стр. 77—92. (Неоконченка).
59. О раздѣленіи естествознанія на вѣти или особы науки. Нов. Магазинъ, 1827 г., ч. I, № 1, стр. 3—22, съ таблицей.
60. Жизнь растенія, Нов. Магазинъ, 1827 г., № 6, стр. 161—170.
61. О превращеніяхъ насекомыхъ, Москв. Вестникъ. 1827 г., ч. III, науки, стр. 48—58.
62. О цветкѣ, Литер. Газета. 1830 г., т. I, № 1, стр. 3—4.

63. О разнообразіи и единствѣ вещества въ природѣ, *Литер. Газета*, 1830, т. 2, № 39, стр. 21.

64. О жизни растеній, *Съв. Цензора* на 1832 годъ, стр. 133—149.

65. О степеняхъ жизни и смерти. (Письмо къ Ю. Н. Бартеневу), *Телескопъ* 1833 г., ч. XIII стр. 448.

66. О границахъ и переходахъ царствъ природы. *Была. для Чтенія*, 1834 г. ч. I, стр. 112—119; ч. II, стр. 176—183.
Статьи 60—66 съ прибавлениемъ, вышли особой книжкой, подъ заглавіемъ:

67. Размыщенія о природѣ. М. 1833 г. въ 16 д. л. 123 стр., письмо М. И. С.—К.—ной. Рецензія въ *Молва* 1833 г., № 110, стр. 437—440.

— Тоже, второе изданіе, исправленное и дополненное, Кіевъ, 1847 г. 16 д. л. 158 стр.

68. Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ, М. 1833 г. Съ той поры до 1868 года вышло одинадцать изданій ея: въ 1834, 1845, 1847, 1851, 1853 1859, 1865, 1867 и 1868. Рецензіі: 1) *Молва*, 1833 г., № 59, стр. 233; 2) *Литер. Приб. къ Русскому Инвалиду*, 1833 г., № 61; 3) *Съв. Пчела*; 1833 г., № 136, 4) *Москов. Телегр.* 1833 г., № 12, стр. 628; 5) *Отеч. Зап.* 1847 г., т. 54, № 9, стр. 49 и 1851 г. т. 72, № 9, стр. 33; 6) *Финск. Вѣстн.* 1847 г., т. XX, отд. 5, стр. 56; 7) *Учителъ* 1862 г. № 15, стр. 786. Въ новѣйшихъ каталогахъ ее иногда неправильно означаютъ: Наука о великомъ Божіемъ мірѣ, изд. 10, Кіевъ 1867 г.

69. Микроскопъ. Разныя замѣтки и наблюденія (О Персидскомъ клещѣ; Егтаге humanum; о длиннорыломъ медвѣдѣ; номенклатурная страсть; Rosamogeten bitolius; что есть соль; семейства растеній россійской флоры; яйцо въ яйцѣ; минеральное царство; еще замѣчанія о русской ботанической номенклатурѣ; козель съ молокомъ. — *Телескопъ*, 1834 г., ч. XIII стр. 443; ч. XIV, стр. 392—398; ч. XV, стр. 127.

8. Біографіи и некрологи естествоиспытателей.

70. Гольдбахъ, адъюнкть Московского университета, *Сынъ Отеч.* 1824. г.

71. Жизнь Московского профессора ботаники Гофмана *Новый Магазинъ*. 1826 г., апрѣль, стр. 1—20; эта статья послужила главнымъ матеріаломъ для статьи о Гофманѣ въ Біограф. Словарѣ профессоровъ Московского университета, М. 1855 г., ч. I, стр. 254—262.

72. И. А. Криницкій, проф. Зоологии и Минералогіи въ Харьковскомъ университѣтѣ. *Учен. Записки Моск. университета*, 1833 г., ч. 1, сентябрь, стр. 710—712.

73. Баронъ Фридрихъ маршалъ Биберштейнъ, *Москов. Телегр.* 1826 г., ч. X. стр. 349—351.

II. СЛОВЕСНОСТЬ.

1. Памятники народной поэзіи.

74. Малороссійскія пѣсни. Москва. 1827 г., въ 16 д. л. XXXVI. 234 и 9 стр. 1 томъ въ 4 книгахъ, съ предисловіемъ, словаремъ и объяснитель-

ными примѣчаніями, съ прибавленіемъ пѣсень, полученныхъ оть Н. Лобойки, и баллады П. П. Артемовскаго-Гулака „Твардовскій“. Всѣхъ пѣсень въ сборникѣ 223. Первоначально было напечатано пять пѣсень въ *Москов. Вѣстнике*, 1827 г., ч. II, № 8, стр. 315—319; къ нимъ примѣчанія, тамъ же, стр. 419, еще двѣ пѣсни въ томъ же журналь ч. III, стр. 316—317. Предисловіе было также напечатано въ *Вѣстн. Европы*, 1827 г., ч. 154, № 15, стр. 184—200. Книга посвящена тогдашнему попечителю Московскаго университета, А. А. Писареву. Рецензія: 1) *Сынъ Отечества*, 1827 г., т. 115, стр. 403—405, статья П. Б—го; 2) *Слѣв. Пчела* 1827 г., № 123; 3) *Москов. Вѣстникъ*, 1827 г., ч VI, № 23, стр. 310—317, ст. С. П. Шевырева; 4) Учен. Записки Москов. университета 1834 г. октябрь стр. 144.

75. Украинскія народныя пѣсни, часть 1, въ 3-хъ книгахъ. М. 1834 г., XII, 180 и 4 стр, въ 8 д. л. Здѣсь помѣщены: I Украинскія думы; II Пѣсни казацкія былевыя; III Пѣсни казацкія бытовыя. Всѣхъ пѣсень въ сборникѣ 113. При сборникѣ приложены замѣчанія о правописаніи и словопроизношеніи малороссійскомъ. Рецензія: 1) *Слѣв. Пчела*, 1834 г., № 69 и 179; 2) *Телескопъ* 1834 г., т. 22, № 33—35, стр. 430—444, 506—526 и 555 — 578, статьи Ю. Венелина. (Статьи Венелина вышли потомъ отдельно брошюрою, подъ заглавиемъ: Объ источникахъ народной поэзіи вообще и о южнорусской въ особенности, набросано Ю. Венелинъ. М. 1834 г., 8 д. л. 1—60 стр.); 3) *Literatura, Krytyka, Pisma*. M. Gr. (Грабовскаго). Вильно 1837 г., ч. II, стр. 37—92; 4) Сочиненія и письма Гоцмана, изд. 1857 г., т. V, стр. 203, 206 — 207. См. еще *Основу* 1862 г., іюль въ статьѣ М. Гашчука, стр. 11—13.

76. Голоса украинскихъ пѣсень, М. 1834 г. 1-я тетрадь. Въ 8 д. л. 25 пѣсень, 16 стр. текста и 28 стр. нотъ; аранжирован. для пѣнія и фортепіано А. А. Алабьева.

77. Сборникъ украинскихъ пѣсень. Кіевъ, 1849 г., (цензирована еще въ 1845 г.) часть 1 8° 2 и 114 стр. Въ 1 отдѣлѣніи Сборника помѣщено 20 думъ, изъ которыхъ 16 прежде уже были известны печатно; во 2 отд. помѣщены пѣсни колыбельная и материнскія, тоже 20. Рецензія: 1) *Москвит.* 1849 г. № 7, ви. 2: стр. 82; 2) *Отеч. Записки*. 1850 г., № 4, стр. 127. Кроме того по поводу сборника явилась статья Ф. И. Буслаева: Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи. *Москвит.* 1850 г., № 18. стр. 19—47. Въ статьѣ указаны слѣды эпическихъ формъ малороссійской поэзіи въ литературѣ русской и вообще славянской отъ IX до XI вѣка и въ частности — въ русской литературѣ XII вѣка, при чмъ Слово о Полку Игоревѣ получаетъ неопровергнуто достовѣрность и мнѣго объясненій.

2. Филология.

78. О значеніи и происхожденії слова. Вступительная лекція въ университѣтѣ св. Владимира. *Журналъ Минист. Народн. Просвещенія*. 1835 г., ч. V № 1, стр. 14. Перепечатана въ брошюрѣ: „Русская рѣчь“ см. ниже. Переведена на польскій и напечатана въ газетѣ: *Tygodnik Petersburski* czesć XII, № 65, rok 1835, 28 sierpnia, p. 379—380.

VII

79. Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языке, *Журнал Министрства Народнаго Просвещенія*, 1838 г., № 3, и отд. въ 8 д. л. 33 стр.

80. Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою, книга 1-я, Киевъ, 1845 г. Здѣсь собственно двѣ статьи: „О значеніи и происхожденіи слова и о системѣ славянскихъ нарѣчій. 8 д. л. 48 стр. Рецензія: 1) *Современникъ*, 1845 г. т. XL, № 11, стр. 176—180; 2) *Отеч. Записки*, 1845 г. т. 43, отд. 6, стр. 17.

81. Объ имени человѣкъ, *Московскій Сборникъ*, 1846 г., стр. 326—337.

82. Начатки русской филологии, книга 1-я объ отношеніи русской рѣчи къ западно-славянской. Киевъ, 1847 г., 8 д. л. 211 стр. Вторая часть приготовлена и процензурзована, но не издана по недовольству автора своимъ трудомъ.

83. Краткій букварь для русскаго народа. М. 1859 г. Было четыре изданія. Киевъ, 1865, 1868 и 1869 г., 16 д. л. 32 стр.

84. Мнѣніе о малороссійскомъ языке и правописаніи онаго, *Русский Зритель*. 1829 г., ч. VI, № 21—22 (вышли въ 1830 году), стр. 72—78.

85. О правописаніи малороссійскаго языка. *Біевлянинъ*, книга 2, 1841 г. Письмо къ Г. Ф. Основьяненко, стр. 153.

86. Филологическія письма къ М. П. Погодину, *Русская Бесѣда*, 1856 г., № 3 отд. 2, стр. 78—139. Отвѣтъ Погодина—тамъ же, № 4, отд. 3, стр. 124—141 перепечатанъ въ *Москвитянинѣ*, 1856 г. №№ 13—16. Переписка эта началась по поводу статьи М. П. Погодина: О древнемъ русскомъ языке (*Ізвѣстія 2 Отд. Императорской Академіи Наукъ*, т. V, вып. 2, стр. 70—92. Письмо къ И. И. Срезневскому, тоже въ *Москвитянинѣ*. 1856 г., № 2, стр. 113—139, въ которой отрицалось существованіе въ Кіевѣ малороссійскаго нарѣчія до татарскаго периода.

87. Отвѣтныя письма Погодину, *Русская Бесѣда*, 1857 г., кн. 2, стр. 80—104. Отвѣтъ Погодина, тамъ же, книга 3, стр. 97—107, перепеч. въ *Москвитянинѣ*, 1856 г., №№ 13—16, стр. 339—350. Смотри еще отвѣтъ на филологическія письма *Максимовича*, П. А. Лавровской, *Основа*, 1861 г., № 8, стр. 14—40 и его же по вопросу о южно-русскомъ языке, *Основа* 1861, № 11 и 12, стр. 72—83. Сличи еще статью *Соколовенка* въ 23 № Дня 1862 г. Къ филологическому спору тѣсно примыкаетъ статья Максимовича: О мнимомъ запустѣніи Украины (*P. Бѣс.* 1857, кн. IV), см. ее здѣсь же въ III отдѣлѣ.

88. О старобытности малороссійскаго нарѣчія. Новыя письма къ М. П. Погодину. День 1863, №№ 8, 10, 15 и 16, четыре письма. Есть и отдѣльные отиски. М. 1863 въ 16 д. л. 70 стр.

89. Споръ о малороссійскихъ именахъ (это собственно историческая статья), *Слѣд. Вѣдомости* 1860, № 103, письмо къ Н. И. Костомарову.

90. О книгѣ Е. Новикова. „О Лужицкихъ нарѣчіяхъ“. *Москвит.* 1850, № 1, кн. 1, стр. 19—28.

3. Исторія русской словесности.

91. О словѣ о полку Игоря, переводъ А. Ф. Вельтмана. *Молва* 1833, №№ 23 и 24, стр. 89—96.

VIII

92. Пѣснь о Полку Игоря. Критический разборъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1836, ч. X, № № 4 и 6, стр. 1 и 439 и 1837 годъ, ч. XIII, № 1, стр. 29; три статьи. Были оттиски, въ 8 д. л. 84 стр. Смотри сказанія русскаго народа, *И. Сахарова*, т. 1, кн. 1, стр. 60—62.
93. Пѣснь о Полку Игоревѣ, съ переводомъ, для слушателей университетскихъ. Кіевъ 1837 г. Рецензія въ *Бібл. для Чтенія* 1837, т. XXIV, № 46, отд. 6, стр. 35; см. еще Сказанія рус. народа, *И. Сахарова*, т. I. кн. 1, стр. 54—55.
94. Два письма къ М. П. Погодину о народной исторической поэзіи въ древней Руси, *Москвит.* 1845, № 3, стр. 1—10; № 7 и 8, стр. 47—57. Отвѣтъ Погодина, тамъ же, № 3.
95. Замѣчанія на пѣсни о Полку Игоревѣ въ стихотворномъ переводѣ Гербеля, *Москвит.* 1855, №№ 1 и 2, двѣ статьи, стр. 157—172 и 105—134. Рецензія въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1855. ч. 87, отд. 6, стр. 8; въ *Бібл. для Чтенія* 1855, т. 130, отд. 5.
96. Темное мѣсто въ пѣсни о Полку Игоревѣ, *Москвит.* 1855, т. II, № 6, стр. 175—178. Отрывокъ изъ отчета объ исправлениіи текста пѣсни о Полку Игоревѣ. Рецензія въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* ч. 87, отд. 6, стр. 211. По поводу статьи Максимовича смотри отмѣтки на нѣкоторыя мѣста Слова о Полку Игоревѣ, статья Д. Дубенской *Отеч. Зап.* 1855, т. 101, № 7, критика, стр. 1—12.
97. Пѣснь о Полку Игоря, переведенная на украинское нарѣчіе. Кіевъ. 1857. VIII и 47. Тоже изданіе исправленное, съ текстомъ и примѣчаніями—въ *Украинцѣ* 1859 г. стр. 43—112. Рецензіи: 1) *Бібл. для Чтенія* 1857 г., т. 24, отд. 6, стр. 35—37; 2) *Кіев. Губ. Вѣдом.* 1857, № 26; 3) *Русскій Инвалидъ*, 1857 г. № 161, Як. Турунова; 4) Спб. Вѣдомости 1857 г. № 204, сент. 22.
98. Слово о Полку Игоревѣ, переведенное на нынѣшній русскій языкъ, съ примѣчаніями. Сборникъ статей для народа. чтенія, изд. при редакціи газеты *Другъ Народа и Кіевскаю Народнаю Календаря*, К. 1868 г., вып. 2, стр. 145—169. Есть отд. оттиски, въ 8 д. л. 1—25 стр.
99. О книгѣ Малороссійская деревня, соч. И. Г. Булжинской, *Моск. Телегр.* 1827 г., ч. XIII, стр. 230—236.
100. О поэмѣ Пушкина „Полтава“, *Атеней* 1829 г., ч. II, стр. 501—515.
101. Обозрѣніе русской словесности за 1830 годъ, *Денница* на 1831 г. См. *Моск. Телегр.* 1831 г. ч. XXXVII, стр. 537 и слѣд.
102. Отвѣтъ Полевому (по поводу рецензіи на „Обозрѣніе рус. слов.“). *Молва*. 1831 г. №
103. Письмо о философии, Е. И. Исуповой. *Телескопъ* 1833 г., ч. XV, № 12, стр. 433; съ запиской къ издателю *Телескопа*.
104. Исторія древней русской словесности. Кіевъ 1839 г., кн. 1. Въ 8 д. л. 226 стр. Рецензіи: 1) *Галатея* 1839 г., ч. VI, № 46, стр. 113—124, ст. II. *Перевалскаго*; 2) *Сынъ Отеч.* 1839 г., т. XII стр. 62—64; 3) *Литер. Газета* 1840 г., № 19; 4) *Отеч. Зап.* 1840 г. № 4, критика, стр. 37—72; (ст. М. Н. Каткова) 5) *Соврем.* 1840 г., т. XIX, стр. 137.
105. Отзывъ на критику Исторіи древ. рус. слов. помѣщенную въ *Отеч. Запискахъ*, *Сљв. Пчела* 1840 г. № 125, стр. 498.

IX

106. О червоно-русскихъ стихотвореніяхъ, *Киевлян.* 1841 г., кн. 2, стр. 119.
107. О двухъ стихотвореніяхъ „Плачъ малой Россіи“ и „Милость Божія“, *Киевск. Епарх. Вѣдом.* 1865, № 22, стр. 837.
108. Объясненіе нѣкоторыхъ украинскихъ пѣсень, *Русск. Бесѣда* 1857 г. Книга 1, стр. 49—64. Украинскія письма къ П. А. Кулишу. Здѣсь же объѣ изданий А. Л. Метлинскаго „Народныя южно-русскія пѣсни“, Кіевъ 1854 г.
109. Замѣтка о словутномъ пѣвцѣ Митусѣ (упоминаемомъ въ Волынской Лѣтописи подъ 1241 годомъ) *Основа* 1861, № 6, стр. 19—20.
110. Воспоминаніе о Н. И. Надеждинѣ, *Москвит.* 1856 г., т. I, № 3, іюнь, кн. 1, стр. 225—234.
111. Разборъ стихотвореній Языкова, *Парус* 1859 г., № 1.
112. Родина Гоголя, *Москвит.* 1854 г., № 1 и 2, Смѣсь, стр. 6—7.
113. Оборона украинскихъ повѣстей Гоголя, *День* 1861 г. № № 3, 5, 7, 9, 1862 г. № 13. По поводу Обороны *День* 1861 г. № 7, ст. *П. Кулиша* и *Время* 1862 г. № 1, Критика.
114. Нѣсколько словъ въ память Н. М. Карамзина, въ столѣтнюю годовщину его рожденія, 1-го декабря 1866 года. Посьма о Кіевѣ, Спб. 1871 г стр. 151.

4. Библіографія южно-русская.

115. Книжная старина южно-русская. Четыре главы. *Временникъ* 1849 г. кн. 1, Смѣсь, стр. 1—12 и книга 4, ') Смѣсь, стр. 1—12. Здѣсь помѣщены извѣстія о началѣ книгопечатанія въ южной Россіи, на Волынѣ, въ Острогѣ, Дерманѣ, Рохмановѣ, Четвертиѣ, Лудкѣ, Кременецѣ, и Попчаевѣ. Въ 2-й статьѣ—о книгопечатаніи въ Червонной Руси въ Львовѣ и другихъ мѣстахъ Червонной Руси, и о библіотекѣ И. Я. Лукашевича ²⁾.
116. Книжная старина южно-русская (продолженіе). *Киевлянъ*, книга III, М. 1850 г. стр. 117—138, съ двумя снимками. Здѣсь предложены: 1) Начало книгопечитанія въ Кіевѣ, книги отъ 1616 до 1632 года, и 2) Латинопольскія сочиненія писателей малороссійскихъ, печатанныя въ Кіевѣ, Вильнѣ, Черниговѣ и Новгородѣ-Сѣверскѣ, 1633—1765 г.
117. О первомъ изданіи Дидаскалии Сильвестра Коссова, съ литографированнымъ заглавнымъ листомъ. *Временникъ*, 1850 г. кн. 7, Смѣсь, стр. 77—78. До открытія въ 1849 году Т. Ф. Большаковыми этого изданія Дидаскалии, вышедшаго въ Кутениѣ въ 1637 году было извѣстно только третье — 1653 года.
118. О проповѣдахъ на малороссійскомъ языке, протоієр. *В. Гричулевича*, *Москвит.* 1850 г. № 3, февраль, кн. 1. стр. 85—88.
119. О Кіевскомъ народномъ календарѣ на 1865 годъ, *Киевлян.* 1865 г. № 2.

¹⁾ А не 2-я и 3-я, какъ доселѣ указывалось въ нѣкоторыхъ библіографическихъ трудахъ.

²⁾ Въ с. Коноповкѣ, Пирятинскаго уѣзда. Въ извѣстіи о ней говорится о нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ памятникахъ, находящихся въ библіотекѣ.

X

Отвѣтъ издателя календаря — *А. Андріяшев*, Кіевл. 1865 г. съ замѣчаніями отъ редакціи.

120. Извѣстіе о книгѣ: „Благоутробіе Марка Аорелія“, соч. *М. Казачинскаго*, напечатанной въ Львовѣ 1745 г. Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1871 г. № 1, стр. 11—19, и отд. оттиски, 9 стр. in 8°.

121. Библіографическое объясненіе г. Гильмебранду, Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1871 г. № 15, стр. 357—363.

5. Изящная словесность.

122. Первоопублѣкъ, стихотвореніе, *Уранія*, 1826 г. альманахъ, изд. Погодинскимъ положено на музыку Алябьевымъ.

123. Къ Розали, стих. *Співорна Лира*, альманахъ *Райча* на 1827 годъ.

124. Три сказки и одна побасенка, *Деница* 1834 года, и отд. Кіевъ 1845 г. М. 1859 г. 16° 32 стр. и Кіевъ, 1867 и 1871 г. 44 стр. Четыре изданія. Рецензія въ *Отеч. Зап.* 1845 г., т. 43, отд. 6, стр. 29.

125. Три стихотворенія: „Къ звѣздѣ“, „Кіевланкѣ“, „Весеннее чувство“, *Одесский альманахъ* на 1840 годъ.

126. Псалмы, переложенные на украинское нарѣчіе, *Украинецъ* 1859 года стр. 1—41 и отд. книгою М. 1859 г. 8° 41 и II ненумер. стр.

127. Здѣсь же вспомнимъ уже указанный переводъ Пѣсни о Полку Игоря, отрывокъ изъ этого же перевода „Плачь Ярославны“ положенъ на музыку Н. В. Лисенко.

128. Пять псалмовъ, переложенныхъ на украинское нарѣчіе, въ привѣтъ *Галичанину* изъ Кіева. *Галичанинъ*, научово-белетристическая прилога до *Слова*. Львовъ. 1867 г., числа 10, 11 и 12. Цвѣти 6, 22.

129. Привѣтъ Шевченку, на обѣдъ 25-го марта 1858 года, *Основа* 1861, № 6, въ статьѣ „Значеніе Шевченка“, стр. 8—9 (на малор. языке).

130. На смерть Шевченки, *Основа*, 1861 г. іюнь, № 6, стр. 18 (на малор. языке).

131. На пѣхоронъ Т. Г. Шевченка підъ Каневомъ, *Основа* 1861, № 6, стр. 35—38, (на малор. языке).

132. Три пѣсни 1863 года (на малор. языке), *День* 1863 г. № 27 и *Украинецъ* 1864, стр. 35.

133. Пѣсня 1864 года, *Украинецъ* 1864, стр. 39.

134. Нѣсколько отдѣльныхъ небольшихъ стихотвореній разсѣяно въ другихъ его сочиненіяхъ, напримѣръ: въ „Письмахъ о Кіевѣ“, превосходное посвященіе *Погодину* и проч. стр. 2, 19 и 118¹).

III. ИСТОРИЯ.

Історія просвѣщенія.

135. Рѣчъ объ участіи Московскаго университета въ просвѣщеніи Россіи, говоренная въ университетскомъ собраніи 12-го января 1830 года, *Рус-*

¹) Въ *Звѣздочкѣ*, журналь А. О. Ишимовой, помѣщались иногда стихотворенія за подпись *М. Максимовичъ*; но это былъ совсѣмъ другой авторъ — *Михаилъ Николаевичъ Максимовичъ* родственникъ *М. А. Максимовича*.

XI

скій Зрителъ 1829 г. ч. VI, № 21 и 22, стр. 3—19 (вышелъ въ 1830 году) и отд. брошюрою М. 1830 г. № 19 стр. Рецензія въ *Литератур. Газетѣ* 1831 г. т. III, № 29, стр. 237.

136. Рѣчъ о русскомъ просвѣщеніи, говоренная въ университетскомъ собраниі 12-го января 1832 года. *Телескопъ*, 1832 г., ч. VII, № 2, стр. 169—190, и отд. М. 1832 г., въ 8-ю д. л.
137. Прощальное слово къ членамъ университета св. Владимира, 1835 года, Біографич. Словарь профессоровъ Московскаго университета, ч. II, М. 1855 г., стр. 11—13. Есть отиски.
138. Мысли о университѣтѣ св. Владимира (въ концѣ 1838 года), см. книгу „Письма о Киевѣ“. Спб. 1871 г., стр. 93—103.
139. Замѣтка для исторіи университета св. Владимира, письмо къ В. Я. Шульгину, Спб. Вѣдом. 1860 г., № 3 (По поводу „Исторіи университета св. Владимира“, соч. В. Я. Шульгина, напечатанной первоначально въ *Русскомъ Словѣ* 1859 г., № 10).
140. Записки о первыхъ временахъ Киевскаго Богоявленскаго братства, *Кiev. Епарх. Вѣдом.* 1865 г. № 21, стр. 783; № 23, стр. 878; № 24, стр. 930. Перенечатано въ *Трудахъ Киев. Духовн. Академіи* 1869 г., № 9, сентябрь, и отд. брошюрою К. 1869 г., въ 8-ю д. л. 40 стр.
141. Привѣтствіе Киевской Духовной Академіи въ день 50-ї юбилейной годовщины ея 1869 г. 29-го сент. Письма о Киевѣ. Спб. 1871 г., стр. 153.

2. Исторія Россіи и въ частности Киевской Руси.

142. Откуду идетъ русская земля, по сказанию Несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ русскимъ. Посвящено памяти Ломоносова. Киевъ 1837 г., въ 8-ю д. л. 147 стр. Рецензіи: 1) *Москвит.* 1841 г., ч. II, № 3, стр. 219—234, ст. М. П. Погодина; 2) *Съв. Пчела* 1837 г., № 176, статья г. О. 3) *Библіот. для Чтенія* 1837 г., т. XXIII, № 43, отд. 6, стр. 19.
143. Письмо къ издателю *Москвитянина*, по поводу рецензіи его на предидущую книгу. *Москвит.* 1841 г. т. III, № 5, стр. 198—211. Отвѣтъ Погодина, тамъ же, стр. 211.
144. Нѣчто о землѣ Киевской. *Украинецъ* 1864 г., стр. 1.
145. О названіи киевской Руси Россіею. *Кievsk. Епарх. Вѣдом.* 1868 г., № 1, стр. 5; перепеч. въ газетѣ *Москвичъ* 1868 г., № 25, января 26-го и въ *Кiev. Телеграфѣ* 1868 г., № 7. По поводу этой статьи см. *Голосъ* 1868 г., № 67, фельетонъ И. Богучарова.
146. О мнимомъ запустѣніи Украіны въ нашествіе Батыево, *Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. IV, стр. 22—35. Критическая замѣчанія, относящіяся къ исторіи Малороссіи. Письмо къ М. И. Погодину, по поводу филологического спора, см. здѣсь же отд. II, филология.

3. Исторія Киева.

a) Собственно городъ.

147. Рѣчъ объ участіи и значеніи Киева въ общей жизни Россіи, говоренна 2-го октября 1837 года, въ торжественномъ собраніи университета

XII

св. Владимира. *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1837 г., ч. XVI, стр. 1 и отд. Киевъ въ 4-ю д. л., 21 стр.; второе издание Б. въ 8-ю д. л. 31 стр.

148. Обозрѣніе Старого Киева, *Киевлянинъ* 1840 г., кн. I, стр. 5, съ планомъ древняго Киева.

149. Очеркъ Киева, въ „Обозрѣніи Киева“, изд. И. И. Фундукаля, К. 1847 г.

150. Топографическія замѣтки Кіевлянина. *Киевлянинъ*. 1841 г., кн. 2, стр. 102.

151. Родословныя записки Кіевлянина. *Киевлянинъ*. 1841 г., кн. 2, стр. 302. (Перечень дворянскихъ русскихъ фамилий на Волыни, принадлежавшихъ въ XVII в. къ православной церкви).

152. Объяснительные параграфы о Киевѣ, по поводу книжки г. Закревского „Описаніе Киева“. М. 1868. *Киев. Епарх. Вѣдом.* 1869 г. № 2, стр. 61; № 3, стр. 99; № 4, стр. 133. Отдѣльные оттиски въ 8-ю д. л., 44 стр.

153. Письма о Киевѣ къ М. П. Погодину, *Русскій* 1868 г., 1-е полугодіе, №№ 12, 13, 14, 15 и 17 и второе полугодіе №№ 6, 14, 20, 21 и 26. Продолженіе въ *Киев. Епарх. Вѣдомостяхъ* 1869 г. №№ 16 и 19. Отдѣльное изданіе. М. 1869 г., въ 16-ю д. л. 90 стр. Напечатано всего сорокъ экземпляровъ. То же, новое дополненіе изданіе. Спб. 1871 г., въ 16-ю д. л. 154 и II стр. съ видомъ Кіевскаго Богоявленскаго братства и университета св. Владимира. — Здѣсь же два письма къ Петру Гавриловичу Лебединцеву, Воспоминаніе о Таврицѣ, письмо къ князю П. А. Вяземскому, нѣсколько словъ въ память Н. М. Карамзина въ столѣтній юбилей его 1-го декабря 1866 г. и привѣтствіе Кіевской Духовной Академіи въ день 50-лѣтней годовщины 1869 года. — Рецензіи: 1) *Русская Старина* 1871 г., № 1; 2) *Вечерн. Газета* 1871 г., № 52 (изд. Биржев. Вѣдомостей 1871 г.); 3) *Ора* 1871 г., № 3; 4) *Киевлянинъ* 1871 г., № ; 5) *Киевск. Вѣстникъ* 1871 г., № 36; 6) *Вѣстн. Европы* 1871 г.

154. О кіевскомъ уроцищѣ Коньревѣ концѣ (по поводу статьи о немъ г. Закревского). *Киев. Епарх. Вѣдом.* 1871 г., № и отд. 13 стран.

б) ЛАВРА, ЦЕРКВИ, МОНАСТИРИ.

155. О надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ. *Киевлянинъ*. 1840 г., кн. I, стр. 131.

156. Св. врата Печерской Лавры. *Московит.* 1848 г., № 7, стр. 39—43.

157. Надгробная суэна (о могильныхъ камняхъ Искры и Кочубея и полковника Флорова. День 1864 г., № 10 стр. 19.

158. Надгробный стихи Кочубею и Искрѣ. *Киевск. Епарх. Вѣдом.* 1866 г., № 23, стр. 717.

159. О Лаврской латинской школѣ. *Чтения въ Общ. Истории и Древн.* 1847 г., кн. 6. Смѣсь стр. 77—80.

---

160. О построеніи и освященіи Георгіевской церкви. *Киевлянинъ*. кн. 3, 1850 г., стр. 66.

161. Письмо на новый 1866 годъ (о желаемомъ построеніи въ Киевѣ Влади-хернскаго храма). *Киев. Епарх. Вѣдом.* 1866 г., № 2, стр. 82.

162. О мѣстѣ Кіевской церкви св. Андрея. Археологическія записки. *Киев. Епарх. Вѣдом.* 1866 г., № 11, стр. 350.

XIII

163. О времени основания Киево - Софийского собора. Археологич. записки 1867 г., № 1; стр. 11.

164. О создании киевской церкви св. Кирилла. *Кiev. Епарх. Вѣдом.* 1869 г., № 1; стр. 21.

---

165. Записки о первыхъ временахъ Киевскаго Богоявленскаго братства *Кiev. Епарх. Вѣдом.* 1865 г., № 21, стр. 783; № 23, стр. 878; № 24, стр. 930. Отд. оттиски въ 8-ю д. л. 45 стр. Тоже перепечатано въ *Трудахъ Киевской Дух. Академіи* 1869 г. № 9, и отдельно. К. 1869 г., въ 8-ю д. л. 40 стр.

166. Выдубицкій монастырь. *Кievлян.* кн. 2, 1841 г., стр. 5.

167. Сказание о Межигорскомъ монастырѣ. *Украинецъ* 1864 г., стр. 23—34, а послѣ въ *Kiev. Епарх. Вѣдом.* 1865 г. № 6, стр. 221; № 7, стр. 263 и отд. оттиски въ 8-ю д. л. 42 стр.

168. Нѣчто о Межигорьѣ. *Kiev. Епарх. Вѣдом.* 1864 г., № 20, стр. 630.

169. Слухи о Межигорьѣ. *День* 1865 г., № 45—46.

170. О древнемъ монастырѣ Гнилецкомъ. *Кievлян.* кн. 2, 1841 г., стр. 27.

171. Воспоминаніе о стародавнемъ монастырѣ Каневскомъ. *Kievsk. Епарх. Вѣдом.* 1864 г., № 24, стр. 757.

в) Замѣчательнѣйшия лица города, и края.

172. Рѣчь надъ гробомъ генералъ-фельдмаршала князя Ф. В. фонъ-деръ-Остенъ-Сакена. Киевъ 1837 г., въ 4-ю д. л. 7 стр. Перепеч. въ *Журн. Мин. Народн. Просвещ.* 1838 г., ч. XIV, стр. 1 и во всѣхъ тогдашнихъ газетахъ.

173. Поминки о М. Ф. Берлинскомъ. *Временникъ* 1850 г., кн. 5, „Смѣсь“ стр. 39—40.

174. Сказанія о стародавнихъ людяхъ Киевской земли. Выходъ 1-й, Киевъ. 1865 г., въ 16-ю д. л. 28 стр. (Здѣсь очерчены вел. князь Святославъ Ярославичъ, отрокъ Янъ Усмошвецъ и Мліевскій староста Данило Кушниръ).

175. Епископъ Исаакій Борисковичъ. *Kievsk. Епарх. Вѣдом.* 1865 г., № 4, стр. 146.

176. Біографическое извѣстіе о преподобномъ архимандритѣ Макаріѣ Токаревскомъ. *Полтав. Епарх. Вѣдом.* 1865 г., № 19 и отд. брошюрой.

177. Воспоминаніе о Никифорѣ Турѣ, архимандритѣ Печерскомъ. *Kievskia Епарх. Вѣдом.* 1867 г., № 5, стр. 150.

178. Замѣтка къ акту избрания Петра Могилы въ митрополиты киевскіе. *Kiev. Епарх. Вѣдом.* 1867 г., № 8, стр. 243.

179. Письмо о м. Евгении къ прот. И. Г. Лебедиццеву. *Kiev. Епарх. Вѣдом.* 1868 г., № 5, стр. 198; перепеч. въ *Русскомъ* 1868 г., № 40, второе полугодие и въ книжѣ „Письма о Киевѣ“. М. 1869 г. и Сиб. 1871 г., стр. 119—127.

180. Сельскій некролог (Я. И. Осиновскій, товарищ по Академіи преосв. Иннокентія Борисова) 1868 г., листъ 9 и 10.
(О самомъ же Иннокентіѣ см. книгу „Письма о Киевѣ“. Сиб. 1871 г., на очень многихъ страницахъ).

XIV

181. Въ какомъ вѣкѣ жилъ Илья Муромецъ? *Киев. Епарх. Вѣдом.* 1871 г., № 15, стр. 250—356.

4. Историческая и топографическая замѣтки о городахъ и областяхъ Южной Руси.

а) Волынь.

182. Воспоминаніе о городахъ Переяславцѣ и Дубровицахъ и о князьяхъ ими владѣвшихъ. *Киевлян.* кн. 1, 1840 г., стр. 231. Статья о Дубровицѣ, съ дополненіями, переведена была на польскій языкъ *графомъ Платеромъ*, а съ польскаго г. Д. Тамочкинъ перевелъ снова на русской и напечаталъ въ *Волынскихъ Губерн.* *Вѣдомост.* 1855 г., часть неофф. № 39. Въ статьѣ разсказано исторія удѣльныхъ князей этого стариннаго волынскаго города.

183. „О городѣ Степанѣ“ *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1848 г., ч. XXII, стр. 187; перепеч. съ дополненіемъ извѣстій о Степанскомъ монастырѣ. *Киевлян.* кн. 3, 1850 г., стр. 45—50.

184. „Волынь до XI вѣка“. *Киевлян.* кн. 2, 1841 г., стр. 289.

185. Замѣтка о землѣ Волынской. *Украинецъ*, 1864 г., стр. 12.

186. О памятникахъ Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства. *Киевлянинъ* кн. 2, 1841 г., стр. 311. А самые памятники изданы подъ редакціей Максимовича въ книгѣ: „Памятники, изданныя Временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ“. Кіевъ. 1845 г., т. I.

б) Украина.

187. Воспоминаніе о г. Золотоношѣ. *Журн. Министр. Внутр. Дѣлъ* 1848 г., ч. XXIII, № 9, стр. 410—428; перепеч. въ *Украинцу* 1859 г., стр. 123—145. (О происхожденіи города; исторія его и его церквей и монастырей; срѣднія обѣ украинскихъ имѣніяхъ кн. Іеремій Вишневецкаго. Рецензія въ *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1848 г., ч. LX, отд. 6, стр. 150).

188. Сказание о г. Переяславѣ въ первобытныя времена. *Киевлян.* 1850 г., кн. III, стр. 1.

189. Сказание о празднике св. Бориса подъ Переяславомъ. *Киевлян.* 1850 г., кн. III, стр. 7. Отд. брошюркой. Кіевъ. Третье изданіе 1867 г., въ 16-ю д. л., 24 стр. Съ рисункомъ изъ лѣтописи XIII в. „Борисъ идетъ на Шеченѣгъ“.

190. О древней епархіи Переяславской. *Чтения въ Моск. Общ. и Древн. Росс.* 1858 г., кн. IV, отд. 5, Смѣсь, стр. 145—150.

191. Путевое воспоминаніе о Полтавѣ. *Украинецъ* 1859 г., стр. 112.

(Здѣсь же встатьи напомнить уже указанную статью Родина Гоголя (мѣстечко Сорочинцы), *Москвит.* 1854 г., № 1, Смѣсь, стр. 6—7).

192. Объ именахъ южнорусскихъ городовъ. О малороссійскомъ произношеніи мѣстныхъ именъ. Замѣчанія на Шафарикову карту славянскихъ земель. *Москвит.* 1843 г., № 10, стр. 455—468.

193. Любочные изображенія малороссійскихъ городовъ. *Киевлян.* 1850 г.,

ХV

кн. 3, стр. 186, съ двумя листами снимковъ съ лубочныхъ картинъ XVIII в., изображающихъ Киевъ, Черниговъ, Переяславъ, Глуховъ и Батурино.

194. О десяти городахъ и иѣкоторыхъ селахъ древней Руси. *Москвит.* 1854 г., № 1, Смѣсь, стр. 1—6.

195. На прощанье съ 1867 годомъ. Письмо къ М. И. Погодину, о столѣтіи изданія лѣтописи Нестора и о древнемъ приднѣпровскомъ городѣ Устьѣ. *Русскій* 1868 г., 1-е полугодіе, № 11.

в) Таврида.

196. Воспоминаніе о Тавридѣ. Письмо къ князю Петру Андреевичу Вяземскому. *Русскій* 1868 г., второе полугодіе, № 52; перепеч. въ Письмахъ о Киевѣ. Спб. 1871 г., стр. 135.

5. Казачество и его дѣятельн.

197. Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украинѣ до смерти Богдана Хмѣльницкаго. (Часть первая). *Вѣсти. Русск. Географ. Общества* 1856 г., ч. XVII, кн. 4, отд. 2, стр. 222 — 242. О полкахъ, бывшихъ до Зборовскаго мира, 1649 г., и послѣ мира по 1657 годъ. Есть оттиски. Рецензія *Русск. Инвал.* 1856 г., № 239, Як. Турунова.

198. Бубновская сотня. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1848 г., ч. XXIV, № 11, стр. 212 — 243 и 1849 г., ч. XXVI, № 4, стр. 26 — 68 и № 6, стр. 315 — 393.

199. Извѣстія о гайдамакахъ. *Москвит.* 1845 г., № 5 и 6, стр. 45 — 68. Замѣчанія на книгу г. *Скальковскаго*: „Наѣзды гайдамаковъ на западную Украину въ XVIII стол.“. По преимуществу ограждены отъ нареканій г. *Скальковскаго* Максимъ Желѣзникъ и его гайдамачество въ 1768 году.

200. О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII вѣкѣ. *Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. IV, стр. 35 — 61. Письма къ М. А. Грабовскому.

201. Историческія письма о казакахъ. *Демъ* 1863 г., №№ 44 и 46; продолженіе писемъ въ *Киевлянинъ* 1865 г., №№ 23 — 25; по поводу мифнѣй Антоновича о происхожденіи казачества. Всего пять писемъ къ М. В. Юзефовичу.

202. NB. Въ рукописи осталось „Сказаніе о Коліевщинѣ 1768 года“, написанное еще въ 1840 году для первой книги *Киевлянина*, но не пропущенное тогдашнею цензурой. Имъ воспользовался г. Маркевичъ въ своей Исторіи Малороссіи.

---

203. Изслѣдованіе о гетманѣ Петрѣ Коняшевичѣ Сагайдачномъ. *Москвит.* 1843 г., № 10, стр. 347 — 370. Написано по поводу Запорожской Старины, Срезневскаго. Поправки въ повѣствованіяхъ о Сагайдачномъ и опроверженіе нареканій на него. Свѣдѣнія о его родѣ, иночествѣ, кончинѣ. О народной пѣснѣ про Сагайдачнаго, относящейся не къ гетману Петру.

XVI

204. Сказание о запорожском гетмане Петре Конашевиче Сагайдачномъ. *Киевлянинъ* 1850 г., кн. 3, стр. 151—183, съ двумя рисунками—портретомъ гетмана и взятиемъ Кафы, и отрывками изъ вирш на погребеніе Сагайдачного. Есть оттиски въ 8-ю д. я., 32 стр.

205. Воспоминаніе о Богданѣ Хмельницкомъ. *Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. I, стр. 65—80. Въ концѣ приведены отрывки изъ драмы (Феофана Прокоповича?) „Милость Божія, Україну отъ неудобъ пошлыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмельницкаго свободившага“ и проч. Въ связи съ этой статьей находится вышеуказанное письмо къ Грабовскому „о причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ“.

206. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ. (4 письма къ Погодину). *Украинецъ* 1859 г., стр. 147—174. Объясненіе по поводу этихъ писемъ, Костомарова. *С.-Петербург. Вѣдом.* 1859 г., № 122.

207. О пріѣздѣ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ Замостиya. 5-е письмо къ Погодину. *Русск. Бесѣда* 1859 г., кн. VI, отд. 5, стр. 93—100. Всѣ эти письма представляютъ критическія замѣтки на книгу Костомарова „Богданъ Хмельницкій“.

208. Въ отвѣтъ на объясненіе Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ. *С.-Петербург. Вѣдом.* 1860 г., № 8. Тамъ же и отвѣтъ Костомарова. Въ связи съ этой статьей стоитъ указанный выше „Споръ о малороссійскихъ именахъ“. *С.-Петербург. Вѣдом.* 1860 г., № 103.

209. Письма о Богданѣ Хмельницкомъ къ Н. И. Костомарову: 1) О событии на Кадакѣ. 2) О воспитаніи Богдана Хмельницкаго. 3) Объ участіи его въ казацкихъ восстаніяхъ на поляковъ. 4) Въ концѣ характеристика Богдана. 5) О никольскомъ пирѣ его. 6) Повѣсть о побѣгѣ его изъ Бродъ. 7) О цезарскомъ плѣнѣ и черноморскихъ походахъ его. 8) О плѣненіи двухъ Кантемировъ 1629 года. 9) О введеніи къ гѣтописи Самовидца. 10) О похищеннѣ королевской грамоты у Барабаша. 11) О сотничествѣ Хмельницкаго. Всего одиннадцать писемъ. *Основа* 1861 г., № 2, стр. 105—120 и № 5, стр. 1—23.

210. Какъ писать фамилию Богдана? (авторъ узаконяетъ: Хмельницкій). *Киевлянинъ*. 1870 г.

211. Замѣтка къ листу гетмана Скоропадского. *Киевскія Епарх.* *Вѣдом.* 1865 г., № 16, стр. 614.

212. О первыхъ гетманахъ и полковникахъ прилуцкихъ. Письмо къ Н. А. Маркевичу. *Москвитинъ*. 1849 г., № 9, стр. 1—6. Указано нѣсколько новыхъ имёнъ гетмановъ и прилуцкихъ полковниковъ.

213. Замѣтка о казацкихъ гетманахъ. Письмо къ С. М. Соловьеву. *Русск. Вѣстн.* 1859 г., т. XXIV, № 22. *Соврем. Лѣтопись*, стр. 163—166.

214. О сотникѣ Харькѣ и запорожцѣ Чупринѣ. *Русск. Бесѣда* 1857 г. кн. 1, стр. 38—49. *Украинскія письма* къ П. А. Кулишу.

215. О родѣ Богдана Братковскаго. Письмо къ В. Б. Антоновичу. *Киевлянинъ*. 1865 г.,

XVII

216. Память о киевскомъ воеводѣ Григоріѣ Ходкевичѣ. *Утро*, М. 1868 г., стр. 378—380.

217. О литовскомъ гетманѣ кн. Острожскомъ. Письмо къ М. О. Кошевичу. *Украинецъ* 1864 г., стр. 17.

218. Письма о князьяхъ Острожскихъ. *Кiev. Епарх. Вѣдом.* 1866 г., № 3, стр. 103; № 4, стр. 141; № 6, стр. 196; № 7, стр. 236; № 9, стр. 289; № 10, стр. 322. Всего семь писемъ къ графинѣ А. Д. Блудовой. Отд. изданіе. Киевъ 1866 г., въ 8-ю д. и., 54 стр.

6. Археология.

219. Украинскія стрѣлы съ изображеніемъ 45 стрѣль. *Археологич. Вѣсти*. 1868 г., вып. 5. Отд. изд. въ 4-ю д. и., 16 стр.

Къ археології примыкаютъ указанныя выше статьи: о мѣстѣ церкви св. Андрея, о времени основанія Киево-Софійского собора. *Кievskij Епарх. Вѣдом.* 1866 г., № 11 и 1867 г., № 1, равно и нѣкот. другія.

220. О записи Владимира Ольгердовича. (Письмо къ П. А. Муханову), *Литоп. Запят. Археогр. Коммис.* V, 172 — 173.

221. Археологическія письма къ гр. А. С. Уварову, (Труды первого Археолог. съѣзда въ Москвѣ 1869, т. I, с. CXXV — CXXXIV).

222 О фоффудахъ. (Письмо къ Н. П. Барсукову), *Литоп. Запят. Археогр. Коммис.* V, 169.

7. Историческая библиографія.

223. О запорожской старинѣ, сборникъ *Орловскаго*. *Молва* 1834 г., № 6, при *Телескопѣ*.

224. Извѣстіе о лѣтописи Гр. Грабянки, изд. въ 1854 Киевской Временной Коммиссіи. *Московитянъ*. 1855 г., т. V, № 17—18, стр. 145 — 158. Лѣтопись Грабянки доведена до 1708 г. Издана подъ редакцією Самческаго. Статья Максимовича есть разборъ лѣтописи и исправленіе показаний и выводовъ редактора ея.

225. Извѣстіе о южнорусскихъ лѣтописцахъ, издан. *Ник. Бѣлоозерскимъ. Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. III, стр. 45—49.

226. О Гр. Н. Тепловѣ и его запискѣ о непорядкахъ въ Малороссіи, письмо къ г. Кулишу. *Русск. Бесѣда* 1857 г., кн. IV, стр. 61—78.

227. О киевскомъ синонимѣ. Письмо къ П. Г. Лебединцеву. *Кievsk. Епарх. Вѣдом.* 1868 г., № 9, стр. 352; перепеч. въ *Русскомъ* 1868 г., второе полугодіе, № 43 и въ Письмахъ о Кіевѣ. Спб. 1871 г., стр. 127—134.

228. Объ историческомъ романѣ г. Кулиша „Черная рада“, письмо къ Г. П. Галагану. *Русск. Бесѣда* 1858 г., кн. I, стр. 13.

229. Письмо къ П. И. Бартеневу о путешествіи въ св. землѣ священника И. Лукьянова. *День* 1865 г., № 33.

230. О памятной книжѣ Я. Михайловскаго, письмо къ графу Броэль-де-Платеру. *Кievлянъ*. 1865 г., №.

231. Замѣтка (по поводу пропусковъ въ академическомъ календарѣ о годахъ основанія духовныхъ академій). *День* 1865 г., № 39.

XVIII

2. Библіографическое извѣстіе о книгѣ „Отдѣль польскихъ пословицъ“. *Киевлянъ.* 1867 г., марта 23-го.
Кромѣ собственныхъ историческихъ трудовъ, Максимовичъ напечаталъ нѣсколько материаловъ въ *Чтеніяхъ Москов. Общества Исторіи и Древностей*, а именно:

233. Отрывокъ изъ записокъ профессора Чеботарева (1847 г., № 9, Смѣсь, стр. 1—23).
234. Милость Божія, драма Ф. Прокоповича (?), (1858 г., кн. I, Смѣсь, стр. 75 — 100).
235. Объясненіе нѣкоторыхъ названій, особенно славянскихъ, изъ языка Финикійскаго. И. И. Кохомъ (1846, № 9, Смѣсь).
236. Записка генерала Неверовскаго о службѣ своей въ 1812 году (1859 г., кн. I, стр. 77 — 82).
237. Въ 1835 году сообщилъ П. А. Муханову старописьменную книгу киевскихъ актовъ, изъ коихъ важнѣйшіе напечатаны въ *Сборнике Муханова* 1836 и 1866 гг.
238. Въ 1845 г. былъ редакторомъ 1-го отдѣленія I тома *Памятниковъ*, изданныхъ Временною Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ.
239. Въ 1847 г. редактировалъ Обозрѣніе Киева въ отношеніи къ древностямъ, изд. И. И. Фундукаля. К. 1847 г.

8. Этнографія.

240. Дни и мѣсяцы украинского селянина. *Русск. Бесѣда* 1856 г., № 1, Смѣсь, стр. 61—83; № 3, стр. 73—108. Есть и отд. оттиски. Рецензія въ *Чернилов. Губер. Вѣdom.* 1856 г., часть неофіц. № 49, Ад. Лазаревскою.

IV. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ, ИЗДАННЫЕ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

241. Денница, альманахъ на 1830 годъ. М. LXXXIV и 256 стр. въ 16-ю д. л.
242. Тоже, на 1831 годъ, М. LVIII и 140 стр., въ 16-ю д. л. При второй книгѣ приложена музыка Верстовскаго на стихи Пушкина „Сынальши вы за рожей гласть ночной“¹⁾.
243. Тоже, на 1834 годъ. М. 240 стр., въ 16-ю д. л.
Рецензіи: 1) *Вѣсти. Европы* 1830 г., ч. 169, № 2, стр. 171, статья Н. Н. (Николая Надеждина). Ответъ Максимовича, *Моск. Вѣсти.* 1830 г., № 4, стр. 420 — 423. 2) *Моск. Телегр.* 1830 г., ч. XXXI, стр. 75—87; 1831 г., ч. XXXVII, стр. 537 — 544 и 1834 г., № 1, стр. 181 — 184; 3) *Сѣв. Меркурій* 1830 г., № 23 и 1831 г., № 23, ст. *Аристарха Завѣтина* (псевдонимъ М. А. Бестужева-Рюмина); 4) *Литер. Газета* 1830 г., т. I, № 8, стр. 62—66 и 1831 г., № 15, стр. 122 и № 16, стр. 131. (См. еще № 29, стр. 238, Смѣсь), 5) *Телескопъ* 1831 г., № 4, стр. 577 — 583; 6) *Гирлянда* 1831 г., № 12, стр. 301; 7) *Сынъ Отеч.* 1831 г., № 20, ст. *Максима Хохловича*.

¹⁾ Сочин. А. С. Пушкина, изд. П. Анненкова. Спб. 1855 г., т. II, стр. 147.

XIX

244. Кіевлянинъ на 1840 годъ, книга 1-я, съ видомъ Золотыхъ Воротъ. К. въ 8-ю д. л. 253 стр.

245. Тоже, на 1841 годъ, книга 2-я, съ видомъ университета св. Владимира (но рисунку видно, что прежде предполагались, по бокамъ университета, съ лицевой стороны, два флигеля, въ 21 окно каждый). К. въ 8-ю д. л., 326 стр.

246. Тоже, книга 3-я, Москва, 1850 г., въ 8-ю д. л. 218 стр.
Рецензіі: 1) *Літер. Газета* 1840 г., № 34; 2) *Маякъ* 1840 г., ч. VIII, стр. 209—216, ст. П. Корсакова и 1843 г., т. VII, стр. 155, ст. И. Сахарова; 3) *Москвит.* 1844 г., ч. VI, № 12, стр. 511—517, ст. С. М. Соловьевъ, 1850 г., № 10, кн. 2, стр. 43, ст. М. П. Погодина; 4) *Отеч. Записки* 1850 г., т. LXX, № 6, отд. 6, стр. 99 — 101; 5) *Современ.* 1840 г., т. XIX, стр. 143—144 и 1850 г., т. XXII, стр. 9—11; 6) *Сынъ Отеч.* 1840 г., кн. 8, стр. 833—836.

247. Українецъ (составленный изъ собственныхъ трудовъ). М. 1859 г., въ 8-ю д. л., 174 стр.

248. Тоже, Кіевъ 1864 г., въ 8-ю д. л. 39 стр.
Рецензіі: 1) *Моск. Вѣдом.* 1859 г., № 98, ст. Ол. Гатцукъ. Новости малороссійской литературы; Объясненіе М. А. Максимовича, тамъ же, № 105; Письмо г. Гатцукъ, тамъ же, № 112; Отвѣтное слово Максимовича, тамъ же, № 115; 2) *С.-Петербург. Вѣдом.* 1859 г., № 186; 3) *Кіевлянъ.* 1864 г., № 7.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ СПИСКУ.

Источники для біографіі Максимовича.

249. Біографія въ Словарѣ профессоровъ Московскаго университета, ч. II, М. 1855 г., стр. 1—22.

250. Записки о жизни Н. А. Полеваго. Спб. 1860 г., стр. 162, соч. К. Полеваго.

251. Исторія университета св. Владимира, соч. В. Я. Шульгина. Спб. 1860 г. При этомъ см. письмо Максимовича къ г. Шульгину. С.-Петербург. Вѣд. 1860 г., № 3.

252. Письма о Кіевѣ. Спб. 1871 г.

253. Письма Гоголя, на Сочиненія и письма Н. В. Гоголя, изд. Куліша. Спб. 1857 г., т. V, стр. 164, 182, 188, 192, 193, 198, 199, 202, 203—205, 206, 211 — 213, 215—217, 220, 223, 224, 230, 236, 241 и 456. Тоже въ Запискахъ о жизни Гоголя, соч. Николая М. (Куліша).

254. Письмо Дельвига, *Соврем.* 1854 г., № 9, стр. 37, въ статьѣ В. П. Гаевскою „Дельвигъ“.

255. Письмо О. М. Сомова, тамъ же, стр. 38—39, 60 — 61.

256. Письмо Н. И. Надеждина. *Москвит.* 1856 г., № 3.

257. Письмо Неволина. *Москвит.* 1856 г., № 3, стр. 235—236.

Ему посвящены:

258. Четыре дня въ Финляндіи. Письма къ одному приятелю въ Москву, соч. О. М. Сомова. Это описание поездки на водопадъ Иматру, въ

край участвовали Дельвигъ съ семействомъ, Сомовъ, В. П. Лангеръ, М. И. Глинка. *Сюе. Цюла* 1829 г., № 110—112, 114 и 116, и *Литер. Газета* 1830 г., т. I, № 34, стр. 269, № 35, стр. 277 и № 36, стр. 285. Письма эти изданы и отдельно въ 1830 году, съ 6 видами (описанныхъ мѣстъ), рисованными Лангеромъ, и иллюстрациями финской пѣсни, положенными съ напѣва М. И. Глинкою.

259. Письма въ Киевъ о русской литературѣ: Письмо 1-е. Куда дѣвалась наша поэзія? *Н. И. Надеждина. Телескопъ* 1835 г., ч. XXV, № 1, стр. 149—158. (Продолженія не было).

260. Письмо проф. К. Лебедева. *Телескопъ*.

261. Письмо проф. А. И. Криницкаго: „Описаніе минераловъ, при Ненасытнскихъ порогахъ находящихся“. Учен. Записки Москов. Университета. ч. IV, стр. 161—167.

262. Два стихотворенія Надежды Тешовой. „Стихотворенія Н. Тешовой“. М. 1860 г., стр. 37 и 39.

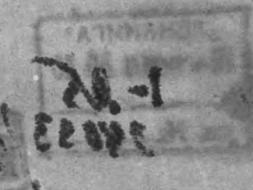
263. Стихотвореніе Языкова. *Парусъ* 1859 г., № 1 (не вошло ни въ одно собраніе стихотвореній Н. М. Языкова).

264. Два сини, разсказъ *Марка-Воичка. Основа* 1861 г., № 4, апрѣль, стр. 21.

Опечатки:

Въ *Журнале Министерства Народного Просвещенія*, въ статьѣ Пономарева:

Напечатано:	Читай:
Стран. 175, 1881 года.	1871 года
» 177, 1788 года.	1787 года
» 178, <i>Октября</i>	Сентября
» 185, <i>Уже рѣдкій</i>	<i>Еще</i> рѣдкій
» 205, <i>Славянскими руками</i>	<i>Славянскими руками</i>
» 215, <i>Энцик. листокъ</i>	<i>Энцик. словарь</i>
» 216, 1838 года (Евгений скончался)	1837 года
» 221, <i>Церковные памятники</i>	<i>Церковн. Памятники</i>
» 233 <i>Монастырскихъ городовъ</i>	<i>Малороссийскихъ городовъ</i>
» 248, <i>Подъ селомъ</i>	<i>Надъ селомъ</i>

B53108

✓ 412

89080122187

B89080122187A

SINDER
Pressboard

Digitized by Google

89080122187

b89080122187a